

Studies in European Language Diversity 25.2

Вепсский язык в России

Подробный отчет ELDIA

Ульриikka Пуура, Хейни Карьялайнен, Нина Зайцева,

Рихо Грюнталь

eldia

european language
diversity for all

Mainz • Wien • Helsinki
Tartu • Mariehamn • Oulu • Maribor

Исследования Европейского языкового разнообразия (Studies in European Language Diversity) – это серия рецензируемых онлайн публикаций исследовательского проекта ЕЛДИА (ELDIA), которая предназначена для публикации предварительных результатов исследовательской работы, результатов конкретных индивидуальных исследований, условий реализации проекта и сопутствующих исследованию результатов.

Главный редактор

Йоханна Лааксо (Johanna Laakso) (Вена)

Редакционная коллегия

Кари Дерф (Kari Djerf) (Хельсинки), *Рихо Грюнталь (Riho Grünthal)* (Хельсинки),
Анна Коллат (Anna Kolláth) (Марибор),
Хелле Метсланг (Helle Metslang) (Тарту), *Карл Паюсалу (Karl Pajusalu)* (Тарту),
Аннели Сархимаа (Anneli Sarhima) (Майнц),
Сия Спилиопоулоу Окермарк (Sia Spiliopoulou Åkermark) (Мариехамн), *Хелена Сулкала (Helena Sulkala)* (Оулу), *Ретта Тойванен (Reetta Toivanen)* (Хельсинки)

Издатель

Исследовательский консорциум ЕЛДИА (ELDIA), контактное лицо Проф. Аннели Сархимаа (Anneli Sarhima)

Языки и культуры Северной Европы и Балтии (SNEB)

Майнцский университет Иоганна Гутенберга (Johannes Gutenberg-Universität Mainz)

Jakob-Welder-Weg 18 (Philosophicum)

D-55099 Майнц, Германия (Mainz, Germany)

Контакты: eldia-project@uni-mainz.de

© 2013 European Language Diversity for All (ELDIA)

Funded under Socio-economic Sciences & Humanities

Дизайн обложки: *Минна Пелконен & Хайналка Берени-Кисш (Minna Pelkonen & Hajnalka Berényi-Kiss)*

ЕЛДИА (ELDIA) – международный исследовательский проект, основанный Европейской Комиссией. За мнения, представленные в **Исследованиях Европейского языкового разнообразия**, полностью отвечают авторы (автор), которые не обязательно отражают мнения Европейской Комиссии.

На все содержание **Исследований Европейского языкового разнообразия** распространяется авторское право Австрии. Содержание может быть использовано исключительно в индивидуальных некоммерческих целях. По вопросам следующих выпусков **Исследований Европейского языкового разнообразия**, пожалуйста, обращайтесь к издателю.

ISSN 2192-2403

Содержание

Содержание	1
Введение	3
Список иллюстраций	4
Список таблиц	6
1 Введение: О проекте ELDIA.....	7
2 Общественно-исторический и лингвистический контекст.....	9
2.1 Введение	9
2.2 Социоистория	11
2.2.1 Контекст изучаемых языковых сообществ	11
2.2.2 Территориальный и политический контекст.....	17
2.2.3 Культурный контекст.....	22
2.3 Демографический контекст	25
2.4 Языковая и национальная политика на практике	27
2.4.1 Общий контекст языковой политики	27
2.4.2 Создание литературного языка	28
2.4.3 Использование языка в разных сферах	29
2.5 Языковые контакты и сохранение языка	31
2.5.1 Общее описание вепсского и русского языков.....	31
2.5.2 Однойязычие, двуязычие и многоязычие.....	35
2.5.3 Результаты языковых контактов	38
3 Сбор данных и методы	41
3.1 Введение в полевую работу	41
3.2 Изучение материала	42
3.2.1 Структура вопросника для представителей малочисленных народов.....	42
3.2.2 Исследование группы говорящих на вепсском языке	43
3.2.3 Структура вопросника для контрольной группы	43
3.2.4 Исследование русской контрольной группы	43
3.3 Индивидуальные интервью с носителями вепсского языка	44
3.4 Интервью с фокус-группами.....	45

3.4.1	Интервью с фокус-группами – вепский язык.....	45
3.4.2	Интервью с представителями контрольной группы	45
3.5	Социодемографическое распределение	46
3.6	Принципы, лежащие в основе анализа данных ELDIA	47
3.6.1	Языки малочисленных народов как часть многоязычия в современном обществе	47
3.6.2	Цель проекта ELDIA	48
3.6.3	Определение и измерение жизнеспособности языка	48
3.6.4	Анализ данных.....	50
4	Анализ данных	51
4.1	Анализ СМИ	51
4.2	Анализ правовых и институциональных рамок.....	56
4.3	Социолингвистический анализ исследования и интервью	57
4.3.1	Использование языка и взаимодействие.....	57
4.3.2	Законодательство.....	113
4.3.3	Медиа.....	117
4.3.4	Образование.....	122
5	Барометр жизнеспособности конкретного языка	126
5.1	Способность.....	129
5.2	Возможность.....	131
5.3	Стремление.....	132
5.4	Языковая продукция	133
5.5	Жизнеспособность языка меньшинства.....	135
6	Выводы.....	136
	Источники.....	138
	Рекомендации	146

Введение

Этот доклад является частью исследовательского проекта ELDIA, который подробнее описывается в Разделе I, и посвящен анализу ситуации вепсского языка, распространенного в Российской Федерации. Вепсский язык находится под серьезной угрозой исчезновения, на нем говорит около двух тысяч человек, в основном пожилых людей, в обществе, которое поощряет, в основном, одноязычие на доминирующем русском языке.

Этот доклад, как и все исследования конкретных ситуаций, предпринимаемые в рамках ELDIA, был написан в соответствии с планом, разработанным главной командой ELDIA в Тарту. Работа на местах была спланирована и велась Рихо Грюнталем в сотрудничестве с Ниной Зайцевой в Петрозаводске, при содействии Хейни Карьялайнена. Хейни Карьялайнен и Улриikka Пуура провели анализ полученных данных и составили ряд резюме при содействии Сантры Янтунен. Эти резюме послужили основой для Разделов IV и V. Окончательный текст был написан совместно Хейни Карьялайненом и Ульриикой Пуура, за исключением Раздела III/6, авторами которого были Аннели Саримаа и Ева Кюхирт, Раздела IV/1, написанного Сиа Спилиопулу-Окермарк, а также Раздела IV/2, автором которого была Реетта Тойванен. Улриikka Пуура также является основным автором Раздела II, в написании которого принимала участие Нина Зайцева.

Это укороченный перевод доклада, составленного на английском языке. Для получения более подробной информации и ознакомления с исправленным текстом обращайтесь к английской версии доклада на сайте ELDIA (<http://www.eldia-project.org/>). Доклад был переведен Ольгой Зайцевой и Еленой Перехвальской.

С момента начала работы свой вклад в наше исследование внесли многие люди. Включение в исследование самых разных групп, принятие во внимание различных условий и факторов гарантировало успешную работу. Мы очень благодарны всем тем организациям, учреждениям и заинтересованным людям, которые предоставляли нам самую разнообразную помощь. Достижение целей всего проекта, включая планирование, полевые исследования, анализ полученных данных, написание и редактирование отчетов было бы невозможным без помощи таких людей, как Людмила Алексеева, Наталья Анхимова, Виктор Бирин, Елена Богданова, Татьяна Бойко, Татьяна Васильева, Ольга Жукова, Ольга Зайцева, Константин Замятин, Денис Кузьмин, Ольга Миронова, Ирма Муллонен, Светлана Пасюкова, Мартти Пенттонен, Елена Перехвальская, Светлана Плюхина, Геннадий Сараев, Зинаида Строгальщикова, Оути Танцос, Елизавета Харитоновна, Ксения Шагал и Сантра Янтунен. Наконец, мы хотели бы выразить искреннюю благодарность сотням анонимных респондентов, которые дали нам возможность исследовать текущее состояние дел в вепсском языковом сообществе, ответив на вопросник и принимая участие в интервью.

Список иллюстраций

Рис. 1: Карта прибалтийско-финских языков и диалектов	32
Рис. 2: Родной язык респондентов-вепсов	58
Рис. 3: Языки, используемые в общении с детьми, количество женщин по сравнению с количеством мужчин, %	64
Рис. 4: Межпоколенное использование языка, %	65
Рис. 5: Использование языка с родными братьями и сестрами, %	66
Рис. 6: Внутрипоколенное использование языка, %	68
Рис. 7: Уровни языковой компетентности, вепсский язык, %	70
Рис. 8: Уровень понимания вепсского языка в зависимости от возраста	71
Рис. 9: Уровень владения устной речью в зависимости от возраста (вепсский язык)	71
Рис. 10: Уровень владения вепсским языком (чтение) в соответствии с возрастом	73
Рис. 11: Уровень владения вепсским языком (письмо) в соответствии с возрастом	73
Рис. 12: Уровни владения русским языком, %	74
Рис. 13: Уровни владения языком (английский язык), %	75
Рис. 14: Уровни владения финским языком, %	76
Рис. 15: Уровень владения английским языком (понимание), контрольная группа, %	77
Рис. 16: Уровни владения языками, контрольная группа, количество респондентов	77
Рис. 17: Использование вепсского языка в разных сферах жизни, % (Q32A)	79
Рис. 18: Использование русского языка в зависимости от сферы деятельности, изучение ситуации у вепсов, % (Q32B)	81
Рис. 19: 'Вепсский нужно использовать в', исследование ситуации у вепсов, % (Q39)	83
Рис. 20: 'Вепсский язык должен использоваться в', контрольная группа, % (Q23B)	84
Рис. 21: Сведения об использовании вепсов в России, % (Q61)	86
Рис. 22: Важность владения вепсским языком на рынке труда (Q52)	87
Рис. 23: Важность знания русского языка на рынке труда (Q53)	88
Рис. 24: Важность знания английским языком на рынке труда	89
Рис. 25: Важность владения русским языком на рынке труда, контрольная группа (Q38) ...	90
Рис. 26: Важность знания английского языка на рынке труда, контрольная группа (Q39) ...	91
Рис. 27: Важность знания вепсского языка на рынке труда, контрольная группа (Q41)	91
Рис. 28: Использование вепсского языка в разных СМИ, (Q62A)	118
Рис. 29: Использование русского языка в разных СМИ, изучение ситуации у вепсов, Q62B	119
Рис. 30: Использование русского языка в разных СМИ, контрольная группа (Q47)	120
Рис. 31: Активное использование вепсского языка в сфере культуры (Q63A)	121
Рис. 32: Активное использование русского языка в сфере культуры, исследование ситуации у вепсов (Q63B)	122
Рис. 33 Барометр жизнеспособности вепсского языка в России	127
Рис. 34 Легенда для EuLaViBar	127

Список таблиц

Таблица 1 Вепсы и вепсский язык, указанный как родной язык, в переписи населения	26
Таблица 2 Анализ вепсов республики Карелия и Ленинградской области по возрасту и полу	26
Таблица 3: Родные языки респондентов-вепсов	58
Таблица 4: 'Звучание русского языка...', респонденты группы малочисленных народов и контрольной группы.....	106

1 Введение: О проекте ELDIA

ELDIA (European Language Diversity for All) – это исследовательский проект, в рамках которого ученые, представители разных стран и областей наук (лингвистики, юриспруденции, статистики), совместно ищут новые подходы к пониманию многоязычия и взаимоотношений общества и языков. ELDIA рассматривает не только одну группу носителей языка. Цель проекта – сравнить полученные в ходе работы результаты, обобщая и используя их для исследования других многоязычных групп и малочисленных народов в Европе и за ее пределами. Поэтому к выбору изучаемой в рамках проекта ELDIA группы носителей языка подходили с учетом широкого диапазона многоязычных сообществ в разном политическом, историческом, экономическом и культурном окружении. Сюда относятся «древние», или коренные, малочисленные народы (например, саамы, карелы или сету), и недавно сформировавшиеся группы мигрантов (например, эстонцы в Финляндии и Германии), или комбинация этих двух типов (венгры в Австрии). Есть языки, находящиеся под угрозой исчезновения, с совсем недавно сформировавшимся письменным языком (например, мянкиели, карельский или вепсский языки), а также языки, которые используются в литературе и образовании достаточно широко (венгерский или эстонский). Все эти языки принадлежат к финно-угорской языковой семье. В работах по многоязычию и взаимодействию языков и общества в мире финно-угорским языкам уделяли слишком мало внимания, что в данном случае является более важным фактом, чем родство языков (иногда весьма отдаленное). Исследования этих языков часто появляются только на национальных языках.

Итоги предметного исследования в рамках проекта ELDIA будут изложены в Сравнительном Отчете и опубликованы на английском языке в 2013 году. Основываясь на результатах Отчета, исследователи ELDIA подготовят Барометр Жизнеспособности Европейских Языков (EuLaViBar) – карту проверки/инструкцию для руководителей и других участников.

Предметом данного исследования является вепсский язык, на котором говорят на северо-западе Российской Федерации. Вепсы – это один из коренных малочисленных народов России, который постоянно проживал на территории северо-запада России до завоевания северных областей славянами, предками русских. Российская Федерация – многонациональное государство, в котором, по последней переписи населения, проживает 160-170 национальностей (Перепись 2010 года).

Согласно данным на сайте Ethnologue¹, в Российской Федерации говорят на ста различных языках. По известным нам историческим данным, вепсы всегда были небольшой языковой и этнической группой. В первой половине 19-го века исследователи обнаружили вепсов и вепсский язык и сразу же обратили внимание на билингвизм, ассимиляцию и языковой сдвиг этого народа. Только в начале 21-го века вепсы официально получили статус малочисленного народа Российской Федерации. В данном проекте носители русского языка, проживающие на территории распространения вепсского языка, являются контрольной группой. По данным последней переписи населения 2010 года, 5936 человек назвали своим родным языком вепсский язык. Общественно-историческое положение вепсского языка сильно отличается от положения русского. Русский язык – один из самых распространенных в мире (8-ое место по числу носителей, является родным языком для 144 миллионов людей в 33 странах на основании данных сайта Ethnologue и для 111 миллионов людей в Российской Федерации по переписи 2010 года). Русский язык – полностью сложившийся государственный язык, на котором говорит многочисленное население целой страны, в то время как вепсским языком пользуются несколько тысяч людей старшего поколения на северо-западе России. По данным ЮНЕСКО, он находится под серьезной угрозой исчезновения.

В следующей главе описывается общественно-историческая и языковая ситуация вепсов. Далее следует глава по методологии, где изложены принципы и процессы, лежащие в основе проекта ELDIA. В четвертой главе представлены полученные в ходе анализа законов и СМИ данные, а также новая информация – результат проведения исследований с участием контрольной группы и вепсской группы и интервьюирования этих групп. Пятая глава представляет Барометр EuLaViBar для вепсского языка и обсуждение результатов барометра. В конце отчета изложены выводы и рекомендации.

Оригинальная версия отчета на английском языке сокращена Хейни Карьялайнен и Улрииккой Пуура и переведена на русский язык Ольгой Зайцевой в 2013 году.

¹ http://www.ethnologue.com/show_country.asp?name=RU read 20.9.2010

2 Общественно-исторический и лингвистический контекст

Данный отчет – это сокращенная версия анализа, написанного Улрииккой Пуура и Ниной Зайцевой (сокращенный вариант на английском языке опубликован, см. Puura 2012).

2.1 Введение

До 19-го века считалось, что большинство вепсов ассимилировалось с русским населением как на культурном, так и на языковом уровне (см. Строгальщикова 2008а: 30). В начале 19-го века А. Й. Шегрен (1794–1855), финский ученый, работавший для Российской академии наук, открыл, частично описал и сделал известными вепсов и вепсский язык научному миру в России и за ее пределами (Branch 1973: 83–92; Grünthal 2007: 11–15; Терюков 2005: 25).

В России в начале 20-го века исследования по вепсскому языку были крайне скудными и касались в основном этнологии. Ученые-вепсы начали исследовать вепсский язык в 1930-х годах. С этого времени находящийся в Петрозаводске Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии Наук стал центром исследования вепсского языка в России. В 1940 и 1950 годы языковой материал собирали в нескольких прежде не исследованных учеными вепсских деревнях. В 1960-х годах Муллонен и Зайцева проводили сбор материала для первого словаря вепсского языка, до сих пор являющегося самым исчерпывающим (Зайцева и Муллонен 1972); полевые работы проводились почти всей территории проживания вепсов (Муллонен 2007: 31–34).

В конце советской эпохи вепсская интеллигенция занялась исследованием языка и национальной политикой, начала работать над поднятием статуса вепсского языка, см., например, (Пименова, Строгальщикова, Сурхаско 1989), (Клементьев, Кожанов, Строгальщикова 2007). В конце 1980-х годов было основано Общество вепсской культуры, которое с того времени стало представлять интересы и права вепсского народа и языка. Инициативы Общества по вопросам школьного и высшего образования, развитию терминологии и по другим вопросам стали отправной точкой для исследования и развития вепсского языка в последние десятилетия в России (Зайцева 2007: 137–138). Ознакомиться с кратким обзором истории и этнографии вепсов можно в статье Строгальщиковой (2008).

Исследования вепсского языка и народа помимо Петрозаводска ведутся и в университете в Вологодской области. Этнография и антропология вепсов изучается также в Санкт-Петербурге – в Санкт-Петербургском государственном университете и в Российском музее этнографии (Терюков 2005: 28). Вепсский язык и культура преподаются в Институте народов Севера университета Герцена в Санкт-Петербурге. За пределами России центром исследования вепсского языка стала Финляндия, см., например, (Saressalo 2005), (Sinisalo-Kataisto и Hämäläinen 2007). В университете Хельсинки была проведена работа по исследованию вепсскоязычных сообществ и языковых связей². Также в 2008 году в Хельсинки был опубликован словарь в сети Интернет, являющийся результатом сбора материала в поле в 1930 годах. В Эстонии (в основном в университете Тарту) тоже проявляли интерес к вепсскому языку и культуре. Причем и во времена Советского Союза эстонские ученые, в отличие от финских, имели возможность проводить исследования вепсского языка, поскольку Эстония входила в состав СССР. Социодемографическое состояние вепсов можно проанализировать на основании данных переписей населения, проведенных в период с 1897 по 2010. В последние десятилетия региональные власти и государственные эксперты оценивали и составляли отчеты по языку вепсов и национальной политике. Самыми важными органами власти и организациями в этом отношении являются Правительство республики Карелия (особенно Министерство образования республики Карелия и Министерство республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями), Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра в Петрозаводске, факультет прибалтийско-финской филологии и культуры в Петрозаводском государственном университете и факультет вепсского и карельского языков в Петрозаводском педагогическом университете.

В предыдущих исследованиях вепсского народа и языка есть существенные пробелы. Недостаточно изучено влияние языковых контактов в ходе истории. Почти нет исследований по билингвизму, переключению кодов и языковому сдвигу. Также не изучено языковое самосознание вепсов: у нас нет данных по повседневному взаимодействию меньшинства с доминирующим народом и языковому выбору вепсов. Грюнталь (2009; 2011) был первым, кто описал языковые связи вепсов. Однако его исследование касалось больше населения сельской местности, а информации по лингвистическим связям городского (обычно более молодого) населения нет.

² http://www.helsinki.fi/hum/sugl/vepsaproj/eng_index.html

Народное самосознание вепсов не было изучено. Насколько хорошо обычные вепсы осведомлены о количестве населения и о ситуации, в которой находится вепсский народ? Знают ли они о новом стандарте литературного языка и недавно присвоенном вепсам статусе коренного малочисленного народа? Считают ли себя вепсы частью доминирующего русского населения, имеющей только некоторые характерные черты (вепсский язык, культурное наследие и т.д.) или у них свое самосознание малочисленного народа? У каждого исследователя, работающего в полевых условиях, должны быть определенные мысли по данным вопросам, см., например, (Salve 2004).

В точки зрения лингвистики самые большие пробелы в исследовании касаются до сих пор не до конца описанной грамматики вепсского языка. Наиболее хорошо изученными областями являются историческая фонология и морфология. По мнению Лааксо (2001: 179), в обновлении нуждаются взгляды на вепсский исторический морфосинтаксис. Историческая грамматика вепсского языка не изучена, не охвачены и этимологические вопросы. Кроме того, исследования не сбалансированы территориально: в последние десятилетия внимание ученых было отдано исследованию вепсского языка на территории Республики Карелия, в то время как вепсы Ленинградской и Вологодской областей оказались за пределами рассмотрения.

2.2 Социоистория

2.2.1 Контекст изучаемых языковых сообществ

Лингвистическое и этническое разнообразие в традиционной области проживания вепсов. Русские, украинцы и белорусы являются самыми большими этническими группами, проживающими в основных районах проживания вепсов на северо-западе России: в Республике Карелия, в Ленинградской и Вологодской областях. По данным переписи населения 2010 года, в Вологодской области проживает 412 вепсов (0,04% населения), в Ленинградской области – 1380 вепсов (0,1% населения), в Республике Карелия – 3423 вепса (0,5% населения). Всего на упомянутых территориях проживают почти 90% вепсов. Еще 721 человек, назвавших себя вепсами, живут в других местах.

Республика Карелия отличается тем, что более десяти процентов ее населения составляют финно-угорские народы (карелы, финны, вепсы). Но на федеральном уровне трудно сделать вывод о размере существующих вепских сообществ, учитывая тот факт, что на административных территориях проживают как минимум

сотни тысяч людей. Вместо этого ситуацию необходимо рассматривать на муниципальном уровне, как и сделал Грюнталь (2011) в случае со средними вепсами в Лодейнопольском и Подпорожском районах Ленинградской области. Полевые работы, проведенные в определенных районах и отдельных деревнях средних вепсов, показали, что в небольших сообществах, включающих несколько десятков или сотен человек, вепсы могут составлять большинство населения. В исследовании Грюнталья интересно подмечено, что официальные данные по количеству постоянных жителей на этих территориях часто завышаются. Поэтому на основании официальной информации достаточно сложно указать точное количество носителей вепского языка.

Языки межнационального общения и местные языки. Как и следовало ожидать, перепись населения 2010 года показала уменьшение количества считающих себя вепсами и говорящих на вепском языке. На момент написания данного отчета весной и летом 2012 года еще не были готовы результаты определения уровня знания вепсами родного языка. Однако общее количество граждан России, сообщивших о владении вепским языком, в 2010 году составляло 3613 человек. Это значит, что не более 60% признающих себя вепсами могут говорить на родном языке. В главе 2.3. более подробно описано демографическое развитие и снижение уровня владения родным языком.

На данный момент все вепсы в той или иной степени владеют русским языком, который используется в качестве языка межнационального общения в повседневной жизни. Русский язык является языком образования и культуры, большинства СМИ и всего общества. К тому же, не все вепсы могут говорить на родном языке. Вепский язык используется только как местный язык: обычно им пользуются деревенские жители среднего и старшего поколения в повседневной жизни.

Самосознание. Вепсы называют себя по-разному. По мнению Грюнталья (1997: 97), для обозначения соседних народов у вепсов не было определенных установленных имен. По отношению к себе вепсы использовали несколько **этнонимов**: *vepsä* или *vepsäläinen* 'вепс', *ludinik*³ или *lūdilaine* 'людик', *tähine* или *tägalaine* 'здешний, местный'. Во время проведения первой переписи населения в 1897 году для обозначения вепсов и вепского языка использовали этноним *чудь* (*Čud'*), до сих пор бытующий на некоторых вепских территориях. По мнению Сетяля (1919: 941–942), на восточном берегу реки Оять не было специального этнонима. На этой территории самосознание вепсов сводилось к определению

³ Тот же этноним использовался у северных вепсов, людиковских и ливвиковских карел (Grünthal 1997: 97).

языка: “*meide kartte pagižeb*” ‘говорит по-нашему’ или “*töu kelū pagižeb*” ‘говорит на этом языке’. В настоящее время все вепсы знают и в официальной речи используют общий этноним «вепс», хотя в повседневном общении они часто пользуются другими этнонимами. Общий и на данный момент широко распространенный этноним *вепс* официально вошел в употребление только в переписи населения 1926 года. Интересно отметить, что даже в речи хорошо владеющих языком носителей в качестве прилагательного, связанного с этнонимом, часто используется русское прилагательное *вепский*, а не собственно вепское прилагательное с тем же значением. Скорее всего, это показывает, что слово *вепсы* воспринимается именно как наименование, традиционно использовавшееся другими народами для обозначения вепсов.

Ситуация с понятием, обозначающим вепский язык, очень схожа с ситуацией с этнонимом. По мнению Зайцевой, большинство вепсов говорит ‘по-нашему’ (*miide kartte*), ‘по-здешнему’ (*tähiižeks*) или ‘на домашнем языке’ (*kodikelel*). Некоторые северные вепсы говорят ‘говорить по-людиковски’ (*pagišta lidikš*), так же говорят и вепсы, проживающие на берегу реки Оять (*pagišta lüdikš*).

Этноним *Vepsä* (или *Vepsa*, *Vepsu*, *Vepso*) можно найти в топонимах на вепских территориях и даже в Финляндии (Grünthal 1997: 99). Несмотря на это, по всей видимости, у вепсов не было специального термина для обозначения своей территории проживания, вместо них используются названия административных территорий, населенных пунктов и городов. Впрочем, существует общее понятие *Vepsän ma* (‘вепсская земля’), в основном в поэзии. Было бы, однако, интересно узнать, как обычный вепс представляет себе географическую территорию, образно называемую *Vepsän ma*.

Литературный язык. В истории вепского языка было два периода развития литературного языка. Первый этап развития литературного языка, имевший место в 1930-х годах, оказался коротким, поскольку был прекращен властями к концу десятилетия. Следующий этап развития литературного стандарта начался в конце 1980-х годов. Три основных диалекта различаются между собой (см. Зайцева 2005: 152–153) и отличаются от литературного языка, однако небольшие различия не мешают членам сообщества понимать друг друга. При этом новая лексика и использование в литературном языке синонимов из разных диалектов вызывают трудности в понимании литературного языка. Важный технический фактор, мешающий в особенности вепсам старшего поколения использовать письменный вепский язык – латинская графика вместо кириллицы. Латинскую графику могут понимать главным образом те люди, которые изучали в школе немецкий язык или

другие иностранные языки. Многие вепсы, представители старшего поколения, не могут читать на своем родном языке (см. 4.3.1.3).

История взаимодействия вепского и русского народов в сфере языка. Известно, что русский и вепский народы и, соответственно, языки контактируют друг с другом уже более тысячи лет. Предки вепсов и карелов проживали на берегах Ладожского и Онежского озер уже во второй половине первого тысячелетия. Их предшественниками на этой территории были саамы. Из-за отсутствия достоверных письменных источников ранняя история и отношения между вепсами и славянами на этой территории должны были воссоздаваться на основании археологических и лингвистических данных, см. (Кочуркина 2005), (Sarhimaа 1999). По мнению Бубриха (1947), вепсы жили в устьях рек Волхов и Свирь на юго-восточном побережье Ладожского озера уже в 9 веке. Для точного определения исторической территории проживания вепсов ценны также проводившиеся исследования топонимики, обнаруживающие ранние этнические и языковые контакты, см. (Муллонен, И. 2007: 39–56). В соответствии с общепринятой точкой зрения, современная территория проживания вепсов совпадает с исторической территорией проживания этого народа хотя бы частично.

Славянские племена стали заселять эту территорию в конце 8-го века. Общий принцип рассмотрения истории вепсов предполагает взаимосвязь между *весью* из русских летописей и народом вепсов, см., например, (Строгальщикова 2008а). В русских летописях с начала 9-го века говорится о народе, называемом *весь*: в Повести временных лет их называют коренными жителями территории Белозерья. В арабских летописях и истории Западной Европы с начала второго тысячелетия есть упоминания о *веси*. И хотя теория о связи между *весью* и вепсами подвергалась критике, для полного ее отрицания недостаточно доказательств (Grünthal 1997: 103–108.)

Судя по общественно-историческим данным, между племенами не было особенно жестоких конфликтов. Возможное сосуществование финских и славянских народов в относительно мирном русле до начала 20-го века не подвергается сомнению. Русский народ постепенно стал завоевывать позиции политически и экономически сильной группы в период с 13 по 18 века, но активный процесс русификации начался лишь в конце 19-го века. До начала 20-го века славяне и финны жили преимущественно в отдельных поселениях, разбросанных по большой слабозаселенной территории. Однако они исповедовали одну религию, которая сближала их. Уже в 13-ом веке вепсы и карелы обратились к Константинопольской православной церкви (Sarhimaа 1999: 27–33.)

Точных данных по раннему развитию вепсского языка и всей окружающей языковой области в средние века и даже в начале новой эры нет. Однако можно предположить наличие языковых контактов на вепсской территории. Ученые, например (Itkonen 1971), полагают, что сами прибалтийско-финские языки сильно влияли друг на друга. Также прибалтийско-финские и славянские племена, проживавшие на территории распространения вепсского языка, в значительной степени оказывали влияние друг на друга. Информация о языках или языковых контактах тех времен по большей части основывается на данных исторической лингвистики, а также топонимических и археологических находках. К тому же, в русских летописях есть некоторые упоминания о событиях начала второго тысячелетия, см. (Кочкуркина 2005).

Взаимосвязь и социальное положение вепсского и русского народов. На основании официальной статистики и отчетов невозможно дать полное описание современного социально-экономического положения укоренившегося в России вепсского народа. Источниками необходимой информации являются исследования небольших групп вепсов и оценка ситуации отдельными учеными, занимающимися вепскими общинами и языком. Современные вепские сообщества – это, в основном, редкие деревенские поселения, возможно, отдельные вепские сообщества в городах, таких как Петрозаводск и Подпорожье. Согласно современным данным, русскоговорящее население в деревнях по социально-экономическим показателям не отличается от своих вепских соседей.

Достоверно известно, что вепсы – малочисленный народ, проживающий среди русских и их предков со времен распространения славянских племен на северо-западе. Вепсы стали одним из первых финно-угорских народов, попавших под власть русского народа в начале существования раннего русского государства. На протяжении веков русский народ контактировал с вепсами, и на определенном уровне с того времени распространялось двуязычие. Изменения в положении или престиже вепсского языка связаны с формированием и развитием русского и в особенности советского общества. Власти и официальные структуры всегда использовали только русский язык, но использование вепсского языка и в других сферах жизни стало сокращаться с приходом в советское общество изменений. Сообщества, говорящие на вепском языке и проживающие в сельской местности, стали распадаться (см. Grünthal 2011: 273–273). Постепенный языковой сдвиг продолжается уже долгое время, хотя за последние 80 лет его темпы возросли. В 1960-х годах все еще были представители старшего поколения, практически не владеющие русским языком, дети, проживавшие на берегу реки Оять, пользовались вепским языком в качестве родного языка (Муллонен, М. 2007: 33). В

настоящее время в тех же деревнях на берегу реки Ояти дети не говорят на вепсском как на своем родном языке.

Национальное возрождение вепсов. В целом, интерес ученых к социальному положению вепсского народа и престижу его языка появился только несколько десятилетий назад. Уже в 1940-х годах в Петрозаводске начали исследовать вепсский язык и историю народа, однако активное движение началось лишь в 1988 году с проведения в Петрозаводске конференции «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры во время перестройки». Через год после конференции в Петрозаводске силами лингвистов и этнологов было основано Общество вепсской культуры с целью улучшения положения вепсского языка и социально-экономической ситуации самого вепсского народа (Зайцева 2007: 137–138.) Это движение в начале 1990-х годов стало отправной точкой для создания второго литературного вепсского языка.

В настоящее время впервые в истории вепсскому языку присвоен статус малочисленного языка Российской Федерации. Среди вепсского народа не было такого пробуждения национального самосознания, как у других этнических групп в Советском Союзе. Гласность и перестройка способствовали возрождению некоторых национальных групп, в результате чего страны Балтии: Эстония, Латвия и Литва – отсоединились и получили независимость. Почти одновременно с этим коренные русские жители Советского Союза также испытали национальное возрождение: некоторые из них ратовали за формирование меньшей по размеру и этнически более однородной славянской России, по мнению других, Россия должна была остаться многонациональным государством, которым она являлась на протяжении многих веков. Одновременно с этим возрождением появилось и вепсское движение.

Вепсы считаются одним из первых малочисленных народов, которые публично заявили о плохом отношении к ним в советские годы и запросили присвоение статуса коренных малочисленных народов Севера для получения поддержки вепсского языка и культуры на территории их традиционного проживания. Однако только Республика Карелия поддержала инициативу внести вепсов в список народов Севера, и эта инициатива была оставлена без внимания. Позже, в 2000 году, в список были внесены вепсы республики Карелия и Ленинградской области, а в 2009 году – вепсы Вологодской области (Строгальщикова 2008b: 24–28, 41–44; см. Вепсы 2007).

2.2.2 Территориальный и политический контекст

Традиционная география. Вепсы являются географически достаточно стабильной этнической группой. Место проживания вепсов, зафиксированное в письменных источниках, в основном совпадает с территорией, где в настоящее время проживают остатки вепсского народа. Это компактная территория между Ладожским, Онежским и Белым озерами. Вепсы проживают в основном на территории трех граничащих друг с другом административных единиц: в южных районах республики Карелия (в основном в Прионежском районе), в Ленинградской области (в Подпорожском, Лодейнопольском, Тихвинском и Богситогорском районах) и в восточных районах Вологодской области (в Бабаевском и Вытегорском районах). Площадь этих административных единиц составляет 404 000 км², из них 180 500 км² – территория Республики Карелия, 144 500 км² – Вологодская область и 83 900 км² – Ленинградская область (Росстат). Вепсы проживают лишь на небольшой части всей этой территории. По принципу географического расположения в вепсском языке выделяют следующие диалекты: северновепсский диалект, на котором говорят на юго-восточном побережье Онежского озера в Республике Карелия; средневепсский (приоятский) диалект, используемый в нескольких районах: в Бабаевском и Вытегорском районах Вологодской области и Подпорожском, Тихвинском и Лодейнопольском районах Ленинградской области; и, наконец, южновепсский диалект, носители которого проживают в Бокситогорском районе Ленинградской области (Grünthal 2009).

Несмотря на то, что места проживания вепсов являются постоянными уже более тысячелетия, вепсов никогда не рассматривали как компактную группу, которая имеет значение для разделения территории, которую они населяют. Однако, по мнению Строгальщиковой (2005b: 171–172), до недавнего времени вепсский народ жил в непрерывной связи между вепскими деревнями. У вепсов никогда не было такой большой титульной этнической административной территории, как у некоторых других народов в России, например у карелов. Только в 1930-х годах в Советском Союзе территория была административно реорганизована, некоторые районы были сформированы на основании этнических территорий. Так в Ленинградской области появились титульные территории вепсов: в то время (в 1931 году) 9 из 11 сельских советов Ленинградской области были вепскими. Одновременно с этим был основан Национальный вепсский район с центром в селе Винницы (вепс.: Vidl, также *Vingl*) Подпорожского района. Эта структура была как создана, так и упразднена очень быстро во время сталинского террора в 1937 году.

В 1927 году в Карельской Трудовой Коммуне был создан Шелтозерский национальный вепсский район. Национальный статус получили также 10 вепсских сельских советов. В 1937 году Винницкий национальный район и сельские советы утратили свой статус. Шелтозерский национальный вепсский район был упразднен в 1956 году. Вепсская национальная волость (*Vepsän rahvahaline volost*) существовала в Республике Карелия с 1994 по 2005 гг. Центром являлось село Шелтозеро. В 2006 году эта территория была разделена на три вепсских сельских поселения: Шелтозеро, Рыбрека и Шокша. Исторически эта территория включает в себя несколько вепсских сел меньшего размера (Grünthal 2009; 2011; Joalaid 1998; Kurs 2001: 70; Строгальщикова 2005: 219).

Начиная с 20-го века, вепсская территория находилась под влиянием таких российских городов, как Санкт-Петербург, Петрозаводск, Подпорожье, Вытегра, Вологда и Тихвин. До образования Советского Союза территория проживания вепсов находилась вдали от больших городов и основных маршрутов. Даже Санкт-Петербург, основанный в 1703 году, стал оказывать больше влияния на вепсскую территорию только после начала процессов индустриализации, урбанизации и уменьшения доли сельского населения в советскую эпоху. Сельское хозяйство было основным источником существования вепсов на протяжении многих веков. Кардинальные культурные, экономические и политические изменения 20-го века быстро превратили отдаленные деревни в источник удовлетворения потребностей активно развивающихся городов в процессе урбанизации, см. (Grünthal 2011).

Связь между вепскими сельскими сообществам ослабла в результате административного разделения и ликвидации «бесперспективных» деревень в сталинскую эпоху. Самым важным и трагическим событием 20-го века стало расселение села Шимозеро в 1956–1957. Современная картина расселения неясна и размыта. Внутри страны происходила миграция населения, как и среди других народов России и СССР. В начале 20-го века в Сибирь – в Кемеровскую и Иркутскую область – мигрировала небольшая группа вепсов. Первая группа вепсов переехала в Иркутск из-за аграрной реформы 1907–1917 гг.; вторая волна миграции между 1927 годом и концом 1940 года была вызвана голодом и коллективизацией, которая в 1940-х годах привела к отделению этнической группы вепсов размером 300 человек. Часть этой группы до сих пор живет там же, см. (Строгальщикова, Зайцева 2007).

Сами вепсы мало осведомлены о территории проживания вепсов и ее размерах. Строгальщикова (2002: 172–173) указывает, что в 1983 году только одна десятая часть вепсов имела представление об общей территории проживания вепсов и более 15% не слышали о других вепсских поселениях за пределами своего места

жительства. Сегодня ситуация не улучшилась: в 2006–2009 гг. при опросе средних вепсов люди чаще всего отвечали, что половина населения Санкт-Петербурга (примерно 2,5 миллиона человек) – вепсы.

Положение языковых сообществ в России в истории. Языковая политика в России в основном всегда стремилась к одноязычию. Были, правда, и исключения – некоторые короткие периоды, когда многоязычие хотя бы в какой-то степени получало поддержку. С точки зрения языковой политики в России необходимо рассматривать как минимум три основных периода: Царская Россия (до 1917 года) представляла собой многоязычное государство, которое было отправной точкой для последующего развития языковой политики и этнических взаимоотношений в большем масштабе; Советский период (1917–1991), вызвавший кардинальные изменения в социальной и политической сфере; современная Россия, частично сохраняющая традиции и отношение предыдущих эпох, частично стремящаяся к новому пути развития современного общества. Понимание изменений, происходивших в советскую эпоху, крайне важно для оценки последующего развития многоязычия и отношения к нему в современной России, см. (Малахов, Осипов 2006).

До 18-го века в России не было последовательной языковой и национальной политики. Во времена царской России в 1721–1917 гг. граждан государства преимущественно классифицировались на основании их религиозной принадлежности, а не национальной или языковой. После достаточно либеральной этнической и языковой политики Петра Первого в начале 18-ого века и роста академического интереса по отношению к языкам России во время правления Екатерины Великой в конце 18-го века правление Александра III в конце 19-го века привело к сильному сокращению языковой свободы малочисленных народов и новой политике русификации. Целью этой политики было объединить империю, для чего использовали и распространение русского языка. Школы с преподаванием на языках малочисленных народов были закрыты, общение на местных языках было заменено общением на русской языке. Однако после революции 1905 года языковая политика стала менее жесткой (Алпатов 1997: 27–29; Павленко 2006: 79–80). К концу 19-го века в Российскую Империю пришла идея о национальном государстве, и впервые за все время в переписи населения 1897 года указана этническая принадлежность населения. Категория этнической принадлежности стала носить официальный статус.

В начале 20-го века в начале советской эпохи значение этнической принадлежности возросло. Национальность стали отмечать в паспортах и официальных бумагах, и, что более важно, с ней стали считаться при делении

страны на территориальные административные единицы (Малахов & Осипов 2006: 504–506). После Октябрьской Революции 1917 года необходимо было быстро поднять уровень грамотности в стране, чтобы соответствовать стандартам современного государства. Цели просвещения и стабилизации советской власти требовали создания литературных языков для малочисленных народов, у которых не было преподавания на родном языке (Казакевич 2002; Рууккё 2005.) Несмотря на эти благородные идеи, деятельность, касающаяся этнической принадлежности, на практике оценивалась, принималась или осуждалась в свете большевистской политики. Это, в сущности, зависело от того, рассматривались ли они как негативные и антисоветские или как позитивные пролетарские (Мусаев 2007: 77).

В 1920-х годах создание литературных стандартов для языков малочисленных народов и общее направление языковой политики стало частью процесса так называемой «коренизации». Региональная администрация, суды, образовательные учреждения и средства массовой информации поддерживали использование языков малочисленных народов – русский язык использовался в правительстве и армии как лингва франка (Павленко 2006: 81; Мусаев 2007: 78–80). Процессы коренизации достигли верхов достаточно поздно, отчасти из-за отсутствия литературы. Первый литературный стандарт был создан в 1932 году, когда школы в Ленинградской области начали преподавание на вепсском языке, и в 1937 году школы вепсского района Шелтозера в республике Карелия перешли с преподавания на финском языке на вепсский язык (Мусаев 2007: 80–83).

Почти в самом начале 1930-х годов ситуация стала меняться. К концу 1930-х годов все отличительные черты культурных автономий были ликвидированы. В категории «титульный» и «нетитульный» народ (вепсы относились к последнему) появилась раздвоенность. Титульные языки обладали правом на автономию, но их статус не был равен статусу русского языка (Павленко 2006: 81–83; Мусаев 2007: 91).

После 1930-х годов вепсы потеряли возможность получать образование на родном языке. По всему Советскому Союзу стремительно сокращалось образование на любом языке, кроме русского. Традиционные контакты между вепскими деревнями и селами были нарушены новыми построенными дорогами, соединяющими центральные части страны с деревнями. Старые сельские дороги оказались заброшенными, см. (Grünthal 2011: 277). Многие школьники при переходе в школы-интернаты утратили контакты со своими языковыми сообществами. В 1950-ые и 1960-ые годы некоторые деревни были признаны «неперспективными», населению пришлось переезжать в более крупные села и работать в колхозах. Одним из трагических примеров ликвидации населенных

пунктов стала большая вепсская деревня Шимозеро на востоке современной Вологодской области, которая в конце 1950-х годов была полностью опустошена. Группу вепсов в 5000 человек расселили, языковые связи нарушили, после ликвидации большое количество молодых вепсов переехали в города (Строгальщикова 2005b: 225–233; Лапин 2007).

В конце 1980-х годов ситуация с малочисленными народами в СССР временно изменилась к лучшему. Новые политические курсы на гласность и перестройку в 1991 году привели к краху СССР и национальному возрождению многочисленных этнических групп в стране. Этот короткий период вдохновил многих развивать и сохранять свое культурное самосознание. Языковая политика вместе с другими этническими вопросами перестала быть делом только народа и партии, которая разрешила этническим группам предпринимать усилия. Вепсы стали одним из первых малочисленных народов, подавших заявку на получение статуса «коренного малочисленного народа Севера» для получения поддержки языка и культуры. Языкам народов Российской Федерации была предоставлена номинальная официальная защита в 1990-х годах одновременно с признанием русского языка официальным языком РФ впервые в истории. Хотя, конечно, уже на протяжении десятилетий русский язык был официальным языком страны де факто, см. (Алпатов 1997; Рүүккө 2005).

В настоящее время после энтузиазма начала 1990-х годов стал заметен спад активности национальных движений в Российской Федерации. Представителям интеллигенции малочисленных народов оказалось сложно получить финансовую и моральную поддержку в национальной политике. Небольшим народам предоставлялись номинальные права. По современным официальным документам, количество представителей коренного малочисленного народа должно быть не более 50000 человек. В другие критерии включено проживание на традиционной территории, сохранение традиционного стиля жизни и осведомленность о едином народе⁴ (Казакевич 2002; Попов, Кузнецов 2008; RAIPON). В основном, современная национальная политика осуществляется на региональном уровне и влияет на содержание деклараций и сотрудничество с малочисленными народами. В результате этого такие народы, как вепсы, живут в разных административных районах в неравных условиях, завися от законов района, в котором они проживают. Складывается такое впечатление, что языковые и культурные права заменяются «фольклоризацией» коренных народов, или, как пишут Малахов и Осипов, «символической и риторической (ре)продукцией

⁴ 1999: О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации; Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, 45 народов.

многонациональности России» (Малахов и Осипов 2006: 507–508). Современная языковая политика с точки зрения законодательства рассматривается более подробно в главе 4.

Изучение и определение положения малочисленного народа. Институт этнологии и антропологии Российской академии наук в начале 1990-х годов составил список коренных малочисленных народов России. Несмотря на все усилия и попытки вепсской интеллигенции добиться официального признания, народ не включили в первый список. Только в 2000 году вепсы республики Карелия и Ленинградской области вошли в список коренных малочисленных народов РФ. Вепсы Вологодской области были включены в список лишь в 2009 году. Список коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, составленный в 2006 году, является другим официальным документом, где вепсы значатся национальным меньшинством. Можно упомянуть также официальное включение вепсов в Красную Книгу Народов России (1994).

2.2.3 Культурный контекст

Символы вепсской культуры

Внешними культурными чертами вепсы не сильно отличаются от окружающего русского населения. Однако в наше время все же есть символы, которые в некотором роде характеризуют вепсов: местные вепсские праздники, вепсский фольклор и народное творчество, фольклорный танец и песни, традиция плача, вепсская архитектура, семейные традиции и традиции жизненного цикла. В этих культурных сферах могут проявляться некоторые вепсские черты, хотя такие сферы и относятся к более широкому культурному наследию и совместным культурным мероприятиям среди широкой группы вепсов, см. (Salve 2003: 117–120; Saressalo 2005: 16–19).

Вепсский язык является самым важным фактором определения принадлежности к вепсскому народу. Можно предположить, что перечисленные выше культурные символы не сильно характеризуют повседневную жизнь обычного вепса. Такие символы больше отражают фольклор и используются только во время праздников. Вепсский флаг, национальные символы или национальные костюмы не имеют официального статуса. Большинство культурных символов вепсов связаны с традиционным образом жизни. Современные особенности проявляются больше в профессиональных формах культуры. Олимпиады по вепсскому языку, поп-группы и певцы, смешивающие в своем творчестве современную музыку и стихи на

вепсском языке, могут рассматриваться как новые культурные символы, см. (Saressalo 2005).

Религия. По данным русских исследователей, предки вепсов были обращены в христианство на рубеже 10 и 11 веков. Вепсы были крещены одновременно с живущими рядом славянами, но большинство вепсов не могли понять церковно-славянский язык, использовавшийся в церковных обрядах. Поэтому на осознание доктрин христианства ушло какое-то время, см. (Винокурова 2005b: 136–137). Однако, по мнению Хейккинен (2006: 36–37; 236), старая исследовательская традиция часто преувеличивает значение христианства и, с другой стороны, рассматривает языческую традицию как отдельный элемент. По ее мнению, религиозные концепции вепсов сформировались на основании смешения ортодоксального христианства, региональных сельских суждений и дохристианского мировоззрения. Винокурова (2005b: 138–151) считает, что дохристианские обычаи исчезли, но Хейккинен (2006: 237) показывает, что некоторые из них до сих пор являются частью религиозной жизни. По ее данным, еще в 1990 годы средние вепсы до сих пор верили в духов.

Религия или религиозные символы не являются отличительными характеристиками вепсов и не выделяют их среди доминирующего русского населения. Можно предположить, что общая вера стала одним из ключевых исторических факторов, который привел к ассимиляции вепсов через межэтнические браки. В советское время религиозная деятельность была запрещена во всех этнических группах СССР (Salve 2003: 119). Сегодня православные церкви открыто проводят богослужения. Важные религиозные праздники приходятся на время *Sündum* ('святки') между Рождеством (*Raštʹvad*) и Крещением (*Vederistmäd*), самый главный праздник – Пасха (*Äipäiv*), см. (Винокурова 2003: 437–448; 2005a). В настоящее время религиозные традиции очень популярны. Их важность росла параллельно с усиливающимся интересом к религии в России.

Согласно Хейккинен (2006), у средних вепсов, проживающих на берегах реки Оять, в религиозных ритуалах используется вепсский язык. Данные обряды не являются институционализированными, их проведением занимаются обычные члены общин, как правило, женщины, см. также (Винокурова 2005a: 85). Официальных богослужений на вепсском языке не проводится.

В 1992 году было полностью переведено на вепсский язык Евангелие от Марка (*Markan evangeli*, перевод Н. Зайцевой). В 1995 году вышел перевод сокращенной Детской Библии (перевод Зайцевой). В 2006 году в свет вышел Новый Завет (*Uz'*

Zavet, 2006, Зайцева). На данный момент Зайцева готовит перевод книги псалмов. Переводы используются в сфере высшего образования и в школах. Также известно, что Новый Завет читают и по домам, см. (Pekkanen 2005). По мнению Пекканена, перевод библейских текстов на вепсский язык важен как минимум по двум причинам. Во-первых, перевод знакомого текста на своей родной язык может укрепить понимание ценности языка малочисленного народа. Во-вторых, в процессе перевода в языке рождается большое количество новой лексики (Pekkanen 2005: 165–167, 170).

Местные регулярные праздники и другие типичные особенности. Раньше календарные праздники играли большую роль в жизни вепсов. На данный момент важным для самосознания народа является ежегодно проводимый праздник *Elon pu*, который собирает вепсов и всех заинтересованных людей на вепсской территории. В программе в основном фольклорное традиционное пение, танцы и народное творчество. Наряду с этими традиционными элементами есть и более современные особенности. Так, например, в Винницах пару раз проводили конкурс красоты среди вепсских девушек. Первый праздник *Elon pu* состоялся в 1980-х годах, в начальный период возрождения самосознания вепсов.

Вепсская литература. На вепсском языке пишут несколько авторов. Игорь Бродский написал единственную новеллу на вепсском языке (*Kalarand*, ‘рыбный берег’). Николай Абрамов пишет стихи и работает журналистом в *Kodima*. Нина Зайцева опубликовала свои стихи и, среди прочего, перевела сокращенную версию финского эпоса *Kalevala* и Новый Завет на вепсский язык. Анатолий Петухов пишет прозу на русском языке. Первый сборник Николая Абрамова *Koumekümne koum* (‘Тридцать три’, 1994) является пожалуй, самой популярной книгой вепсской литературы. Самые известные непрофессиональные поэты и писатели – вепсы Алевтина Андреева, Виктор Ершов, Гуля Поливанова, Мария Абрамова и Валентина Лебедева. Их творчество в основном публикуется в газете *Kodima* и частично в детском журнале *Kipinä* и журнале *Carelia* (см. Мишин 2005: 194–210). Главной проблемой вепскоязычной литературы является ее небольшое количество, что снижает мотивацию старшего поколения, бегло говорящего по-вепски, изучать латинский алфавит, см. (Романова 2007: 51).

Известные члены вепсского сообщества. Среди вепсов есть несколько человек, известных в вепсском сообществе и занимающих в нем ключевые позиции. Председатель Общества вепсской культуры Зинаида Строгальщикова считается одним из самых известных публичных деятелей среди вепсов. Сфера ее деятельности – юридический статус вепсов и других малочисленных народов. Она исследовала демографическую ситуацию вепсов (см. 2.3). Лингвист Нина Зайцева с

1980-х годов занимает ведущую позицию в развитии нового литературного вепсского языка. Она публиковала исследовательские работы по вепсскому языку, школьные учебники для детей и учебные пособия для университетов и переводы важных текстов и поэзии. Также известными людьми являются бывший директор музея вепсской культуры Рюрик Лонин, поэт Николай Абрамов и писатель Анатолий Петухов. Стоит упомянуть также два вепсских культурных общества. В 1989 году в Петрозаводске было образовано Общество вепсской культуры, его целью стало создание общего национального самосознания и оказание помощи вепсам в изучении их языка, истории и культуры, см. (Вепсы 2007: 261–321). Общество сотрудничает с Институтом языка, литературы и истории, который в свою очередь тоже активно работает с вопросами, касающимися вепсов. Другое общество, *Vepsän sebr* (Вепсское общество), находится в Санкт-Петербурге.

2.3 Демографический контекст

По данным последней переписи населения, в России на 2010 год⁵ живут 5936 вепсов. Большинство живет в республике Карелия (3423 человек), Ленинградской области (1380 человек) и Вологодской области (412 человек). Несмотря на проблемы в определении национальности, родного языка и языковых навыков в переписи населения, см., например, (Казакевич 2002; Lallukka 1990, 2001, 2006; Строгальщикова 2005b), в результатах переписи представлена основная информация по оценке демографической ситуации вепсов. К тому же, предшественник⁶ современного Института языка, литературы и истории в Карельской Академии Наук г. Петрозаводска провел исследование по современным этническим процессам жизни вепсов в сельской местности в период с 1980 по 1985 года. Данная информация стала основой для написания отчетов и составления описания нынешнего состояния вепсов, представленных властям в 1987 и 1988 годы, чтобы поддержать процесс возрождения вепсов (Строгальщикова 2009: 59, 79). Позже Строгальщикова продолжила работу по составлению отчета (1989). В начале 21 века несколько исследований было проведено силами ученых из Петрозаводска, см., например, (Строгальщикова 2008с).

⁵ Доступно на сайте <http://www.perepis2002.ru>

⁶ ИЯЛИ Карельского филиала Академии наук СССР

	1897	1926	1939	1959	1979	1989	2002	2010
Этнические вепсы (всего в России)	25 607	32 773	31 449	16 170	7 550	12 142	8 284	5936
Официальное количество носителей языка	[25 000]	31 000 (94,7%)	??????	7 600 (46,1%)	2 730 [!] (36,1%)	6 350 (50,8%)	[< 4000]	3613 (всего)

Таблица 1 Вепсы и вепский язык, указанный как родной язык, в переписи населения

(Grünthal (2011) добавил данные переписи 2010 года)

В таблице 8 представлены данные о различных возрастных группах вепсов республики Карелия и Ленинградской области, основанные на переписи населения 2002 года. Необходимо отметить три важных феномена. Во-первых, количество женщин значительно превышает количество мужчин. Во-вторых, чем старше группа, тем выше процент и общее количество женщин, см. также (Schwarz 2009: 32). Кроме того, существует большая разница между двумя административными единицами, так как в 2002 году больше половины вепсов Ленинградской области составляло население старше 60 лет; в Карелии же почти 40% вепсов младше 40 лет. Несмотря на это, по данным переписей 2002 и 2010 годов количество вепсов Ленинградской области сократилось лишь на 2 процента по сравнению с количеством вепсов республики Карелия.

Возраст	Республика Карелия			Ленинградская область		
	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины
Всего	4870	1993	2907	2019	799	1220
%	100%	40,9%	59,1%	100%	39,6%	60,4%
0–19	694	323	361	103	40	63
20–39	1155	547	608	193	107	86
40–59	1413	658	755	627	319	308
60–69	773	244	529	418	147	271
70–	834	181	653	678	176	502

Таблица 2 Анализ вепсов республики Карелия и Ленинградской области по возрасту и полу

(По данным работы «Финно-угорские и самодийские народы России» (2006: 151; 197.))

Данные переписи 2002 года показывают, что примерно половина (48%) вепсов Ленинградской области имеют только начальное образование (1-4 класса). Почти 4% людей вообще никогда не учились, 2,5% безграмотны. В республике Карелия только один из десяти вепсов имеет такой низкий уровень образования (Финно-угорские и самодийские народы России: 152, 198). Различия, по-видимому, отчасти могут быть объяснены тем, что эти два региона демонстрируют разное

распределение по возрастным группам, но важно также принимать во внимание, что люди с образованием стремятся в поисках работы в такие города, как Петрозаводск.

2.4 Языковая и национальная политика на практике

2.4.1 Общий контекст языковой политики

Взаимоотношения русского и вепсского населения никогда еще детально не изучались. Наше исследование призвано пролить свет на этот вопрос (см. 4.3.1.8). До этого ученые в основном стремились определить отношение вепсов к своей собственной этнической группе, ассимиляции и языковому сдвигу. Результаты этой работы будут сопоставлены с нашими данными в разделе 4.3.

Более раннее исследование по вопросу языковых установок в Республике Карелия в 2003-2004 годах (160 респондентов, представителей разных национальностей, социального статуса и возраста; исследователь С. Ковалева) показывает, что в республике существует интерес к языковым вопросам. Также Романова (2007) утверждает, что русское население положительно настроено по отношению к вепсам. Только 15% респондентов посчитали нецелесообразными меры, направленные на сохранение языков коренных малочисленных народов карелов и вепсов. Значительное количество населения (75%) считают сохранение и развитие вепсского и карельского языков важным вопросом. Однако, по мнению населения, вепсский язык в качестве официального нежелателен.

Необходимо помнить, что вепсы, как и большинство других финно-угорских народов России, не сильно отличаются от русскоговорящего населения в плане религии, внешнего вида или культурных обычаев. Доминирующее население в настоящее время не воспринимает вепсов как помеху в вопросах получения прибыли, а также в религии, политике и культуре.

По всей видимости, в исследовании отношения вепсов к сохранению вепсского языка существует значительный территориальный дисбаланс между республикой Карелия и Ленинградской областью. Данные, представленные Строгальщиковой (2008с: 106), четко показывают, что в Карелии отношение к будущему языка более позитивное: почти 60% людей предполагают, что ситуация с языком останется на том же уровне. В Ленинградской области более 60% жителей считают, что язык постепенно исчезнет.

2.4.2 Создание литературного языка

На исконных вепсских территориях русский язык всегда был первым литературным языком. На северо-западе России до революции русский язык был единственным официальным литературным языком, языком управления и образования. После революции в республике Карелия наряду с русским языком стали использоваться стандартный финский язык, так называемый «советско-финский» язык и разные стандарты карельского языка, см. (Austin 2009: 20–60; Sarhimaа 1999: 35–41).

На протяжении последних восьмидесяти лет существовали два стандарта вепсского языка: первый стандарт, который недолго использовался в 1930-х годах, и современный стандарт, разработанный в 1980-х годах. Оба стандарта вепсского литературного языка основывались на латинской графике. В основу первого вепсского литературного стандарта лег средний диалект вепсского языка. Первый период жизни литературного языка был очень коротким. Несколько лет литературный язык использовался в школах Ленинградской области (в 49 школах начального образования и 5 школах среднего образования) и Вологодской области. В республике Карелия его использование в школе продлилось всего один месяц в 1937 году, прямо перед тем, как использование всех языков малочисленных народов в СССР было запрещено. В первый период существования литературного языка было издано более 30 наименований учебников, среди них 3 учебника по грамматике вепсского языка для начальной школы. Большая часть книг для чтения была переведена с русского языка. Учебные пособия были единственными изданиями на вепсском языке. За этот короткий период не успела сформироваться вепсская интеллигенция (Зайцева 2005: 155–156, 2007).

Развитие современного вепсского литературного языка началось в конце 1980-х годов в Петрозаводске. Основная работа была сделана во время первого периода создания литературного языка. С начала 1960-х годов продолжались исследования вепсских диалектов, хотя развитие литературного языка было приостановлено. Были записаны образцы речи представителей всех диалектов вепсского языка. Ученые также получили доступ к результатам исследований эстонских и финских ученых, которые прежде были закрыты для них, см. (Зайцева 2005: 158–160). Как и в первый период создания литературного языка, современный стандарт имеет в основе средний диалект вепсского языка и латинскую графику. В результате выбора латинского алфавита возникла проблема для тех вепсов, которые свободно владеют вепсским языком, но из-за незнания латинской графики испытывают трудности с вепсским литературным языком. По данным Романовой (2007: 55–60), см. также (Зайцева 2005: 158–159), до сих пор существуют разные мнения в отношении использования латинской графики. Самым важным предметом

разногласий является вопрос о возможности или необходимости использования кириллицы в связи с незнанием многими носителями латинской графики. Один из самых известных специалистов по языковому планированию Зайцева (ibid. 159–160) объясняет выбор латинской графики для современного литературного языка следующим образом: продолжение прежней традиции, сохранение минимального количества букв, правил логического написания и особенно сохранение связи с родственными языками (эстонским, финским и карельским) и их письменной традицией.

Экспертная группа Республики Карелия, ответственная на разработку терминологии и орфографии, опубликовала глоссарии для школ и лингвистов на вепском языке. Терминология также распространяется через газету *Kodima*. В то же самое время на основании исследования вепского языка, см., например, (Зайцева Н. 2002; Зайцева М. 1981) была написана грамматика и сформулированы правила, а также созданы буквари для детей и материалы для высших образовательных учреждений (Зайцева 2005: 162). Самыми важными текстами, написанными на новом литературном стандарте, являются буквари вепского языка и другие книги для школы, переводы Нового Завета и тексты в газете *Kodima* (статьи, стихи, переводы) (см. 2.2.3). В основном, развитие временного стандарта вепского языка было результатом работы исследователей вепского языка на территории проживания вепсов, в республике Карелия и особенно в Институте языка, литературы и истории.

2.4.3 Использование языка в разных сферах

Вепский язык в медиа и культуре. Вепские телевизионные и радиопрограммы транслируются только на территории республики Карелия. На вепском языке есть всего несколько программ (3-rd State Report FCPNM 2010: приложение 5). С 1993 года газета *Kodima* издается один раз в месяц, наполовину на вепском, наполовину на русском. Журналы *Kipinä* и *Carelia* также периодически публикуют материалы на вепском языке. Исследований по использованию вепского языка в интернете не проводилось (см. 4.3.3).

На вепском языке создано два фильма – *Vepsläine sai* (2000) и *Živatad vepsläižiden elos*. Вепский язык в своем творчестве используют две поп-группы – *Noid* и *Jousnen jarved*⁷. Также на вепском языке поют *Juusna* (Анна Васильева) и Елена Павлова. Карельский национальный ансамбль *Kantele* в 2006 году создал мюзикл на вепском языке *Vepsän noiduz'* (Вепское волшебство).

⁷ <http://www.jousne.com/> (проверено 25.8.2010)

Вепсский язык в образовании. На данный момент нет государственных вепсских детских садов. Общество вепсской культуры организует летние лагеря⁸ для вепсских детей при финансовой поддержке разных фондов (Баренц Секретариат в 1999; Финское Общество Кастрена в 2007 и 2008 гг.; президентский грант России в 2009 году). На территории проживания финно-угорских народов России действуют проекты по созданию языковых гнезд⁹, см. (Pasanen 2003). Недавно в Петрозаводске было основано языковое гнездо для представителей ливвиковского диалекта. Такие же языковые гнезда планируется создать в Шелтозере в республике Карелия и в поселке Винницы Ленинградской области. На данный момент в процессе развития возникают разные трудности, включая пессимистическое отношение к проекту самих вепсов, так что в данный момент процесс планирования приостановлен (Pasanen, личный разговор 9/2010).

Русский язык является единственным языком преподавания во всех местах проживания вепсов. На вепсской территории действуют только шесть школ, где вепсский язык в какой-то степени принимается во внимание. Ни в одной из школ не ведется преподавание на вепском языке. В Республике Карелия в рамках среднего образования в школах Рыбреки и Шелтозеро всем учащимся предлагаются сведения о вепском языке. В финно-угорской школе г. Петрозаводска вепсский язык преподается как отдельный предмет для детей, учащихся в вепском классе. В куйской школе Вологодской области вепсский язык преподается 2-3 часа в неделю с первого по девятый класс. В Ленинградской области единственная школа, где можно узнать о вепском языке, находится в Винницах. Уроки вепского языка являются факультативными, см. (Строгальщикова 2009). Для уроков вепского языка существуют специальные материалы, например учебники и словари.

Вепсский язык можно изучать на одном из факультетов Петрозаводского государственного университета в рамках четырех программ, называющихся «Вепсский и финский языки и литература». В сфере преподавания и исследования факультет сотрудничает с Институтом языка, литературы и истории. Факультет принимает в год 1-5 студентов, с 2004 года для поступления не требуется знание вепского языка. Преподавание вепского (и финского) языка начинается с основ (Жукова 2008: 170-172). Несмотря на существование литературного вепского языка, студентов поощряют использовать свой родной диалект (Зайцева 2007: 136).

⁸ <http://kelpeza.vepsia.ru/> прочитано 30 июня 2010 г.

⁹ Языковое гнездо – это особая форма детского сада, в которой персонал говорит с детьми только на родном местном языке с целью возродить этот язык и поддержать передачу языка и культуры между поколениями.

Вепсский язык в других сферах общества. Скорее всего, вепсский язык не так широко используется на работе, если сфера деятельности не связана непосредственно с вепсами. В городе вепсский язык используется в основном в школах и в вепскоязычных СМИ (газета *Kodima*, радио). Согласно исследованию 1983 года (Строгальщикова 2005: 175–176), вепсский язык в то время чаще использовался на работе в сообществах Ленинградской и Вологодской областей, в то время как в Республике Карелия использовались одновременно вепсский и русский языки или только русский язык. На данный момент ситуация несколько иная, поскольку большинство людей старше 40 лет, которые свободно говорили по-вепски, уже вышли на пенсию (Строгальщикова).

Исследования по использованию вепского языка. В последнее время не проводились исследования по использованию вепского языка ни для общения разных представителей малочисленного народа (коммуникации разных поколений), ни в семьях (также коммуникации разных поколений). Наше исследование прольет свет на эти важные вопросы. На данный момент нет сведений о том, как гендерные характеристики (принадлежность к мужскому или женскому полу) связаны с языковой политикой или политической и языковой деятельностью. Однако, принимая во внимания тот факт, что гендерные аспекты могут быть связаны с языковой политикой (например, преподаватели языка в основном были женщины), очень важно более подробно изучить этот вопрос. На основании собранных нами данных можно в дальнейшем изучать эти вопросы.

2.5 Языковые контакты и сохранение языка

2.5.1 Общее описание вепского и русского языков

Генеалогия. Вепсский язык относится к прибалтийской-финской ветви финно-угорской языковой группы и близок к финскому и эстонскому языкам. По общепринятому мнению, финно-угорские языки восходят к общему праязыку (праприбалтийско-финскому), на котором, скорее всего, говорили на южном и северном берегах Финского залива примерно 2000 лет назад. Людиковский диалект карельского языка, считающийся переходным диалектом между вепским и карельскими языками, и ливвиковский диалект карельского языка наиболее близки к вепскому языку.

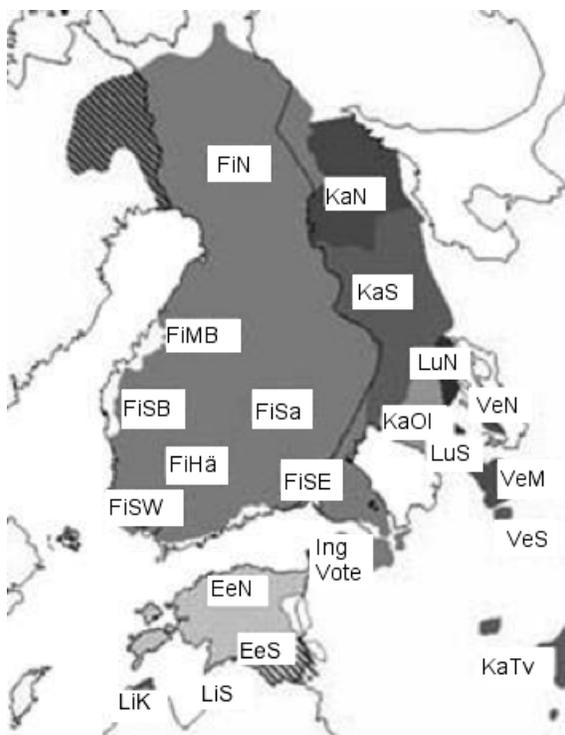

Рис. 1: Карта прибалтийско-финских языков и диалектов

Прибалтийско-финские языки и диалекты (д.) в начале 20 века

1. Финский язык

FiSW = Юго-западный д. / FiHa = д. Хяме / FiSB = Южный приботнический д. / FIMB = Средний и северный приботнический д. / FiN = Северный д. / FiSa = д. Саво / FiSE = Юго-восточный д.

2. Карельский язык

KaN = Собственно-карельский д. / KaS = Южные говоры собственно-карельского д. / KaOI = Ливвиковский д. / KaTv = Тверской говор

3. Людиковский диалект карельского языка

LuN = Севернолюдиковский д. / LuS = Южнолюдиковский д.

4. Вепсский язык

VeN = Северновепсский д. / VeM = Средневепсский д. / VeS = Южновепсский д.

5. Ижорский язык (Ing)

(Нижнелужский д. / Сойкинский д. / Хеваский д. / Оредежский д.)

6. Водский язык (Vote)

(Восточноводский д. / Западноводский д. / д. Куккоси)

7. Северо-эстонский

EeN = Северный д. (EeI = Островной д. / EeW = Западный д. / EeC = Центральный д. / EeE = Восточный д. / EeNE = Северо-восточный д. / EeCo = Прибрежный д.) / EsS = Южно-эстонский д. (также Тихвинские, Валдайские и Держанские языковые анклавы)

8. Южно-эстонский (Выру)

EeS = Южно-эстонский д. (EeM = д. Мулгу. / EeT = д. Тарту) / EeV = д. Выру (включая языковые анклавы Лейву и Лутси) / EeSt = д. Сету (включая языковой анклав Краасна)

9. Ливский язык

LiK = Ливско-курляндский д. / LiS = д. Салатси (исчез в 19 веке)

(Grünthal 2007:31)

В начале 20-го века произошли существенные изменения в статусах прибалтийско-финских языков. Финский и эстонский языки получили статус национальных языков. К началу 21 века в результате ассимиляции ливский, вотский и ижорский языки оказались на грани вымирания. Северо-восточная группа, включая вепсский язык, карельский и людиковский диалекты карельского языка, попала под сильное давление со стороны русского языка вследствие быстрого распространения двуязычия в Советскую эпоху и ускорила процессы языкового сдвига в сторону русского языка. Влияние русского языка и активное внутреннее (эндогенное) развитие являются самыми важными факторами, отличающими вепсский язык от других прибалтийско-финских языков (Grünthal 2007; 2011; Laakso 2001).

Самые важные различия вепсского и русского языков. Русский язык относится к славянской группе индоевропейской языковой семьи. Русский и вепсский язык восходят к совершенно разным праязыкам. Основная лексика¹⁰, грамматика и синтаксис очень сильно отличаются друг от друга¹¹. По причине разной генеалогии эти два языка имеют очень важные различия: взаимопонимание представителей вепсского и русского языков невозможно без заимствований, переключения языковых кодов и хотя бы некоторого владения обоими языками. В результате различий в сферах использования двух языков, в вепсском языке существует огромное количество русских заимствований, особенно в области современного общества, религии и военного дела. Влияние русского языка является одним из двух самых важных факторов, отличающих вепсский язык от других прибалтийско-финских языков. Другой фактор – большое количество внутренних преобразований в вепсском языке. Однако до сих пор не существует сопоставительного исследования вепсского и русского языков – обычно вепсский сравнивается лишь с самыми близкородственными прибалтийско-финскими языками.

Вепсский и русский языки отличаются друг от друга на всех уровнях языка. Грамматика и функциональная структура двух языков совершенно разная. В зависимости от точки зрения, в вепсском языке выделяют от 15 (в литературном языке) до 24 (по мнению некоторых исследователей, напр., Viitso 1998) падежей. Это очень характерный пример отсутствия единого мнения исследователей в вопросах вепсской грамматики. В русском же языке падежей всего шесть. В вепсском языке не выделяется категория рода, в то время как в русском языке категория рода является важным аспектом выражения грамматических

¹⁰ Хотя взаимное влияние вепсского языка и северо-восточных диалектов русского языка вызвало появление в них некоторого количества общей лексики (см. Saarikivi 2006). Есть, конечно, и славянские заимствования в вепсском языке, сохранившиеся со времен первых языковых контактов между праприбалтийско-финским и праславянским языками.

¹¹ Конечно, необходимо принимать во внимание территориальное взаимодействие.

отношений, затрагивающим все уровни языка. Спряжение глаголов в вепском языке основано на обычной агглютинативной морфологии, где суффиксы присоединяются к неизменяемым основам. В русском языке основы и глагольные формы зависят от типа основы и грамматической категории вида. Глагольное словоизменение (система времен и наклонений) кардинально различается. Местоимения и дейктические отношения также обозначаются совершенно разными лексемами и появляются в разных значениях (по вопросам грамматики вепского языка см. Зайцева 2000; 2001; 2003). К тому же, важное отличие, влияющее на использование вепского языка в доминирующем русском окружении, – латинская графика вместо кириллицы. Важные, но не столь подробно исследованные особенности вепского языка могут являться следствием взаимосвязи языков в прошлом и недавних языковых контактов, например, влияние вида глагола в русском языке на глагольную деривацию вепского языка (см. Puura 2010).

История вепского и русского языков также сильно различается. Русский язык – прекрасно развитый язык большой нации, на нем говорит более 137 миллионов человек в Российской Федерации. Вепским языком пользуются несколько тысяч представителей старшего поколения на северо-западе России. По данным ЮНЕСКО, вепский язык считается языком, находящимся под серьезной угрозой исчезновения.

Разная история вепского и русского языков повлияла в особенности на лексику вепского языка. Он стал занимать положение домашнего языка, в результате чего наименее подверженными заимствованиям сферами стали сельское хозяйство, скотоводство, ремесла, обряды, традиции и родственные связи, см. (Богданов 1953). Лексики, относящейся к общественной жизни, медицине, науке и образованию, в вепском языке нет. Некоторые слова были заменены русскими соответствиями. Терминологическая и орфографическая комиссия г. Петрозаводска разрабатывает новую лексику вепского языка, но эти слова еще не так широко распространены. Необходимы срочные меры по языковому планированию. Транспортировка изданий с новой терминологией обычно зависит от сил нескольких активистов, которые рассылают газету *Kodima* по деревням и распространяют по школам и летним лагерям новые учебные материалы (Зайцева 2005: 158-162). Сосуществование вепского языка с русским повлияло на структуру вепского языка, особенно это стало заметно в последние десятилетия. Вепский синтаксис и функции грамматических элементов, очевидно, испытали на себе заметное влияние русского языка, хотя подробного исследования этого вопроса не проводилось.

2.5.2 Одноязычие, двуязычие и многоязычие

На данный момент все представители вепсского народа в той или иной степени владеют двумя языками. Большая группа вепсов идентифицирует себя с этническими вепсами и при этом почти не говорит по-вепски. Молодое поколение вепсов стремится к одноязычию, предпочитая владеть только русским языком. Общая точка зрения на различия в возрасте в вопросе билингвизма сводится к тому, что более молодое поколение в лучшем случае пассивно владеет вепским языком, то есть молодежь понимает вепскую речь, но активно говорит только по-русски, см., например, (Строгальщикова 2005b: 176-177). По мнению Строгальщиковой (2008с: 99), поколение, хорошо владеющее вепским языком, старше 50 лет, при этом даже они не очень хорошо говорят по-вепски. Некоторые заявляют, что представители вепсского народа, хорошо говорящие на родном языке и свободные от сильного влияния русского языка, чаще всего старше 70 лет (см. 4.3.1.3).

Как уже было отмечено, отношения между вепским и русским языками не претерпели больших изменений в истории¹². Цивилизованное общество на вепских территориях всегда было русскоязычным. Ситуация с языковыми контактами у вепсов изменилась в последние два столетия. Значительные изменения произошли в последние 80 лет: от совместного существования вепсов и русских с начала 20-го века и возможного обоюдного билингвизма на вепских территориях через угнетение народа со стороны советских властей и массового сокращения количества вепсов в период с 1930 по 1980 годы к небольшому возрождению языка в начале 1990-х годов. Очевидно, что на данный момент существует необходимость стратегии, которая была бы направлена на сохранение языка и поддерживалась в обществе, которая смогла бы помочь вепскому языку стать менее обособленным.

Изменения в языковых контактах. В вопросе языковых контактов между русским и вепским народами (и их предками) по причине тысячелетней истории можно рассмотреть только некоторые изменения. Достоверной информации по возникновению двуязычия нет. Первые точные данные относятся только к 20-му веку. Языковые контакты между вепсами и русскими были связаны с социально-политическим развитием русского/советского общества и находились под влиянием изменений на региональном и федеральном уровне. Последнее изменение в результате попыток возрождения вепсского языка в 1990-х годах не принесло большого успеха в языковом вопросе. Хотя ситуация с вепским языком

¹² Конечно, необходимо заметить, что письменных свидетельств в вопросе истории до первых упоминаний о вепсах в начале 19 века не существует.

в последние десятилетия улучшилась, русский язык до сих пор является единственным вариантом языка в обществе. Для поиска работы и жизни в обществе человек должен владеть русским языком.

Владение языками представителями вепсского народа. При оценке языковых навыков вепсов разные возрастные группы довольно сильно различаются. В русском языке у вепсов старшего поколения можно заметить небольшой акцент, но он не был описан. Скорее всего, то же самое можно обнаружить у более молодого поколения, но уже в отношении вепсского языка. Владение вепским языком никогда не оценивалось с помощью современных лингвистических методов. По этому вопросу были сделаны некоторые выводы частично на основании интуитивного восприятия коренных вепсов. Основательного изучения по языковым навыкам проведено не было. Строгальщикова (2008с) показывает различия в уровне владения языком в зависимости от территории: по данным ее исследования, 40,3% вепсов республики Карелия и 64,5% вепсов Ленинградской области назвали родным языком вепсский язык. Однако письменные навыки получили более высокую оценку у вепсов Республики Карелия. Скорее всего, это является результатом того, что в данных областях наблюдаются различия в соотношении количества вепсов, принадлежащих к разным возрастным группам (2.3.1).

Преподавание и изучение языков. Русский язык является основным языком преподавания. Вепсский язык – факультативный предмет, изучение которого является добровольным и основывается на личном интересе. В 1983 году (Строгальщикова 2005b: 177–178) в ответ на вопрос о важности и необходимости преподавания вепсского языка многие вепсы высказали достаточно негативное отношение. Более 40% респондентов были категорически против изучения вепсского языка. По мнению Строгальщиковой, главными причинами для негативного отношения к языку стало предположение о скором исчезновении вепсского языка, отсутствие литературного стандарта и квалифицированных преподавателей, недостаточное количество детей и убеждение в том, что при желании дети и так выучат язык, невзирая на отсутствие преподавания.

Как уже сказано в главе 2.4.4, отношение к будущему языка зависит от места проживания информантов. Преподавание вепсского языка, скорее всего, является одной из причин, почему вепсы республики Карелия смотрят на будущее языка более позитивно. В Республике Карелия вепсский язык преподается как предмет в четырех средних школах (Зайцева 2007). В Ленинградской и Вологодской областях вепсский язык преподается или факультативно в школе, или в фольклорных кружках. Вепсский язык не является языком преподавания ни в одной из школ. По

программе на вепсский язык отдано несколько часов, см. далее (Зайцева 2007) по данным о количестве часов преподавания вепсского языка в 1989–1996 в республике Карелия. По мнению Строгальщиковой (2008с: 104–105), в 2007 году вепсы республики Карелия показывали большую осведомленность о ситуации с преподаванием вепсского языка в школах. Почти половина вепсов Ленинградской области не смогли высказать своего мнения относительно обоснованности преподавания вепсского языка в школах.

В Петрозаводском государственном университете ведется подготовка учителей (см. 2.4.3). Весной 2010 года на факультете прибалтийско-финских языков и литературы Петрозаводского университета в соответствии с планом приема абитуриентов была исключена возможность изучения вепсского языка и культуры в 2010–2011 годах. Сама кафедра небольшая, 25 абитуриентов будут зачислены следующей осенью к изучению финского языка и литературы, практики перевода и карельского языка и литературы. Представители Общества вепсской культуры смогли добиться трех мест для потенциальных студентов-вепсов на основании официального статуса «Коренных малочисленных народов Российской Федерации».

Разница между разговорным и письменным вепсским языком. Исследование по отличиям вепсского письменного языка от разговорного не проводилось. Во-первых, в разговорном языке есть диалектные различия (Kettunen 1943; Tunkelo 1946; Зайцева 2002: 13–77; 2005: 162). Во-вторых, специалисты по стандартизации вепсского языка стараются избегать заимствований из русского языка. Они используют старые диалектные слова вместо русских эквивалентов и синонимы из разных диалектов вепсского языка, чтобы обогатить лексику языка. Согласно Зайцевой (2005: 160), было создано большое количество лексики, обозначающей абстрактные понятия по модели близкородственных языков – финского и эстонского, с более широким использованием лексемы в рамках определенного семантического поля. Разумеется, обычный носитель вепсского языка в большинстве случаев не обратит внимания на использование заимствований из русского языка.

Аспекты двуязычия и многоязычия. Русский язык является языком преподавания, обучения и законотворчества в Российской Федерации. Вепсский язык не используется для обучения детей. Однако в Петрозаводске в некоторых высших учебных заведениях есть обучение на вепском языке. В СМИ вепсский язык используется в газете *Kodima*, в меньшем объеме в радиопрограммах *ГТРК Карелии*, транслируемых только на территории республики Карелия (хотя программы доступны и через интернет) (см. 4.3.3). Влияние доминирующего

русского языка во всех сферах двуязычия и языкового сдвига вепсов не изучались, но очевидно, что узость сферы использования вепского языка оказывает большое влияние на языковой выбор вепсов.

Так как влияние русского языка на вепский было продолжительным, трудно отделить проявления переключения языковых кодов от случаев смешения языков, то есть оценить уровень стабильности элементов русского языка или, напротив, их инкорпорированности в разговорный вепский язык. Несомненно, на протяжении веков русский язык оказывал самое сильное влияние на вепский. В современном вепском языке можно обнаружить целый ряд аспектов влияния русского языка.

2.5.3 Результаты языковых контактов

Влияние языковых контактов на вепский язык. Двуязычие можно обнаружить на всех уровнях вепского языка, хотя его проявления изучены достаточно слабо. По мнению Грюнталя (Grünthal 2011: 287), современное двуязычие вепсов может рассматриваться как временная стадия, ведущая к языковому сдвигу. Вызванное контактами влияние в основном видно в лексике, когда практически все можно заменить русскими эквивалентами. Однако заимствования из русского языка не изучались систематически, хотя упоминания о них есть почти во всех работах, касающихся вепского языка. Очень мало существует исследований и по другим аспектам взаимосвязи. Влияние русского языка на именное словоизменение в вепском языке было изучено Грюнталем (2003: 162-177). Лехтинен (1985; 1990) и Пуура (2007) исследовали влияние на глагольное словоизменение.

Новожилова (2006) попыталась описать практику переключения языковых кодов в вепском языке. Она сообщает, что представители старшего поколения, говорящие по-вепски очень хорошо (старше 65 лет, всю жизнь прожившие в деревне), оценивают свой язык как «чистый» вепский. Однако, согласно Новожиловой, в их речи присутствует переключение языковых кодов в одиночных лексемах и фразах, хотя сами носители языка считают себя вепсами, хорошо владеющим языком. Новожилова указывает на интересное различие в том, каким образом поколение, лучше всего говорящее по-вепски (старше 65 лет), и среднее поколение используют русские заимствования в вепской речи. По результатам ее исследования, старшая группа интегрирует элементы русского языка при необходимости, никаким образом не выделяя смену языка. Представители среднего поколения, говорящие по-вепски менее свободно обращают больше внимания на переключение кодов и недостаточное владение вепским языком.

Ускоряющийся языковой сдвиг вепсского языка был связан с изменениями в обществе и уничтожением традиционных языковых сообществ. Миграция в более крупные населенные пункты и смешанные браки ведут к языковому сдвигу и нарушениям в языковых связях, в частности в сообществах, где говорят на языке коренного малочисленного народа. В сельской местности перспективы найти работу очень малы или полностью отсутствуют, поэтому большинство молодых людей переезжают в более крупные населенные пункты. Многие из них вступают в смешанные браки, где дома обычно используется русский язык. Уничтожение традиционных сообществ влияет на лингвистический выбор семей, что в свою очередь приводит к снижению уровня передачи языка более молодому поколению. Грюнталь (2011: 284–287) указывает, что все вепсы многонациональны: во всех семьях есть владеющие русским языком как родным. Если вепсский язык использовать негде, то обычно детей дома совсем не учат этому языку. Обучение детей вепсскому языку можно скорее охарактеризовать как хобби, а не как преподавание настоящего и современного местного языка. Скорее всего, это и ослабляет положение вепсского языка в школах. Однако для подтверждения или опровержения этого общего предположения не было проведено ни одного исследования. Недостаточное использование вепсского языка в современных СМИ влияет на желание молодежи учить и использовать язык.

Вепсский язык является языком, используемым в вепсских сообществах на определенных территориях и в минимальной степени в некоторых других областях (например, высшее образование, СМИ и литература, издаваемые на языках малочисленных народов). Этим языком пользуются дома в семьях, однако его практически не используют в публичных сферах. Можно предположить, что количество говорящих по-вепски составляет менее 4000 человек. Все вепсы двуязычны, значительная часть свободно владеющих вепсским языком – люди старшего поколения. На данный момент в семьях язык практически не передается от поколения к поколению.

Большинство вепсов, владеющих вепсским языком как родным, проживает на территории трех административных единиц на северо-западе России между Ладожским и Онежским озерами. Однако административное деление и географические расстояния между поселениями сильно повлияли на языковые сообщества в последние 80 лет. Скрытой национальной принадлежностью была для вепсов на протяжении всей истории исключительно описательной: вепсы жили рядом с русскими и их предками на протяжении веков. Самосознание вепсского народа основывалось на языке, и трудно предсказать, останется ли что-то после

завершения процесса языкового сдвига. Другими символами культуры являются музей, фольклор и традиции.

Вепсский народ никогда не заявлял прав на автономию, свою территорию или природные ресурсы. В законодательстве России традиционные места проживания вепсов были определены только в 2009 году, и сейчас невозможно сказать, вызовет ли это какие-то существенные изменения в социальном положении народа. Вепсы всех трех территорий на данный момент признаны коренным народом Российской Федерации, но законы, касающиеся малочисленных народов, можно охарактеризовать как разрешающие, а не как обязывающие. Официальным языком всего общества является русский язык. Для укрепления положения вепсского языка прилагаются очень небольшие усилия.

Вепсский литературный язык существует только на протяжении пары десятилетий, до этого он находился в забвении в период советской власти. Он используется в одной газете, в некоторой литературе, в одном высшем учебном заведении (пока что) при подготовке специалистов вепсского языка. Вепсский язык можно учить в некоторых школах, но само преподавание на вепском языке не ведется. В основном, вепсский язык преподается детям в летних лагерях и факультативных языковых кружках.

В случае с вепсами и их соседями русскими, скорее всего, никогда не возникало ситуации противостояния доминирующего населения и коренного малочисленного народа. Русский язык стал языком власти и общества тогда, когда цивилизованное общество достигло мест проживания вепсов. Статус коренного малочисленного народа был официально присвоен вепсам только в 21-ом веке, хотя на протяжении веков вепсы были малочисленным народом северо-запада России как большой географической единицы. В деревне вепсы могут составлять большую часть населения, но существующая миграция в города в результате отсутствия работы в постсоветских деревнях и естественная убыль сельского населения сильно сокращают количество населения. Смешанные браки и утрата языковых связей в более крупных населенных пунктах увеличивает скорость процесса языкового сдвига среди более молодого поколения.

3 Сбор данных и методы

Исследовательский проект ELDIA является проектом Европейского Союза, поэтому все личные данные находятся под защитой. Данные в вопросниках были анонимными, списки имен и адресов были уничтожены. Имена и адреса ни при каких условиях не передавались лицам, не участвующим в проекте. При публикации части интервью имена и другие личные данные будут удалены. Записи интервью могут быть использованы только в целях исследования. Сами ученые, пользующиеся этими данными, должны соблюдать принципы защиты информации.

3.1 Введение в полевую работу

Полевые работы у вепсов велись в январе и феврале 2011 года, в самое холодное время года и при очень трудных погодных условиях. Сбор информации происходил после интервьюирования групп, которое состоялось в марте 2011 года.

По сравнению с другими странами, самым большим отличием в рамках проекта ELDIA стало проведение исследования в России на основании личных интервью. Писать случайно отобранным людям по почте или проводить исследования вебсайтов было невозможно, так как численность населения совсем небольшая, электронных каталогов, официальных регистров или баз данных информантов не существует. Для заполнения вопросников использовались два метода. В первом случае приглашали группу людей в определенное место, например в библиотеку. Во втором случае для сбора нужного количества ответов полевые работники встречались лично с людьми в их домах. Некоторые городские жители были опрошены по телефону. По сравнению с исследованием большинства других малочисленных народов, самым явным недостатком индивидуального интервьюирования стало то, что сбор информации не был основан на методе случайного выбора. В принципе, отбор представителей малочисленных народов был основан на простом вопросе: «Вы вепс?/Вы карел?». Такое определение принадлежности к народу долгое время служило основанием для переписей населения, проводимых в России и Советском Союзе с 1897 года.

Главным координатором по полевым работам была исследовательница Нина Зайцева, доктор филологических наук, признанный ученый и специалист по языковому планированию. Благодаря директору Института языка, литературы и истории Ирме Муллонен, в ходе работы по проекту можно было использовать помещения Карельского Научного Центра. Сами полевые работы были проведены Ольгой Жуковой, Ниной Зайцевой, Натальей Анхимовой, Ольгой Мироновой и Светланой Пасюковой, вепсами по происхождению, большинство из которых – опытные исследователи и специалисты по полевым работам. Это дало возможность использовать вепсский язык при самом сборе материала, что способствовало эффективному распространению информации о самом проекте и

привлечению интереса людей к вопросам языков малочисленных народов. Для интервьюирования респондентов, представляющих малочисленные народы, в самом вопроснике было принято решение использовать национальный язык. В работе для уточнения понятий и терминологии часто использовался русский язык. К счастью, все полевые работники прекрасно владеют и русским языком.

Исследовательские интервью и индивидуальные встречи состоялись в Шелтозере и Рыбреке в республике Карелия и деревнях, расположенных преимущественно вокруг Винниц в Подпорожском районе Ленинградской области. Сравнительная информация была собрана и в Петрозаводске.

В марте 2011 года в Петрозаводске состоялись интервью фокус-групп под совместным руководством исследователя, доктора филологических наук Нины Зайцевой и профессора Рихо Грюнтала, руководителя хельсинкской группы, который ранее на протяжении нескольких лет вел полевые работы в вепсских деревнях. Для проведения интервью с представителями малочисленных народов и встреч контрольных групп использовался образец интервью ELDIA, но окончательный вариант вопросов был утвержден Ниной Зайцевой и Рихо Грюнталем. Младший исследователь Хейни Карьялайнен отвечала за технические вопросы. Все интервью записывались одновременно на два цифровых устройства. Обсуждения в фокус-группах также были сняты на видеокамеры. Позже интервью были расшифрованы Хейни Карьялайнен и Ольгой Зайцевой.

3.2 Изучение материала

3.2.1 Структура вопросника для представителей малочисленных народов

В ходе работы были использованы два вида вопросников: один для целевой группы с вепским языком, другой – для контрольной группы говорящих на русском языке. Вопросник для целевой группы состоял из 63 вопросов (некоторые из них включали в себя различные варианты дополнительных вопросов), в вопроснике для контрольной группы было 47 вопросов.

Вследствие некоторых технических и практических проблем (ответственный за вопросник партнер вышел из проекта) вопросник был закончен слишком поздно и не был должным образом протестирован. В результате он оказался слишком длинным и сложным. Однако, благодаря кропотливой работе наших полевых специалистов, их помощников и респондентов, мы смогли собрать необходимую информацию. Опрашиваемые терпеливо отвечали на вопросы и, казалось, даже наслаждались дискуссией на темы, касающиеся их языка и самосознания.

Вопросник для целевой группы включал в себя следующие вопросы:

- данные об информанте (возраст, место рождения, образование, профессия; вопросы 1–6)
- когда и как респондент выучил вепсский и русский языки, какими языками он/она пользовался/пользовалась в семье и с родственниками (вопросы 7–27)
- знание языков (как респонденты оценивали свое знание вепсского, русского, английского и других языков и как они использовали эти языки в разных сферах жизни: дома, на работе, на улице или в магазине; вопросы 28–32)
- что респонденты думали об использовании вепсского и русского языков с разными группами людей и о смешении языков; как респонденты охарактеризовали бы разные языки и что они думают о «правильном» использовании языка (вопросы 33–59)
- что респонденты думали об использовании вепсского языка в обществе и в личной жизни (вопросы 60–61)
- как респонденты используют СМИ и продукты культуры (газеты, радио, телевидение, интернет, книги, фильмы и т.д.) и создают тексты (письма, дневники, сообщения и т.д.) на разных языках (вопросы 62–63).

3.2.2 Исследование группы говорящих на вепсском языке

Целью проекта было собрать 300 заполненных вопросников. В ходе работы с вепсами России размер выборки соответствовал количеству ответов (301). По техническим причинам два вопросника были признаны непригодными, таким образом, 299 вопросников использовались при подсчетах статистики. Вопросник был переведен на вепсский язык с финского и русского языков (оба варианта были переведены с оригинала на английский язык). Структура вопросника не менялась.

3.2.3 Структура вопросника для контрольной группы

По структуре вопросник для контрольной группы состоял из следующих частей: основная информация о респонденте (1–6), история использования языков (7–11), знание языков (14–18), отношение к разным языкам (Q12-13, 19–46), культуре, СМИ на разных языках (Q47).

3.2.4 Исследование русской контрольной группы

Исследование контрольной группы проводилось в Петрозаводске. Эту часть работы выполнили три женщины, находящиеся на пенсии. Основной ответственной за работу была Светлана Пасюкова, которая раньше работала в министерстве культуры и умела вести переговоры разного характера. Целью было собрать 300 заполненных вопросников.

В ходе работы было заполнено 304 вопросника, по техническим причинам два вопросника не обрабатывались.

3.3 Индивидуальные интервью с носителями вепского языка

В период с 10 по 15 марта 2011 года в Петрозаводске в гостинице «Маски», в здании Института языка, литературы и истории, а также в школе Рыбреки и в Вепском этнографическом музее в Шелтозере состоялись индивидуальные интервью. Отбор для интервью проходил на основании контактов, имевшихся у участников проекта со стороны вепсов. Более того, так как исследование включало в себя в основном индивидуальные интервью, у полевых работников было полное представление об информантах, которых нужно было опрашивать индивидуально. Интервью проводились руководителем группы профессором Рихо Грюнталем и исследователем, доктором филологических наук Ниной Зайцевой. В интервью использовался вепский язык, за исключением одного разговора. Общая атмосфера была доверительная, потому что интервьюеры были раньше знакомы с большинством опрашиваемых.

В вепской группе было проведено семь индивидуальных интервью:

1. женщина, возраст 18–29 (Идентификационный код: RU-VEP-IIAG1f)
2. женщина, возраст 30–49 (Идентификационный код: RU-VEP-IIAG3f)
3. мужчина, возраст 30–49 (Идентификационный код: RU-VEP-IIAG2m)
4. женщина, возраст 50–64 (Идентификационный код: RU-VEP-IIAG4f)
5. женщина, возраст 50–64 (Идентификационный код RU-VEP-IIAG4-01f)
6. женщина, возраст 65+ (Идентификационный код: RU-VEP-IIAG5f)
7. женщина и мужчина, возраст 65+ (Идентификационные коды: RU-VEP-IIAG5-01f и RU-VEP-IIAG5-02m)

Многие из информантов были хорошо осведомлены о состоянии вепского языка, находящегося под угрозой исчезновения, и постоянном сокращении вепского населения. Многие активно поддерживали вепский язык и культуру, большинство смотрели на перспективы языка пессимистично. В некоторых случаях ограниченные возможности в сфере вепской культуры привели к смене профессиональной деятельности. В принципе, женщины, составляющие самую молодую группу, выказывали желание активно работать на благо вепского языка. Опрашиваемые несколько раз обсуждали одни и те же вопросы, касающиеся судьбы и будущего вепского языка и культуры. В некоторых разговорах информанты подчеркивали те усилия, которые предпринимались на протяжении многих лет, но не получили достаточной поддержки.

3.4 Интервью с фокус-группами

3.4.1 Интервью с фокус-группами – вепсский язык

Интервью с вепскими фокус-группами были проведены в Институте языка, литературы и истории в Петрозаводске, в Вепском этнографическом музее в Шелтозере и в школе Рыбреки в период с 10 по 12 марта 2011 года. Интервью состоялись под руководством исследователя, доктора филологических наук Нины Зайцевой и профессора Рихо Грюнталя. Основным языком проведения интервью был вепсский. Фокус-группы были сформированы теми же региональными специалистами по сбору информации, которые участвовали в работе с вопросниками. Главным критерием при отборе участников для интервью было знание вепского языка. Также полевым работникам был дан совет искать разнообразных интервьюируемых. На практике требуемым уровнем владения языком обладала самая молодая группа людей, студенты университета, изучающие вепсский язык. Как мы сами могли заметить в ходе проведения индивидуальных интервью, во всех вепских группах было очень мало мужчин, что вызвало некоторый гендерный дисбаланс.

Всего было проведено интервью с четырьмя вепскими фокус-группами.

1. 6 женщин, возраст 18–29 (идентификационный код: RU-VEP-FG-AG1)
2. 3 женщины и 2 мужчин, возраст 30–49 (идентификационный код: RU-VEP-FG-AG2AG3)
3. 7 женщин и 2 мужчин, возраст 50–64 (идентификационный код: RU-VEP-FG-AG4)
4. 5 женщин и 4 мужчин, возраст 65+ (идентификационный код: RU-VEP-FG-AG5)

3.4.2 Интервью с представителями контрольной группы

Совместные фокусные контрольные группы использовались для анализа ситуации карельского и вепского языков в России и особенно в республике Карелия. Интервью состоялись 12 марта 2011 года в Петрозаводске. Светлана Пасюкова, специалист по полевым работам, раньше была сотрудником министерства культуры и имела обширные связи. Она пригласила участников и сформировала контрольные фокус-группы. Она же связалась с министерством образования и собрала для обсуждения группу политиков. В интервью с группой СМИ и группой политиков участвовали два модератора (Рихо Грюнталь и Нина Зайцева). Обсуждения в основном велись на русском языке. Группа СМИ состояла из девяти участников, в группе политиков было пятеро интервьюируемых. По гендерному составу контрольные фокус-группы были почти равны. Интервью с политическими деятелями проводилось в кабинете заместителя министра образования республики Карелия, интервью с представителями СМИ – в Центре национальных культур.

В основном, отношение участников двух контрольных фокус-групп к изучаемым малочисленным народам было позитивное. Во время интервью не прозвучало негативных комментариев. Оба интервью оставили впечатление, что, с точки зрения участников

контрольных фокус-групп, изучаемые малочисленные народы, а именно карелы и вепсы в России, являются неотъемлемой частью этнического и культурного наследия республики Карелия. Однако, несмотря на общее положительное впечатление, более точной информации по происходящему языковому сдвигу получить не удалось. Респонденты, недавно принимавшие участие в семинарах по двуязычию и обратному языковому сдвигу, были более осведомлены о вопросах и трудностях нынешней ситуации и способах борьбы с полной утратой языка.

Небольшие выводы по проведению полевых работ в России. Несмотря на определенные риски, полевые работы прошли очень хорошо, и, благодаря ответственной и компетентной в своей работе группе, результаты были должным образом обработаны. В целом, собранный материал отвечает поставленным перед полевой работой целям и сопоставим с целями проекта ELDIA.

3.5 Социодемографическое распределение

Среди вепских респондентов было больше женщин, чем мужчин. Доля людей среднего и старшего возраста была больше доли молодых респондентов. Такая выборка соответствует преобладающей демографической ситуации у вепсов. Мужчины составили лишь 27,8% респондентов. Кроме того, выборка содержала меньше молодых респондентов, чем людей среднего и старшего возраста. В выборке участвовали люди четырех различных возрастных групп, из которых младшая группа (18-29 лет) была наименьшей: 13,4%. Другие группы были примерно одного размера: 28,4% принадлежали группе 30-49 лет; 29,8% — к группе 50-64 лет и 28,4% — к группе более 65 лет. Однако, как было отмечено в п. 2.3.2, число женщин среди вепсов заметно больше числа мужчин. Чем старше возрастная группа, тем больше в ней женщин, как в процентном соотношении, так и в абсолютных цифрах. Поэтому выборка респондентов соответствует преобладающей демографической ситуации у вепсов.

Почти все респонденты имеют по крайней мере начальное образование. Большинство респондентов (58,8%) имеют среднее образование. 13,6% ответили, что имеют начальное образование, а значительный процент (27,2%) имеет высшее образование. Это означает, что наши респонденты более образованны, чем средний носитель вепского языка (см. раздел 2.3.3), но менее образованны, чем респонденты контрольной группы (см. рисунок 6).

Двое из трех наших вепских респондентов жили в республике Карелия. Большинство из них жили в Калейг (Рыбрека), Шелтозере или в городе Петрозаводске. Большинство респондентов жили в деревнях: было около 60 человек, проживающих в городах, в основном в Петрозаводске и два человека в Санкт-Петербурге. Наша выборка несколько смещена в сторону деревенских жителей, поскольку в соответствии с переписью 2010 г.,

43,6% вепсов живут в деревнях — при этом известно, что жители деревень лучше владеют языком.

Данные по контрольной группе несколько отличались от данных по группе меньшинства в социодемографическом отношении. Приблизительно три четверти респондентов контрольной группы составляли женщины. 76,5% респондентов составляли женщины и 23,5% — мужчины. Наибольшая доля респондентов контрольной группы принадлежали возрастной когорте 30-49 лет (41,5%). Респонденты из возрастной группы 18-29 лет составили 22,9% нашей выборки, а люди из группы 50-64 лет — 30,6%.

Респонденты контрольной группы были значительно более образованными, чем наши вепские респонденты: примерно половина респондентов контрольной группы имели высшее образование. Однако это отчасти объясняется тем, что респонденты контрольной группы являлись в основном городскими жителями, в то время как вепские респонденты жили главным образом в деревне. Как показано на рисунке 9, большинство респондентов контрольной группы (50,7%) ответили, что у них есть высшее образование. 43,8% имели среднее образование и лишь 5,5% — имели только начальное образование. По сравнению со средним уровнем образования в республике Карелия наша контрольная группа была весьма хорошо образованной, так как, согласно переписи 2010 г., 61,7% людей старше 15 лет имеют среднее образование, а 19,8% имеют высшее образование¹³.

3.6 Принципы, лежащие в основе анализа данных ELDIA

(автор Аннели Сархимаа и Ева Кюххирт)

Материал, собранный в ходе полевых работ по проекту ELDIA, был проанализирован в соответствии с центральным планом в рамках Рабочего Пакета 5 (под руководством Аннели Сархимаа/Майнц).

3.6.1 Языки малочисленных народов как часть многоязычия в современном обществе

В отличие от большинства исследований по многоязычию, целью проекта ELDIA было изучение жизнеспособности языков малочисленных народов на фоне многоязычного окружения, с учетом того, что современные малочисленные народы живут и взаимодействуют со многими языками. Важно было не просто исследовать отношения между языком малочисленного народа и местным доминирующим языком, но весь спектр языков, используемых в обществе в данном регионе. Нашей целью было определение

¹³ Перепись 2010 г.: pub-03-01. См 22.2.2013.

самих форм многоязычия, несут ли окружающие языки угрозу или помогают языку малочисленного народа.

3.6.2 Цель проекта ELDIA

Цель проекта ELDIA – создание Барометра Жизнеспособности Европейских Языков (EuLaViBar). Барометр будет представлять собой конкретный легкий в использовании инструмент для измерения степени жизнеспособности определенного языка малочисленного народа или любого другого языка.

Барометр EuLaViBar создается в два этапа. Во-первых, для каждого изучаемого малочисленного народа будут созданы индивидуальные барометры жизнеспособности (Барометр Жизнеспособности для вепсского языка представлен в Главе V данного отчета). На втором этапе междисциплинарная группа исследователей создаст общий барометр EuLaViBar на основании данных индивидуальных анализов. Он будет представлен на рассмотрение в Европейский Совет и опубликован только в завершающей стадии проекта в августе 2013 года, вместе с инструкцией EuLaViBar.

3.6.3 Определение и измерение жизнеспособности языка

Для определения жизнеспособности языка проект ELDIA опирается на давнюю исследовательскую традицию. Подход ELDIA многое почерпнул из работ Джошуа Фишмана, Леены Хусс, Кристофера Строуда и Анны-Риитты Линдгрэн. Он также во многом основывается на отчетах ЮНЕСКО по жизнеспособности языков и угроз языкам (2003; 2009). Более того, в создании Барометра EuLaViBar мы используем идеи двух выдающихся исследователей по языку и экономике: Франсуа Грина (François Grin) и Микеля Струбеля (Miquel Strubell). От Грина мы заимствовали (и несколько модифицировали) концепции «способности», «возможности» и «желания»; от Струбеля – идею о том, что говорящие на определенном языке люди являются потребителями «продуктов языка». Мы также разработали шкалу жизнеспособности языка, которая взяла начало (но не является идентичной) от градуированной межгенерационной шкалы разрушения Джошуа Фишмана, которая с 1990-х годов являлась ведущей моделью в изучении жизнеспособности языков.

Анализы ELDIA проводились на четырех уровнях:

- Интересующие сферы: **Способность** (насколько уверенно говорящие на языке чувствуют себя с данным языком, как часто они осмеливаются использовать его), **Возможность** (насколько часто можно использовать язык в официальных институтах, школах и т.д.), **Желание** (насколько часто владеющие языком хотят использовать этот язык), и **Продукты Языка** (сколько текстов или других продуктов языка, таких как программы или спектакли, доступны на языке и насколько сильно «потребители» их желают).

- **Масштабы: Законодательство** (законы, способствующие или препятствующие использованию языка, осведомленность и мнение о них населения), **Образование** (использование языков, от детского сада до университета, мнение людей), **Медиа** (каким образом используется и используется ли вообще язык в газетах, на телевидении, в радиопрограммах и т.д.; каким образом малочисленный народ представлен в прессе на доминирующем языке и т.д.), **Использование Языка и Взаимодействие** (как язык используется в различных ситуациях, с разными людьми и т.д.).
- Переменные величины в Масштабах: например, **установки** по отношению к изучаемому языку и другим языкам (и говорящим на данном языке), **межгенерационное использование языка** (используется ли язык между носителями языка, являющимися представителями разных поколений), **существование медиа, родной язык** (как носители языка определяют из родной(ые) язык(и)), **роль языков на рынке труда, самооценка языковой компетентности** (насколько хорошо носители языка сами оценивают свой уровень владения языков) и т.д.
- На основании результатов анализа по этим переменным, жизнеспособность языка может быть расположена на следующей шкале жизнеспособности языка ELDIA:

Уровень

Описание

1 Сохранность языка находится в критическом состоянии, язык под серьезной угрозой исчезновения. Язык «помнится», но не используется спонтанно в активной коммуникации. Его использование и передача следующему поколению официально не защищены и не поддерживаются. Не поощряется изучение и использование языка детьми и молодежью.

→ Необходимы срочные и эффективные меры по возрождению языка для предотвращения его полного исчезновения и для восстановления его использования.

2 Сохранность языка находится в ситуации острой опасности. Язык используется в активной коммуникации по крайней мере в некоторых случаях, однако проблемы с его использованием, поддержкой и/или передачей оказываются столь серьезными, что использование языка может полностью прекратиться в обозримом будущем.

→ Необходимы немедленные эффективные меры по поддержке и поощрению языка для его сохранения и активизации.

3 Сохранность языка находится под угрозой. Использование и передача языка уменьшается, даже прекращается в некоторых контекстах или у некоторых групп говорящих. Если эта тенденция сохранится, в более отдаленном будущем использование языка может полностью прекратиться.

→ Должны быть приняты эффективные меры для поддержки и поощрения использования и передачи языка.

4 Сохранность языка до некоторой степени достигнута. Язык официально поддерживается и используется в различных контекстах, а

также выполняет ряд функций (за пределами главной и последней сферы употребления – дома и семьи). Язык часто передается следующему поколению, и многие носители могут и готовы развивать устойчивые модели многоязычия.

→ Принятые меры по поддержке и сохранению языка, по-видимому, оказались успешными и должны быть поддержаны и продолжены.

5 Сохранность языка в настоящий момент поддерживается. Язык используется, поощряется его употребление в широком диапазоне контекстов. Язык, по-видимому, не находится под угрозой: ничто не указывает на то, что (многие) носители языка откажутся его использовать и передавать следующему поколению, пока его социальная и институциональная поддержка остается на нынешнем уровне.

→ В долгосрочной перспективе необходимо контролировать языковую ситуацию и поддерживать использование языка.

3.6.4 Анализ данных

В ходе анализа интервью и вопросников по исследованию лингвисты ELDIA могли сконцентрироваться только на нескольких важных измерениях, главным образом на вопросах, имеющих значение для барометра EuLaViBar в целом. Следовательно, они не могли проработать каждый вопрос, который мог бы быть важным для определенного языка или группы людей. Более детальный анализ для каждого языка может быть проведен в будущем.

Специалисты по статистике ELDIA обработали результаты заполнения вопросника, поместив их в таблицы, которые стали основой для иллюстраций (графиков, диаграмм) в Главе 4.

Ответы и комментарии на открытые вопросы были проанализированы лингвистами ELDIA без применения компьютерных технологий.

Интервью были расшифрованы (записаны в письменном виде) и аннотированы (даны отметки со ссылками на центральные темы, такие как «использование языка», «образование», «мобильность» и т.д.). Лингвисты ELDIA также написали короткие описания и краткие резюме о каждом интервью.

4 Анализ данных

4.1 Анализ СМИ

(автор Реетта Тойванен)

Дискурсный анализ СМИ¹⁴ в России проводился с целью определения отношения к языкам малочисленных народов, сохранению, утрате и возрождению языков в средствах массовой информации, издаваемых на языках малочисленных народов по сравнению с изданиями на доминирующем языке. Исследование должно было дать больше информации о развитии в области межэтнических связей в изучаемых странах. Представления о том, каким образом пресса отзывается о языковых меньшинствах, в конечном итоге отражают ситуацию, в которой языковые меньшинства пытаются сохранить и возродить свой родной язык. Отношение, высказываемое в прессе на доминирующем языке, в определенной степени объясняет отношение доминирующей части общества к сообществам, представляющим малочисленные народы. Мнения и отношения, выражаемые через СМИ на языках малочисленных народов, говорят о трудностях и перспективах национальных общин, которыми члены сообщества делятся друг с другом.

Ключевые вопросы по дискурсному анализу СМИ можно сформулировать следующим образом:

1. Каким образом выражается отношение к языкам малочисленных народов в национальных СМИ и в СМИ на доминирующем языке?
2. Каким образом СМИ, издаваемые на языках малочисленных народов и на доминирующих языках, позиционируют себя или какое место, по мнению самих СМИ, они занимают в медиа относительно друг друга?
3. Как СМИ, издаваемые на языках малочисленных народов и на доминирующих языках, информируют общество о событиях в области взаимодействия этнических групп?
4. Является ли сохранение языков важной темой и каким образом она обсуждается?
5. Какую роль играют доминирующие языки и языки малочисленных народов в СМИ и какие функции они несут?

Для получения объективных данных во временной перспективе и определения статуса и состояния национальных общин при анализе были определены три разных периода времени. В России для проведения дискурсного анализа СМИ были выбраны следующие временные отрезки: февраль-апрель 1998 г., когда вступили в силу Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств и рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств; весна 2004 г., когда было внесено предложение по закону о языке в Республике Карелия; и ноябрь 2010 г. - январь 2011 г. для получения информации о развитии в данное время.

¹⁴ Данное исследование было проведено в Хельсинкском университете Сантрой Янтунен и Оути Танцос, которые были специально обучены методике проведения дискурсного анализа СМИ.

В России был проведен дискурсивный анализ СМИ двух малочисленных финно-угорских народов. На вепсском и карельском языках говорят в Карелии, недалеко от границы с Финляндией. В основном, оба языка используются людьми пожилого возраста. В России и в Финляндии были предприняты попытки возрождения карельского языка.

В республике Карелия выходит три газеты на карельском языке и два журнала, содержащих материалы на карельском. Газета *Oma maa* (“Родная земля”) издается на ливвиковском диалекте карельского языка. Газета *Vienan Karjala* (“Беломорская Карелия”) – на северно-карельском диалекте. В июне 2008 года стали издавать газету *Luudilaine* (на людиковском диалекте). Для вепсов выходит только одна газета – *Kodima* (“Родная земля”). Она издается на двух языках: вепсском и русском. Журнал *Karelia* и детский журнал *Kiripää* выходят на финском языке, но в них есть материалы на карельском и вепсском языках. Также в муниципальных газетах есть страницы на карельском языке («Олонец», «Калевала», «Пряжа», «Лоухи»).

ГТРК “Карелия” выпускает программы на карельском, вепсском и финском языках (Еремеев 2007, Письменные Языки 2003). Вещание не охватывает все районы республики. Телевизионные и радиoprogramмы на вепсском языке доступны только на территории республики Карелия. Две еженедельные радиoprogramмы выпускаются на северно-карельском диалекте и одна – на ливвиковском диалекте карельского языка. Также каждый день выходят новости на Радио Карелии. Программы 2009 и 2010 годов хранятся в архиве и доступны через Интернет.¹⁵ На Первом канале России один раз в неделю выпускается телевизионная программа *Omin silmin*, продолжительность которой 55 минут. Она освящает культурные мероприятия карелов, финнов и вепсов. ГТРК Карелия также два раза в неделю выпускает новости на вепсском языке и другие программы продолжительностью 15 минут.¹⁶ Один раз в неделю на ГТРК выходит вепсская литературная программа (Puura & Zaytseva 2010: 65).

Материалы в новых цифровых СМИ на карельском и вепсском языках очень скудные. Нет новостных порталов, блогов, чатов и т.д. По всей видимости, в Фейсбуке и в ВКонтате есть как минимум несколько групп, связанных с вепским языком (см., например, “Republic of Vepsia”). (Бойнич & Богданова 2008; Puura & Zaytseva 2010, fn. 5, p. 72.) Роль новых СМИ на карельском и вепсском языках остается маргинальной, частично из-за пожилого возраста людей, хорошо владеющих карельским и вепским языками, частично из-за ограниченного доступа к интернету в сельской местности. СМИ на русском языке очень разноплановые и хорошо организованы по районам. Самые популярные газеты республики Карелия – региональные еженедельники *Карельская Губерния*, *ТВР-Панорама*, *Курьер Карелии* и еженедельное издание *Петрозаводск*, являющееся местной газетой города Петрозаводска. Жители сельской местности читают и другие газеты. Самыми

¹⁵ См. www.karjalanradio.narod.ru последнее посещение в феврале 2012.

¹⁶ См. <http://petrozavodsk.rfn.ru> последнее посещение в феврале 2012.

популярными центральными газетами являются *Аргументы и факты* и *Комсомольская Правда*. (Puura & Zaytseva op.cit fn. 5, 102.)

В рамках исследования 1997 года почти 90 % респондентов сообщили, что они смотрят программы на языках малочисленных народов как минимум раз в неделю (Skön & Torckola 1997: 153). Еще большее количество респондентов смотрит местные программы на русском языке один раз в неделю (Ibid. стр. 71). Программы на языках малочисленных народов были менее популярны среди молодежи. Объяснением этому служит плохое владение языком, сниженный интерес и недостаточное национальное самосознание (Ibid. стр. 73 и 97). По этому вопросу нет свежих сведений, но можно сделать вывод, что интерес среди молодого поколения угасает. На основании того же исследования, наиболее важная роль, отведенная национальным СМИ, заключалась в сохранении и возрождении языка и поддержке национальной культуры и фольклора (Ibid. стр. 71), что подтверждается активным участием СМИ малочисленных народов во всероссийских соревнованиях и фестивалях (Ряменен 2007). Невозможно было найти источники, проливающие свет на популярность газет среди языковых сообществ. Можно сказать, что читательская аудитория национальных СМИ состоит в основном из людей пожилого поколения, активистов национального движения и студентов, изучающих карельский и вепсский языки. Телевидение и радио являются самыми важными источниками информации в общероссийском масштабе, тогда как газеты информируют население по региональным вопросам. Телевидение является самым популярным основным национальным средством передачи информации (Pietiläinen 2005). Радио более популярно в городе, чем в сельской местности, а также среди молодежи и более обеспеченных слоев населения. Роль интернета сильно варьирует (Pietiläinen, Fomicheva & Resnianskaia 2010).

В России в дискурсе карельских СМИ фольклор, история и традиции считаются основным признаком принадлежности к народу карелов. Их значение больше, чем значение самого языка, и чаще язык является их частью. Вопрос сохранения карельского языка важен. Обычно сами карелы считают себя ответственными за сохранение языка, но часто не совсем понятно, кто именно должен предпринимать усилия. Дискурс остается на низком уровне, конкретные советы или предложения каких-то действий появляются редко. Чаще всего карелов побуждают больше использовать язык во всех областях жизни. Их не призывают принимать участие в политических мероприятиях, хотя в письменных источниках указано, что ресурсы по сохранению языка зависят от властей.

Часто в сторону властей направлены обвинения в том, что язык слабеет, утрачивая свои позиции. Постоянной причиной критики является недостаток ресурсов. Национальная принадлежность представителей властей не подчеркивается, но больше симпатий со стороны карелов отдается тем представителям властей, которые сами являются этническими карелами, по сравнению с представителями других национальностей. Считается, что карельским языком владеют преимущественно деревенские жители. В городской жизни карелов почти полностью игнорируют. Это сильно ограничивает возможности для использования языка.

Героями статей в основном являются люди пожилого возраста и молодежь. Очень часто в статьях рассказывается о прежнем образе жизни в деревне, чувстве ностальгии. Нередко повествуется о людях пожилого возраста и их жизни. С другой стороны, появляются новости о детях и студентах, изучающих и использующих карельский язык. Данное сочетание может отразить аудиторию читателей, где старшее поколение активно использует язык, а младшее поколение его изучает. Такая форма языкового взаимодействия помогает наладить связь между старшим и младшим поколениями. В предшествующие периоды это могло призывать людей посылать статьи в газеты, давая им чувство принадлежности к национальному сообществу в республике.

На людей среднего возраста обращают меньше внимания, скорее всего, из-за их слабого знания языка, или, возможного статуса потенциальных учащихся. Среди них выделяются некоторые активные личности, учителя и работники культуры.

Можно сделать вывод, что с 2004 г. по 2010 г. содержание газеты *Ota Mia* и в некоторой степени газеты *Vienan Karjala* изменилось. В 2010 г. ставятся прямые вопросы и все больше слышны критические нотки по отношению к правительству республики Карелия, к Москве, к разнообразным властным структурам; больше внимания отдано преподаванию и будущему языка.

Проанализированные газеты на карельском и вепском языках не являются альтернативой русскоязычным СМИ, несмотря на то, что содержание статей определено рассчитано на представителей малочисленных народов. Их работа заключается в укреплении самосознания карелов и вепсов как представителей финно-угорских народов и оказании помощи в развитии языка. По сравнению с русскоязычными региональными газетами новое содержание национальной прессы достаточно ограничено, но она освещает, например, вопросы прав языков намного чаще, чем русскоязычная пресса. Нужно отметить, что СМИ на карельском и вепском языках принадлежат правительству, что может объяснять схожесть содержания публикаций. В СМИ на карельском и русском языках можно найти некоторый общий дискурс. Он включает в себя достаточно расплывчатое описание языковой ситуации с некоторыми определенными предложениями к действию, трепетное описание традиционной деревенской жизни и объединение сохранения языка меньшинства с сохранением традиций.

Сохранение вепского языка считается важным в вепском дискурсе, как и сохранение карельского языка в карельском. Ответственность возлагается на носителей вепского языка. Авторы обычно побуждают их использовать родной язык. Важным считается преподавание вепского языка детям, и к студентам, изучающим вепский язык, относятся как к молодым людям, заинтересованным в родном языке. С другой стороны, авторы часто обеспокоены тем, что изучающие прибалтийско-финскую филологию студенты обычно заинтересованы не в вепском языке, а в карельском, и особенно в финском. Праздники и национальные первенства, в которых используется вепский язык, описываются подробно. Также с большой гордостью рассказывают о мероприятиях, в

которых участвуют вепсы – конгрессы и т. д. В этом можно увидеть произошедшие за последнее время изменения: быть вепсом и говорить по-вепски больше не стыдно.

В прессе на русском языке можно достаточно часто встретить статьи о языках малочисленных прибалтийско-финских народов, но авторы описывают проблемы поверхностно, не вникая в суть вопроса. На прибалтийско-финские народы Карелии, особенно на карелов и вепсов, возлагается роль основателей местных традиций и колорита. Их культура связана с традиционной деревенской жизнью, о которой часто вспоминают. Тема упадка деревни и борьбы за ее жизнь является постоянной в газетах на карельском языке. Это можно сказать и о русскоязычной прессе. Тон статей в основном позитивный и ободряющий; все внимание в них направлено на отдельных личностей, которые стараются добиться лучшего в жизни, хоть и против социальных тенденций к урбанизации. Таким образом, хоть карелов, вепсов и финнов воспринимают как часть Республики Карелия, но, когда говорят о важности сохранения языка, дискуссия сводится к сохранению особенного характера республики. Иногда могут сказать о фольклоризации, подчеркивая важность видимых признаков культуры: танцев, одежды, кухни и т.д.

Часто языки малочисленных народов остаются без внимания или считаются незначительной традицией. Другие элементы карельской культуры, по всей видимости, более близки русским авторам и читателям. Сохранение языков возложено на самих карелов, вепсов и финнов и является главной задачей карельских организаций. Критика властей в области сохранения языка и культуры в русскоязычной прессе отсутствует, и никто фактически не несет ответственности за ухудшение нынешней ситуации, хотя часто встречаются упоминания о проблемах в прошлом.

Анализируемая русскоязычная пресса не рассматривает такие феномены, как сохранение языка, права малочисленных народов или результаты изменения в законодательстве, касающиеся языков малочисленных народов. По всей видимости, существует определенное распределение работы, посредством которого эти темы освящаются в правительственной национальной прессе. Однако, принимая во внимание темпы смены языков среди носителей карельского, вепского и финского языков в Карелии, очевидно, что опубликованные на этих языках издания доступны не всем представителям малочисленных народов. Это сильно сокращает материалы по вопросам языков меньшинств. Издания рассчитаны на людей пожилого возраста, языковых активистов и, возможно, студентов, но молодежь и люди среднего возраста, включая родителей детей, которые могли бы сформировать свою группу для возрождения языка, оставлены без внимания. Они получают минимальное количество информации по вопросам языковых меньшинств из основных СМИ. То же самое относится и к доминирующему населению. Поэтому можно сделать вывод, что вопросы языков малочисленных народов играют маргинальную роль в доминирующих СМИ, которые не являются универсальным источником информации по данным темам. СМИ на вепском и карельском языках финансово зависят от основных издательств, и это в какой-то степени объясняет их неспособность поднимать вопросы в области национальной политики.

4.2 Анализ правовых и институциональных рамок

(автор Сиа Спилиополу Окермарк)

В Российской Федерации, многонациональном государстве с единственным доминирующим языком, правовые нормы, касающиеся карельского и вепсского языков, являются достаточно сложными и характеризуются постоянными и иногда непредсказуемыми изменениями. В России русский язык обладает сильными позициями, как законодательно, так и в реальности. Языковое законодательство осуществляется на федеральном, региональном и местном уровнях и представляет собой сложную картину нередко противоречивых постановлений.¹⁷

В результате национального возрождения, происходившего во многих регионах России после распада СССР, появился федеральный закон № 1807 «О языках национальностей Российской Федерации» (1991), который дает республикам возможность принять свой собственный государственный язык, помимо русского. Другим важным законодательным актом является Федеральный закон «О государственном языке России», принятый в июне 2005 г. Этот закон определяет обязательное использование русского языка в федеральных, региональных и муниципальных учреждениях Российской Федерации. Языковое разнообразие на общественном и индивидуальном уровне, в принципе, гарантировано Конституцией 1993 г. (ст. 26). Кроме того, в соответствии со статьями 68.3 и 69 языки небольших меньшинств, такие как вепсский, пользуются особой защитой. Эти положения уточнены в Законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999 г.).

В соответствии с карельской конституцией, официальным языком Карелии является русский язык. Из этого следует, что карельский язык лишь потенциально, но не на деле охраняется федеральными структурами Российской Федерации и их методами защиты языков (принципом этнического федерализма).

Вместо этого в Карелии мы находим закон «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» от 2004 г. (так называемый «Закон о поддержке»). Что касается его практической реализации, то в пояснительной записке к приказу от 28 мая 2009 г., принятому карельскими министерствами национальной политики и контактов с религиозными ассоциациями, образования и культуры, выражается серьезная обеспокоенность утратой родного языка (карельского) гражданами, проживающими в Карелии. В

¹⁷ Информация, представленная в данном разделе, основана на исследовании ELDIA, проведенном Андерс Фогельклоу «Анализ правовых и институциональных рамок: карельский, вепсский и сету в России» (готовится к печати в качестве WPELD)

записке отмечается падение способности карелов говорить на их (бывшем) «родном языке», и этот факт относится за счет урбанизации и глобализации. В том же порядке был принят список «комплексных мер» для осуществления плана «Развитие карельского языка в Республике Карелия на период 2009—2020», где предлагались контрмеры против снижения использования карельского языка. Иными словами, как проблемы, так и их возможные решения хорошо известны, по крайней мере, на республиканском уровне. В то же время, изменения, внесенные в 2002 г. в закон «О языках национальностей Российской Федерации» от 1991 г., согласно которым во всех региональных государственных языках должен использоваться кириллический алфавит, могут послужить препятствием для того, чтобы карельский стал одним из официальных языков Республики Карелия. При этом вепсский язык становится еще более маргинальным.

Если иметь в виду весьма скромные цели постоянной поддержки языковых и культурных мероприятий, таких как радиопередачи, семинары, фестивали, издание книг, то карельское законодательство и соответствующие программы можно считать, в принципе, удовлетворительными. Но с более амбициозных позиций, имея в виду цель предотвратить или даже обратить вспять процесс полной ассимиляции, карельские «Закон об образовании» и «Закон о поддержке» могут рассматриваться как недостаточные, поскольку в них отсутствуют как инициативы, так и возможности их воплощения. В целом, в то время как нынешняя правовая ситуация может рассматриваться как весьма удовлетворительная на бумаге, ее практическое воплощение оказывается весьма ограниченным. Современная правовая ситуация, тем самым, характеризуется неоднозначностью и непредсказуемостью для носителей языка. Является ли это двусмысленное и в долгосрочной перспективе противоречивое положение устойчивым, на данный момент сказать трудно.

4.3 Социолингвистический анализ исследования и интервью

4.3.1 Использование языка и взаимодействие

В следующих главах 4.3.1–4.3.4 обобщены данные, полученные путем анкетирования (MinLg и CG). Эти данные дополнены материалами, полученными из резюме интервью, проведенных с отдельными респондентами и контрольными группами, при этом для каждого пункта приводятся оригинальные цитаты из интервью и анкет. Номера конкретных вопросов (например, Q7) соответствуют номерам в Анкетах, приведенных в Приложениях 2 и 3.

4.3.1.1 Родной язык

В вопросе №7 (Q7) анкеты по языкам малочисленных народов и в вопросе №9 анкеты по языкам доминирующего населения респондентов просили указать их родной(ые) язык(и). В анкете для вепсов использовали два синонима для слова *родной язык kodikel'* (букв. 'домашний язык') и *tamankel'* ('родной язык'), далее в скобках термин объяснялся как язык или языки, которыми человек овладел в первую очередь.

Количество респондентов-вепсов, указавших вепсский или русский языки родными, было практически равно. У вепсов нет других родных языков. Более 40% респондентов указали вепсский язык как единственный родной язык. Количество респондентов, указавших вепсский или русский языки родными, практически равно: 180 человек из 298 (60%) определили вепсский язык как родной и 167 (56%) указали в качестве родного языка русский. Только 49 респондентов (16,4%) сообщили, что родными языками являются и вепсский, и русский язык. Также 131 респондент (44%) отметил вепсский язык как первый язык, и 118 респондентов (39,6%) – русский язык как первый язык (см. ниже таблицу 3).

	Родной язык – вепсский		Родной язык – русский		Родные языки – вепсский и русский	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Всего	131	44	118	39.6	49	16.4

Таблица 3: Родные языки респондентов-вепсов

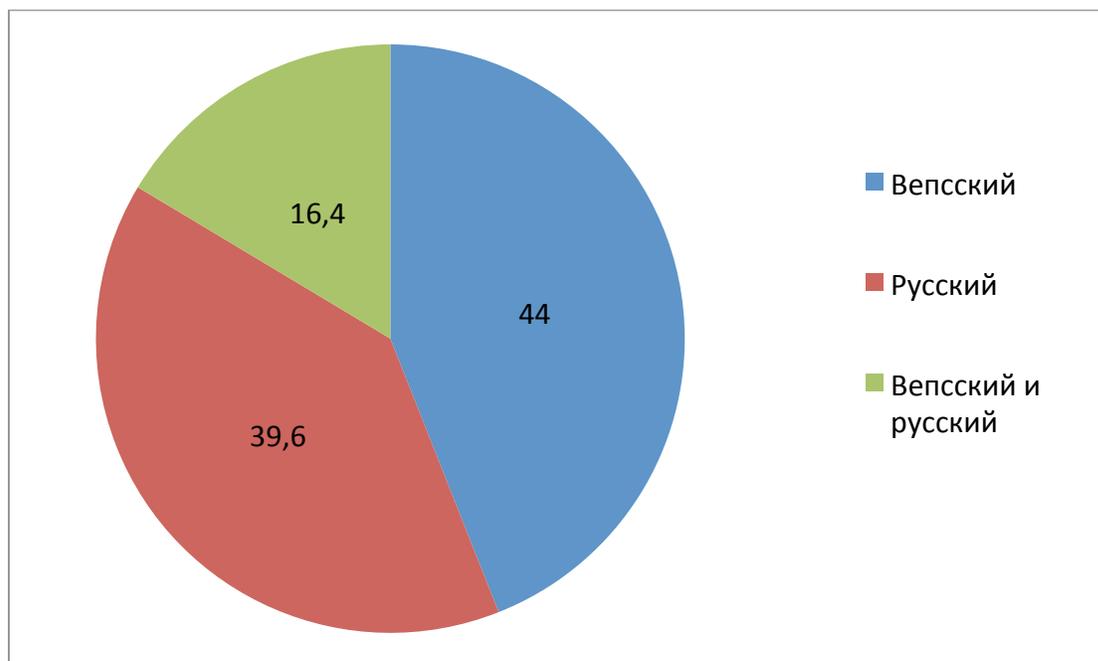

Рис. 2: Родной язык респондентов-вепсов

В основном, процентное соотношение не отражает уровень владения вепским или русским языками респондентов. В России концепция родного языка имеет несколько другое значение, чем в западных странах. В соответствии с Малаховым и Осиповым (2006: 503–504), самое широкое понимание родного языка в данном контексте не относится к самому родному языку (языку, на котором человек начинает говорить), а чаще относится к языку этнической группы, к которой респондент себя относит. Таким образом, люди наследуют чувство принадлежности к определенной национальности, вместе с этим переходит и язык. В данных интервью понятие «родной язык» определенно отличается от понятий «первый язык», «родной язык» или «язык, которым человек владеет лучше всего», как мы увидим далее. Респондент, у которого брали интервью, в детстве говорила с родителями на русском языке. Однако все в семье были вепсами, и она жила с бабушкой и дедушкой, которые говорили с ней по-вепски, поэтому она чувствует, что вепский язык – ее родной язык.

(1) RU-VEP-IIAG3f:

minä olen iče vepsläine, vepsän kel't mina tedan laps'aigaspäi, olen kulnu babalpäi dedalpäi, kaik minun kanz oma vepsläižed, sikš vepsän kel' om minei maman kel', rodnii kel', lähembaine kel', -- minä laps'aigas elin babanno i dedanno, i sikš minä kelen minä kulin, -- minä baban polin enamban mi maman, i sikš minun i vepsän kel' om rodni kel' voib sanuda, - - voib olda pagišta minä zavodin ezmei venäkelel pagišta, no el'geta i kundelta mina zavodin kaks' kel't.

‘Я сама вепсянка, с детства говорю по-вепски. Бабушка и дедушка говорили со мной по-вепски, все в моей семье – вепсы. Поэтому вепский язык для меня – родной язык, самый близкий язык. Я в детстве жила с бабушкой и дедушкой, поэтому и слышала этот язык – с бабушкой я больше жила, чем с мамой, поэтому я могу сказать, что вепский – мой родной язык. Возможно, я и начала говорить сначала на русском языке, но понимать и слушать я начала на двух языках’.

Можно было бы предположить существование дисбаланса между фактическими навыками владения языком и заявленным родным языком также и в анализе данных ELDIA, как было предложено в общей практике и в ранних исследованиях. Однако, оценивая последовательность ответов и сравнивая количество респондентов, указавших вепский язык как родной язык, с количеством респондентов, высоко оценивших свой уровень владения вепским языком, можно сказать, что эти данные хорошо соотносятся друг с другом¹⁸.

¹⁸ Это четко отличает вепскую группу респондентов от карельской: в то время как более половины респондентов-карелов указали карельский язык как родной, только 29% сказали, что хорошо понимают по-карельски, и 21% респондентов сообщили, что могут хорошо говорить по-карельски. Похоже на то, что существует несовпадение между способностью использовать карельский язык и желанием относить себя к этнической группе карелов, указывая карельский язык в качестве родного языка, что соответствует данным анализа по двуязычию карелов, проведенным Сархимаа более десяти лет назад (Sarhimaа 1999).

Респонденты, высоко оценившие владение вепским языком. Свыше 60% человек сообщили о хорошем владении вепским языком – по всей видимости, это соотносится с количеством информантов, указавших вепский язык как родной язык. Однако девять из десяти человек указали и свое совершенное владение русским языком. Это факт подтверждает общее предположение, что почти каждый вепс является двуязычным, владея вепским и русским языками. Данные анкеты необходимо сверить, чтобы уточнить, насколько точно данные о доле назвавших вепский язык родным соотносится с данными о хорошем уровне владения вепским языком респондентами. Среди респондентов только 13 человек (4%) сообщили о совершенном незнании вепского языка. 24 респондента (8%) не говорят по-вепски (см. 4.3.1.3). Так как анкета для представителей малочисленных народов была доступна только на вепском языке, это означало, что все вопросы должны были быть переведены специалистами по сбору информации как минимум 13 информантам.

Хотя в анкете термин двуязычный не использовался, в интервью мы спрашивали у респондентов, считают ли они себя двуязычными. У информантов было разное мнение по данному вопросу. Например, информант RU-VEP-IIAG1f – молодая представительница вепской интеллигенции. Она начала говорить по-русски, но бабушка научила ее и вепскому языку. На данный момент она пользуется вепским языком на работе и периодически говорит на нем со своим отцом и дочерью.

(2) RU-VEP-IIAG1f:

minä olen kaks'keline, voin sanuda miše minä tedan vepsän kel't i venekel't, konz olen sündnus ka tezin vaiše venekel't,

'Я двуязычная. Я могу сказать, что я говорю на вепском и русском языках. Когда я родилась, я говорила только по-русски'.

Как заметили наши интервьюеры, знание вепского языка является главной чертой, означающей, чтобы человек – вепс. Язык – одна из основных характеристик вепского самосознания, как говорит и следующий информант:

(3) RU-VEP-IIAG5f:

kaiken-se ristitud sanutas miše meiden vanhembiden kel', meiden dedoiden i baboiden kel' oli vepsän kel', sikš nece om minun kel', kodiman kel', minun kanzan kel', - - kacu, minä en teda om-ik nece mugoine genetine mugoine mušt, vai midä nece om, nu ezisijal vepsläižil om kel', sikš ku uskond oli venälaine,

'Люди говорят, что язык наших родителей, дедушек и бабушек был вепский, поэтому это и мой язык, родной язык, язык моего народа. Видите, я не знаю, это какая-то генетическая память или что это, но на первом месте у вепсов язык, потому что религия была русской'.

Однако, по мнению большинства информантов, люди могут быть вепсами и без знания языка, в данном случае корни определяют самосознание человека. Если родственники – вепсы, то и сам человек – вепс.

(4) RU-VEP-FG-AG1-05:

minä olen vepsläine sikš miše minun mam om vepsläine i kaik jured oma vepsläized.

‘Я – вепс, потому что моя мама – вепсянка и все мои родственники – вепсы’.

Сравнение с русской контрольной группой. Русская группа была одноязычной. 293 респондента из 305 обозначили русский язык своим родным языком. Карельский язык был родным для 9 респондентов, из которых пятеро назвали его свои единственным родным языком. Однако, как можно увидеть в разделе «Самостоятельная оценка уровня владения языком», среди участников русской контрольной группы было больше людей, имеющих карельские или вепские корни. Вепский язык упоминался 2 раза, среди них у одного человека вепский язык был единственным родным языком. Финский язык как единственный родной язык был назван один раз, также один раз украинский и дважды армянский. Белорусский язык был родным языком для одного из респондентов, и в конце один информант назвал английский язык своим вторым родным языком после русского.

4.3.1.2 Меж- и внутр поколенное использование языка

Очень часто со своими внуками говорят или говорили по-вепски бабушки и бабушки. Обычно только русским языком не пользовались или не пользуются. Нетипично и использование двух языков в общении с бабушками и дедушками. В вопросах Q10 и Q11 у респондентов спрашивали, на каком языке говорили с ними их бабушки и дедушки. Большое количество респондентов ответили, что они использовали вепский язык. Это касается прародителей по материнской линии (80.5%) и по отцовской линии (71.7%). Только 36.4% бабушек и дедушек по материнской линии и 39.0% по отцовской линии говорили или говорят с респондентами по-русски. Также только 17.2% родственников по линии матери и 11.2% по линии отца использовали и вепский, и русский языки. 63.2% прародителей по материнской линии и 60.6% - по отцовской линии говорили только по-вепски, в то время как только русским языком пользовались 19.2% родственников по материнской линии и 27.9% - по отцовской. Два респондента заявили, что их бабушки и дедушки использовали и другие языки: один – финский (0.4%) и один - немецкий (0.4%). В интервью также можно увидеть важность бабушек и дедушек как тех, кто передает вепский язык более молодому поколению.

(5) RU-VEP-IIAG5-01f:

no baboi da dedoi ii mahttud, - - mam da bat' pagištihe venäkelel, a babad da dedad vaise vepsän kelel

‘Бабушка и дедушка не умели [говорить по-русски]. - - Мама и папа говорили по-русски, а бабушка и дедушка только по-вепски’.

Родители респондентов разговаривали по-вепски со своими детьми больше в детстве, чем сейчас. Роль отца в использовании вепского языка с респондентами значительно ослабла. В настоящее время большое количество родителей респондентов общается с ними по-русски. В вопросах Q15-Q18 стоял вопрос о языке, на котором респонденты говорили со своими родителями. В детстве большинство родителей говорили с детьми все еще на вепском языке: 62.6% матерей и 57.6% отцов. Однако чем ближе к настоящему

времени, тем больше сокращается количество респондентов, использующих вепсский язык со своими родителями: 46.0% - с матерями и 25.0% - с отцами. В детские годы родители использовали русский язык с респондентами: 64.7% - матери и 64.1% - отцы. Однако количество родителей, говорящих с респондентами на русском языке, значительно увеличилось: на данный момент 86.1% матерей и 93.1% отцов. Использование двух языков более типично для матерей. 27.3% матерей и 21.8% отцов говорили с респондентами на двух языках. Сейчас данные следующие: 32.1% для матерей и 18.1% для отцов.

На данный момент вепсский язык в качестве единственного языка общения используется только несколькими родителями респондентов. Чуть больше трети матерей (35.3%) и отцов (35.9%) в общении с респондентами использовали только вепсский язык, в то время как количество родителей, говорящих с респондентами только на русском языке, было несколько больше: 37.4% матерей и 42.4% отцов. В настоящее время только 13.9% матерей и 6.9% отцов используют только вепсский язык с респондентами. Количество родителей, использующих только русский язык с респондентами, сильно возросло: 54.0% матерей и 75.0% отцов на данный момент.

Как можно увидеть в следующем интервью (женщина, возрастная группа 30-49), как правило, по-вепски говорят не с детьми, а с пожилыми людьми.

(6) RU-VEP-IIAG3f:

vepsän kel' nece oli miil kuti kel' kudambal pagištäs vanhembidenke, hän ičeze babanke pagiži vepsän kelel, hän ičeze anopinke, minun tatan mamanke minun babanke pagiži vepsän kelel, nu lapsidenke vot kuti, vot ei olend - - mugošt harjoitust vot hargoituz miše pagišta vepsän kelel, enamban vot mamoi pagiži venekelel

'Для нас вепсский язык был языком, на котором мы говорили с родителями. Она (мама) говорила по-вепски с бабушкой, со свекровью, с моей бабушкой, она говорила по-вепски. Но с детьми не было принято говорить по-вепски. Мама говорила больше по-русски'.

Одним из важных факторов, вызвавших то, что язык не передавался от поколения к поколению, стало отсутствие семейных связей из-за Второй мировой войны. Целые поколения отцов и дедов отсутствовали.

(7) RU-VEP-IIAG2m:

edel voinad i voinan aigan nece i ((unclear)) kadotadud, minä jo pagižin miše om muretud nece sidotuz kudamb, tiile om oli suomalaisil, miše sindai openzi mam pagižemaha, i hiil oli äjak-se, - - vähäižen enamb aigad sinai antta nu, a minun tat, minun tatan kazvati mam vaiše, sikš ku hänen minun tatan tat om riktud Podporož'en rajonas mecas, ii suomalaisēd a nemzad

'До войны и во время войны (неясно) пропал. Я уже сказал, что связь нарушилась, такая, как есть у вас, финнов, чтобы тебя учила говорить мама, и у них так было часто – у них было сколько - - немного больше времени тебе дать, а мой отец, моего отца только мать растила, так как моего деда убили в Подпорожском районе в лесу. Не финны, а немцы'.

Интервьюер 1:

voinas

'На войне?'

RU-VEP-IIAG2m:

voinas

'На войне.'

Менее одной трети респондентов (29.1%) сообщили об использовании вепсского языка в общении со своими детьми. Преобладающее количество респондентов (91.7%) со своими детьми говорят по-русски. В вопросе Q21 говорилось о выборе языка самого респондента в общении со своими детьми. В отличие от других анкет ELDIA, вопросы вепсской анкеты были не только о детях, находившихся на иждивении родителей, но о детях в целом. Следовательно, сюда относятся и случаи использования языка более взрослыми наследниками. Поэтому эти цифры не отражают нынешнюю ситуацию в семьях, где есть маленькие дети. В большинстве семей вепсский язык больше не передается детям. Только 29.1% респондентов сообщили, что они говорят по-вепски со своими детьми, в то время как количество респондентов, использующих русский язык, было 91.7%. На основании данных следующего интервью, родители заинтересованы в перспективах их детей на будущее. Если они живут в России, необходимо владеть русским языком.

(8) RU-VEP-IIAG3f:

nu lujas äi nenid patriotoišpäi, lapsed ei tekoi kel't, - - hän sanub, minä tahtoizin miše laps' minun hüvin tetaiži venekel't, hän eläb Venemas, i hän varaidab, miše ku minä zavodin pagišta vepsän kelel hän hubin pagižeškandeb venäks, - - hänele eläda Venemal, tariš hüvin pagišta venäks

'У многих из таких патриотов дети не знают языка. - - Он говорит, что хочет, чтобы его ребенок хорошо знал русский язык. Он живет в России и боится, что когда я начну говорить [с ребенком по-вепски], то он будет плохо говорить по-русски. - - Чтобы жить в России, нужно хорошо говорить по-русски'

За цифрами скрываются многие печальные истории и личные трагедии.

(9) RU- VEP-IIAG5f:

vepsän kel' minun elos om kaiken aigan päsijal, kut minä en opendand ičein tütärt pagišta čomin vepsäks, nece om minei lujas kibed azj

'Вепсский язык всегда играл самую важную роль в моей жизни. То, что я не учила свою дочь говорить на красивом вепсском языке, доставляет мне много боли'.

При воспитании одного ребенка обычно использовали русский язык или вепсский и русский языки вместе. Ответы на вопрос Q21 также были проанализированы с точки зрения количества и возраста детей в семьях. Большой разницы между выбором языка среди старших и младших детей не было. Например, 87.6% респондентов сообщили, что они использовали русский язык в общении со старшим ребенком/детьми и 89.6% - с младшим ребенком/детьми. Также не было разницы в количестве старших (15.4%) и младших (14.0%) детей, с которыми говорили и по-вепски, и по-русски. Однако если в семье был один ребенок, то родители обычно выбирали для общения с ним или русский язык (95.8%), или два языка одновременно: вепсский и русский (22.2%).

В первую очередь выбор языка родителем зависел от его/ее возраста. Можно привести два простых и логичных объяснения того, каким образом осуществляется выбор языка общения родителями с одним ребенком в семье или в семье с несколькими детьми. Во-первых, чем младше респондент, тем меньше семья. Например, 11.1% респондентов, указавших свой языковой выбор и имевших одного ребенка в семье, относились к возрастной группе 18-29, в то время как только 0.6% респондентов, указавших свой выбор языка и имевших двух и более детей, относились к этой же возрастной группе. Как можно видеть в главе 4.3.1.3 (Самостоятельная оценка уровня владения языком), наши молодые респонденты не так свободно владеют вепским языком, как респонденты более старшего возраста.

Во-вторых, языковой выбор родителями зависит от его/ее пола. Как можно видеть на графике ниже, об использовании русского языка в общении со своими детьми сообщили большое количество респондентов обоих полов: 93.3% мужчин (56 из 83) и 91.2% женщин (165 из 181). Однако значительно больше женщин (33.1%; 60 из 181), чем мужчин (16.7%; 10 из 83), сказали, что используют вепский язык со своими детьми. Также больше женщин (24.3%; 44 из 181), чем мужчин (10.0%; 6 из 83), использовали в общении со своими детьми два языка: вепский и русский. Одна женщина-респондент (0.6%) сообщила об использовании финского языка со своими детьми.

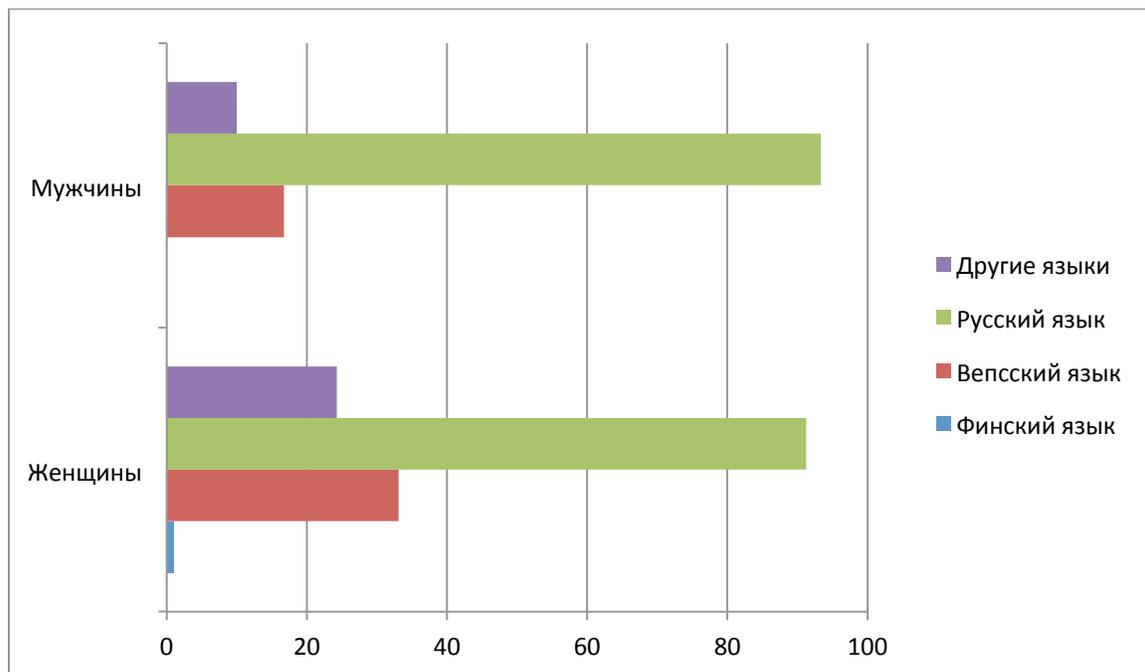

Рис. 3: Языки, используемые в общении с детьми, количество женщин по сравнению с количеством мужчин, %

Большинство респондентов (61.3%), имеющих детей и указавших вепский язык в качестве своего родного языка, сообщили о том, что говорят с ними по-русски. Данные о родных языках респондентов (на основании вопроса Q7) сравнивались с языками общения

с детьми (Q21). Из 155 респондентов 95 человек (61.3%) говорят со своими детьми только по-русски и 60 респондентов (38.7%) говорят с детьми только по-вепски или используют два языка: вепский и русский. Интересно, что 10 респондентов, указавших русский язык как родной, говорят со своими детьми по-вепски и по-русски. Один респондент даже указал использование только вепского языка с ребенком.

В процессе обобщения всей информации по межпоколенному использованию языка можно увидеть, что количество родителей, использующих в общении с детьми вепский язык, сильно сокращается. Количество бабушек (80.5%) и дедушек (71.1%), говоривших по-вепски в прошлом или в настоящее время со своими внуками и внучками намного превышает количество матерей (46.0%) и отцов (25.0%), использующих вепский язык в настоящее время. Как было указано ранее, количество респондентов, использующих вепский язык с детьми, еще меньше: только 33.1% женщин и 16.7% мужчин говорят с ними по-вепски. Следовательно, исследование показывает большую тенденцию к тому, что количество людей, говорящих по-вепски со своими детьми, сильно сокращается от поколения к поколению.

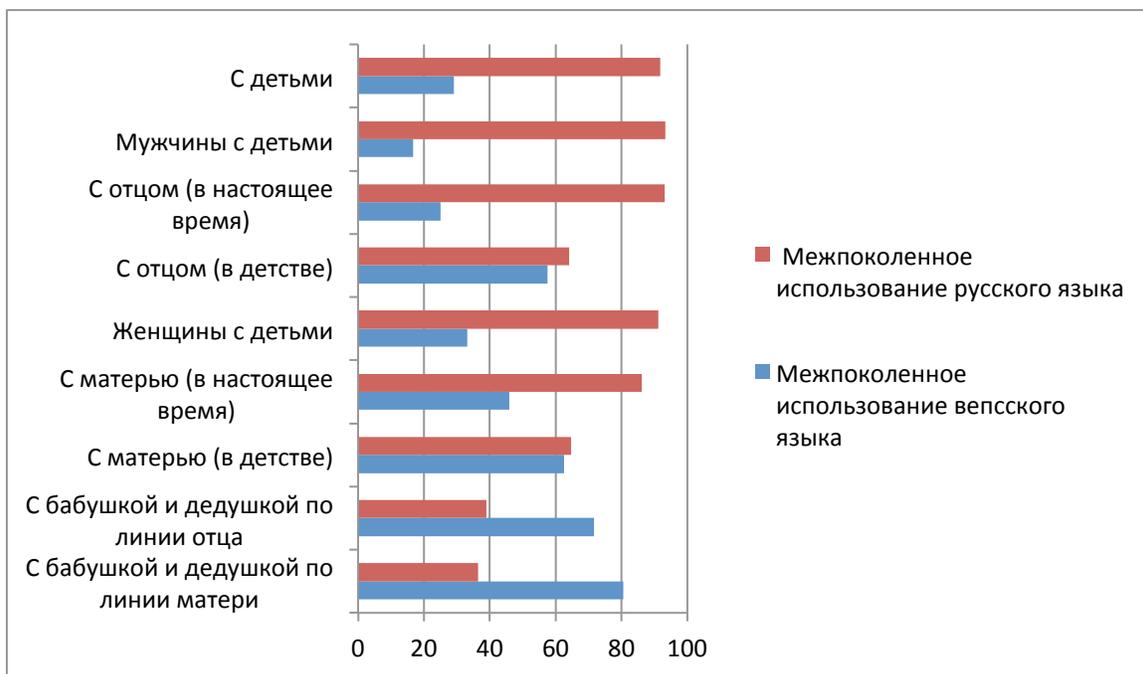

Рис. 4: Межпоколенное использование языка, %

Родители в основном говорили или говорят между собой по-вепски. В вопросе Q14 респонденты отвечали на вопрос о том, какой язык использовали в общении их родители. Большое количество респондентов (68.9%) указали вепский язык как язык общения родителей, 42.1% сообщили о русском языке и только 11.0% указали оба языка. Значительных различий в языке общения отцов и матерей не было.

С родными сестрами и братьями обычно говорили по-русски. Роль русского языка как языка общения между родными братьями и сестрами значительно усилилась по сравнению с ситуацией в детстве респондентов. В вопросе Q19 стоял вопрос об использовании языка с родными братьями и сестрами. Многие респонденты (79.4%) ответили, что с братьями и сестрами говорят по-русски. Чуть реже (56.2%) отвечали, что говорят по-вепски. 35.5% ответили, что используют оба языка. Большой разницы в выборе языка общения с младшими или старшими сестрами/братьями не было. Однако если сравнивать ситуацию с языковым выбором в детстве, то можно видеть, что количество респондентов, говорящих с братьями и сестрами по-вепски в детстве, сократилось с 54.2% до 42.7% со старшими и с 46.6% до 42.2% с младшими братьями и сестрами. С другой стороны, количество респондентов, использующих русский язык, возросло с 57.4% до 75.1% со старшими и с 64.9% до 78.2% с младшими братьями и сестрами. Соответственно, количество респондентов, использующих оба языка с родными братьями и сестрами, возросло.

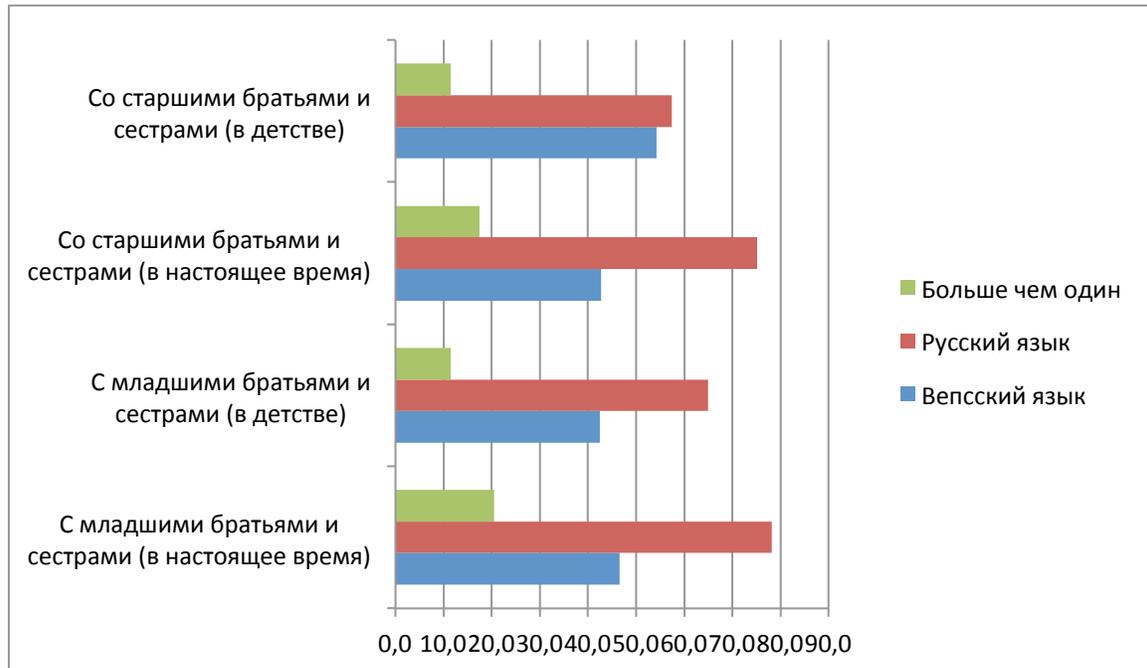

Рис. 5: Использование языка с родными братьями и сестрами, %

Язык общения между супругами обычно русский. В вопросе Q20 был задан вопрос о языке/языках общения супругов. Большинство респондентов (85.2%) указали своим языком общения русский язык, и только третья часть из них (33.8%) общается по-вепски. Количество респондентов, использующих два языка и более с супругой/супругом, составляло 19.5%, что означает, что каждый десятый респондент использует в общении с партнером только вепский язык. Два респондента сообщили об использовании финского языка с партнером. Следующий информант рассказал об очень типичной ситуации: супруг – русский, поэтому в семье говорят по-русски.

(10) RU-VEP-IIAG1f:

homendesespäi i ehtkoižehesai kävutoitan venäkel't, sikš miše mužik om venenik i kaik heimolaižed hänen polespäi hö eläba meidenke rindal - - paksus vastamoiš i hö kaik pagižeba venäkelel

'С утра до ночи говорю по-русски, потому что [мой] муж русский и все родственники с его стороны живут рядом с нами. - - мы часто встречаемся, и все они говорят по-русски'.

Респонденты и информанты старшего возраста используют вепсский язык с супругами. Например, следующая респондентка (возрастная группа 50-64 лет) сообщила, что ее муж говорит с ней по-вепски.

(11) RU-VEP-FGAG4-03F:

milai mužik mužik mugožno om veps, X-späi, ka hän pagižeb vepsän kelel

'У меня муж вепс, из X, он говорит по-вепски'.

Интервьюер 2:

a hän pagižeb vepsän kelel, a sinä hänenke pagižed vepsän kelel

'Так он говорит по-вепски, и ты говоришь по-вепски с ним'.

RU-VEP-FGAG4-03F:

minä vaise el'gendan ((смеется))

'Я только понимаю'.

Следующая молодая респондентка рассказала, что она учила своего мужа вепсскому и немного финскому.

(12) RU-VEP-FG-AG1-04:

völ mužikad opendan, i hän el'gendab vaiše midä minä sanun

И я учу моего мужа [немного вепсскому], и он может только понимать, что я говорю'.

Интервьюер 3:

tule tänna, anda luzik

'Иди сюда, дай ложку'

RU-VEP-FG-AG1-04:

tule tänna, jom ((смеется)) jom čajud, tule sömha, hän kaik nened sanad el'gendab lujas hüvin

Иди сюда чай пить. Иди кушать. Он очень хорошо понимает эти слова'.

Интервьюер 1:

voib-ik mužikad opeta

'Можно учить мужа'

Интервьюер 2:

vepsän kel'he

'вепсскому'

RU-VEP-FG-AG1-04:

'ka pidäb i vepsän kel'he, suomen kel'he mugožo opendan händast

'да, нужно учить вепсскому. Я учу его и финскому'.

С точки зрения межпоколенного использования языка, количество пар, использующих русский язык, увеличилось в два раза, а количество пар, использующих вепсский язык, сократилось в два раза. Сравнивая выбор языков у родителей респондентов и у самих

респондентов, можно заметить, что количество пар, использующих вепсский язык, сократилось (с 68.9% до 33.8%), а количество пар, общающихся по-русски, сильно возросло (с 42.1% до 85.2%).

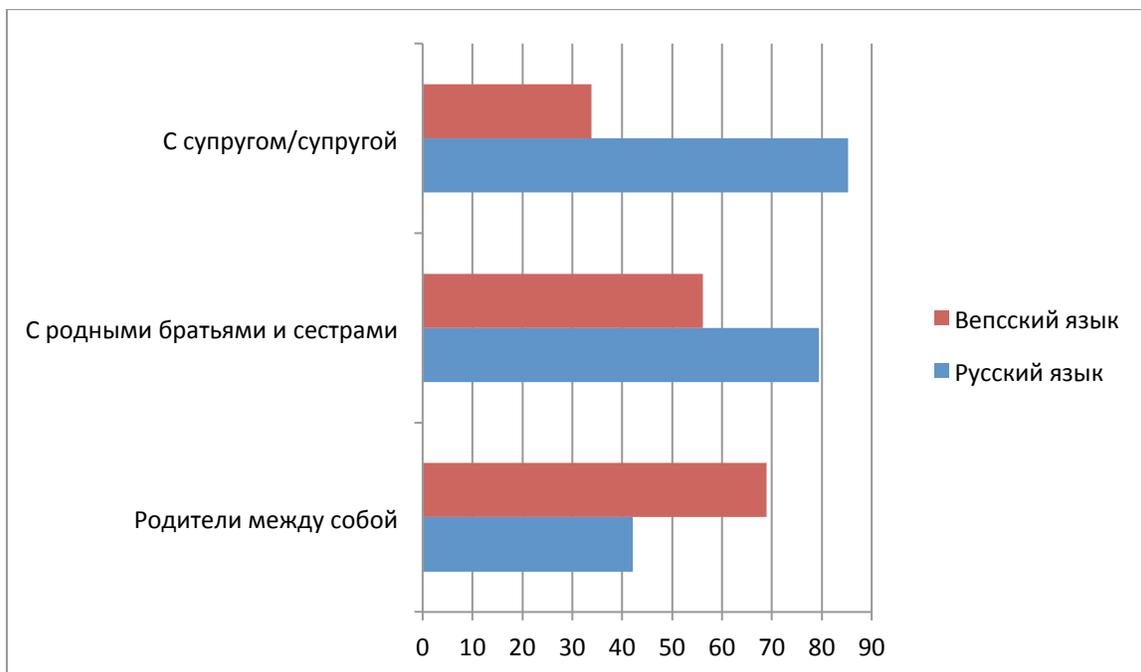

Рис. 6: Внутрипоколенное использование языка, %

Достаточно большое количество респондентов говорили по-карельски, по-вепски или по-фински со своими родителями или бабушками и дедушками. Респондентам контрольной группы был задан вопрос (вопрос Q10), использовали ли они в детстве какие-то другие языки кроме русского в семье с бабушкой, дедушкой или родителями. На основании ответов можно сказать, что в контрольной группе было несколько респондентов, являющихся представителями малочисленных народов. Из 302 человек 21 респондент использовал вепсский язык с родителями или с бабушкой и дедушкой, 31 респондент общался по-карельски и 14 респондентов говорили по-фински. Это означает, что минимум 6.9% респондентов контрольной группы имели вепсские корни, 10.3% – карельские и 4.6% – финские. Респонденты контрольной группы также указали другие языки: украинский (5 респондентов), белорусский (7), польский (2), армянский (1), азербайджанский (1), чувашский (1), коми (1), болгарский (1) и английский (1). В некоторых семьях было два языка помимо русского: карельский и финский (3 респондента), вепсский и белорусский, украинский и польский и чувашский и коми. В одной семье использовали наряду с русским еще три языка: вепсский, карельский и финский.

Большое количество респондентов контрольной группы используют русский язык с супругом/супругой, но в нескольких семьях присутствуют и другие языки, например, карельский и вепсский. Также респондентов контрольной группы спрашивали (в вопросе Q11) о языке или языках общения с супругой/супругом. Большое количество из них (175

респондентов, 94.1%) указали русский язык. Количество респондентов, использующих другие языки в общении с партнером, составляет 5.9%. Указанные языки: карельский (4 респондента), вепсский (2), азербайджанский (1), армянский (2), украинский (1) и английский (1). Один респондент сообщил об использовании двух языков с партнером: азербайджанского и английского.

4.3.1.3 Самостоятельная оценка уровня владения языком

Анализ результатов самостоятельной оценки уровня владения языком (разговорного навыка) доказывает, что группа в 300 респондентов, заполнявших анкеты и считающих себя вепсами, не была составлена исключительно произвольно. Как указано выше, это является результатом использованного метода отбора. Наши результаты можно сравнить с данными переписи населения 2010 года, которые показывают, что приблизительно 60% из 5936 внесенных в списки в качестве этнических вепсов людей могут говорить по-вепски. Однако информации по уровню владения языком нет. Она в переписи населения не указывается. Принимая во внимание доступную информацию по вепскоязычным общинам, можно с уверенностью сказать, что перепись населения включает в себя все уровни владения языка: от слабого до уверенного владения.

По сравнению с данными переписей населения и предшествующих исследований, результаты нашего изучения владения вепским языком кажутся очень хорошими. В вопросах Q28A–Q31A респондентов просили оценить их уровень владения языком: понимания, умения говорить, чтения и письма по-вепски. Более 60% респондентов оценили свой уровень владения языком как хороший. Только 4.4% сообщили, что совершенно не понимают вепсский язык и 8.1% совершенно не умеет говорить по-вепски. С другой стороны, на основании данных переписи населения, количество таких людей должно было бы составлять около 40%. Вместо этого почти половина респондентов (48.1%) сообщили, что они в совершенстве понимают вепсский язык. К тому же, 25.3% сказали, что они хорошо понимают вепсский язык. Приблизительно 60% может также достаточно хорошо говорить по-вепски: 39.7% оценили свой уровень языка как совершенный и 20.7% - как хороший. Также 12.6% оценили свой уровень понимания языка как достаточный и 20.3% считают свой уровень владения устной речью достаточным. Одна десятая часть респондентов (9.6%) сообщила, что их уровень понимания языка слабый, почти столько же – 11.2% – указали свой уровень владения устной речью как слабый.

Следующий респондент считает, что в настоящее время большинство людей понимают вепсский язык, но не говорят на нем.

(13) RU-VEP-FGAG4-02F:

no seičas enambad ristitud ei pagiškoi, no el'getaze kaiken, sanutaze venäkelel, no el'getaze midä heile sanutas

'Сейчас большинство людей не говорят, но все понимают, а говорят по-русски, но понимают, что им говорят'.

Как и предполагалось, несмотря на хорошее владение устной речью, письменные навыки респондентов в вепсском языке не очень хорошие. Почти четверть респондентов (24.2%) сообщила о полном отсутствии умения читать по-вепски. Можно добавить к этому, что половина респондентов (49.7%) совершенно не умеет писать по-вепски. Однако почти треть респондентов (32.6%) умеет достаточно хорошо читать по-вепски, и каждый пятый человек (21.3%) ответил, что они может писать по-вепски достаточно хорошо.

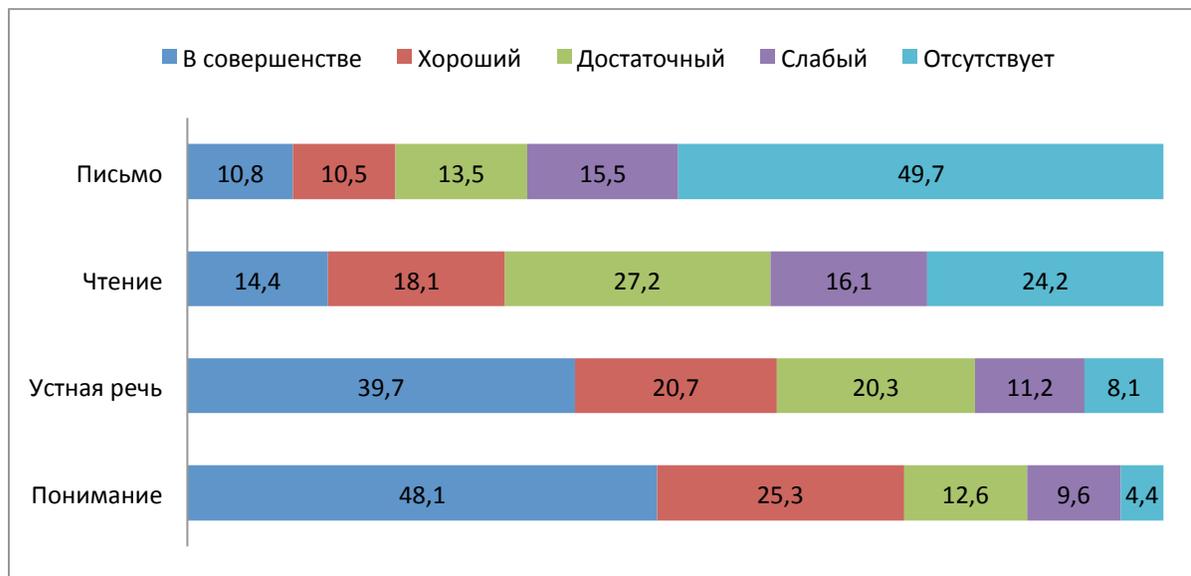

Рис. 7: Уровни языковой компетентности, вепсский язык, %

Если сравнить уровни грамотности респондентов в русском и вепсском языках, то видна большая разница в навыках. Очевидно, что образование (если не считать небольшого количества языковых уроков) дается на русском языке. Одной из причин для такой разницы может быть использование латинского алфавита вместо кириллицы, как можно увидеть из следующей цитаты. К тому же, вепсскоязычной литературы не так много (см. 2.2.3), даже если человек и умеет читать.

(14) RU-VEP-IIAG5-02m:

minä ičemoi kelel i en teda bukvuid
'Я не знаю буквы родного языка'.

Если принимать во внимание возраст респондентов, ставится очевидным, что чем старше респондент, тем лучше его уровень владения устной речью в вепсском языке. Наоборот, навыки письма лучше у более молодого поколения. Как можно увидеть в следующих таблицах, почти все респонденты, относящиеся к старшему поколению, оценили свой уровень понимания и владения устной речью как уверенный или хороший.

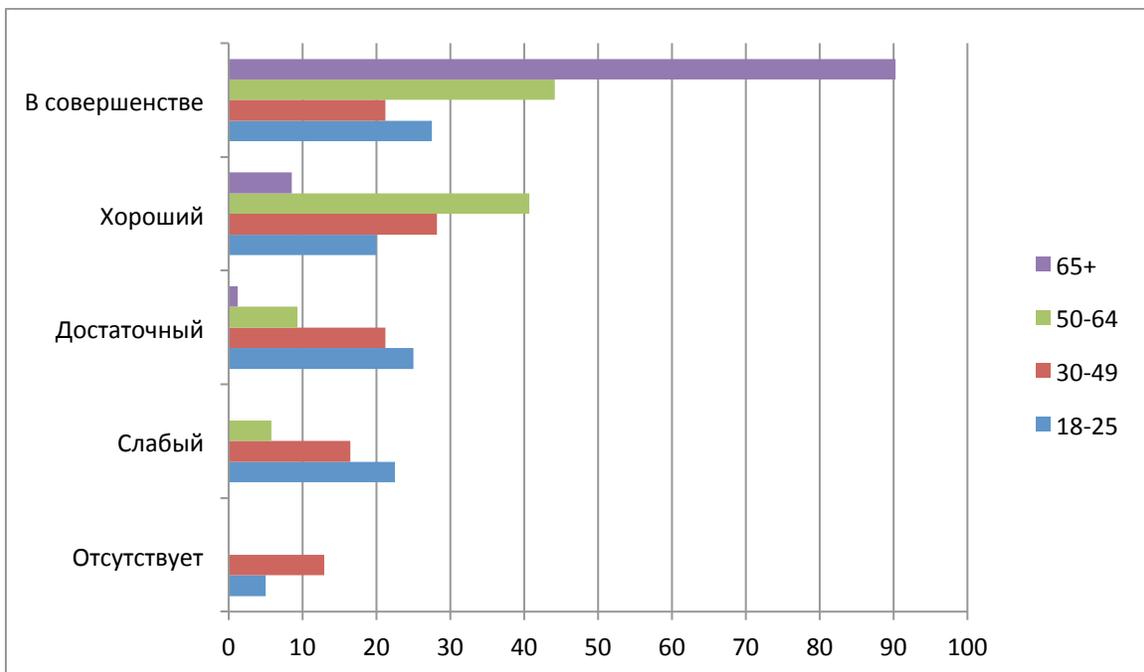

Рис. 8: Уровень понимания вепского языка в зависимости от возраста

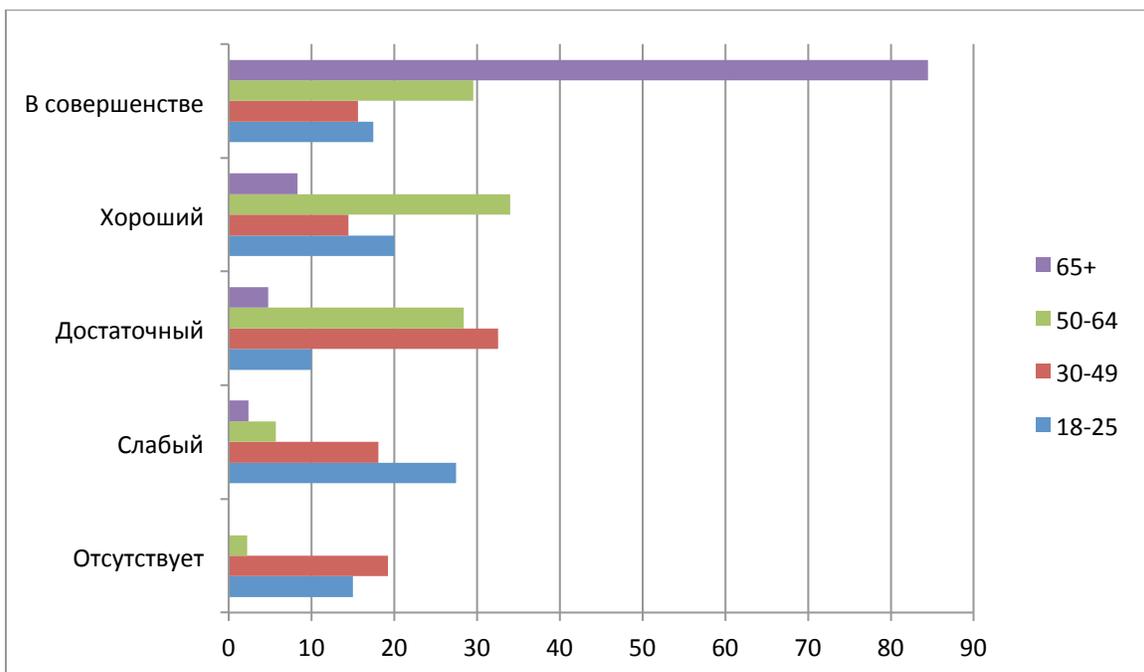

Рис. 9: Уровень владения устной речью в зависимости от возраста (вепский язык)

Как показывают цифры, в оценке уровня владения языком (устный вепский) респондентов двух самых старших групп существует большая разница, которая отражает радикальное сокращение внутрипоколенной передачи вепского языка в 1960-ые годы, заложенное уже в 1950-ые годы во время притеснения малочисленных народов со стороны советской власти, см. (Sarhimaа 1999: 49). Навязанная коллективизация

(появление государственных ферм (совхозов) и больших лесхозов) стали причиной миграции вепсского населения из своих (вепских) деревень в многонациональные центральные населенные пункты. В то же время приток русской и белорусской рабочей силы изменил языковой ландшафт окружающих территорий и сильно увеличил использование русского языка в 1950-х и 1960-х годах, см., например, (Laine 2001: 58–59). Самые старшие респонденты родились в 1946 году. Соответственно, они – последнее поколение, выросшее преимущественно в вепскоязычном окружении.

Из следующего отрывка интервью видно, что существует большая разница между старшим и молодым поколениями в том, насколько хорошо они говорят по-вепски. В настоящее время только люди старшего поколения говорят в семьях по-вепски.

(15) RU-VEP-IIAG5-01f:

nüguni no kanzoiš kut, mö vaise rouhad tedam

‘Сейчас в семьях как? Только мы, старые, знаем [язык].

RU-VEP-IIAG5-02m:

ka, nored nugudi ei tekoi

‘Да, молодые сейчас не знают.

RU-VEP-IIAG5-01f:

nored ei tekoi, a školas vaise urokad, kut otta

‘Молодые не знают. И в школе только уроки. Как учить?

Данные по двум самым молодым группам не совпадают с ожидаемыми результатами, которые демонстрировали бы исчезновение навыков владения вепским языком. Этому есть несколько объяснений. Во-первых, наша выборка в этом отношении является несбалансированной: самая молодая группа, состоящая из 40 респондентов, была отобрана наиболее тщательно по причине редкости владения вепским языком среди молодежи. Во второй группе молодежи в два раза больше – 85 респондентов, поэтому в группе есть представители разных уровней владения языком. Во-вторых, самостоятельная оценка уровня владения вепским языком наверняка зависит от того, с кем человек сравнивает свои навыки. Представители молодой группы говорят и понимают по-вепски лучше, чем большое количество их сверстников. Среди их знакомых может вовсе не быть носителей вепского языка. Следующие таблицы с данными по оценке своего уровня вепского языка подтверждают наши предположения, объясняющие этот феномен.

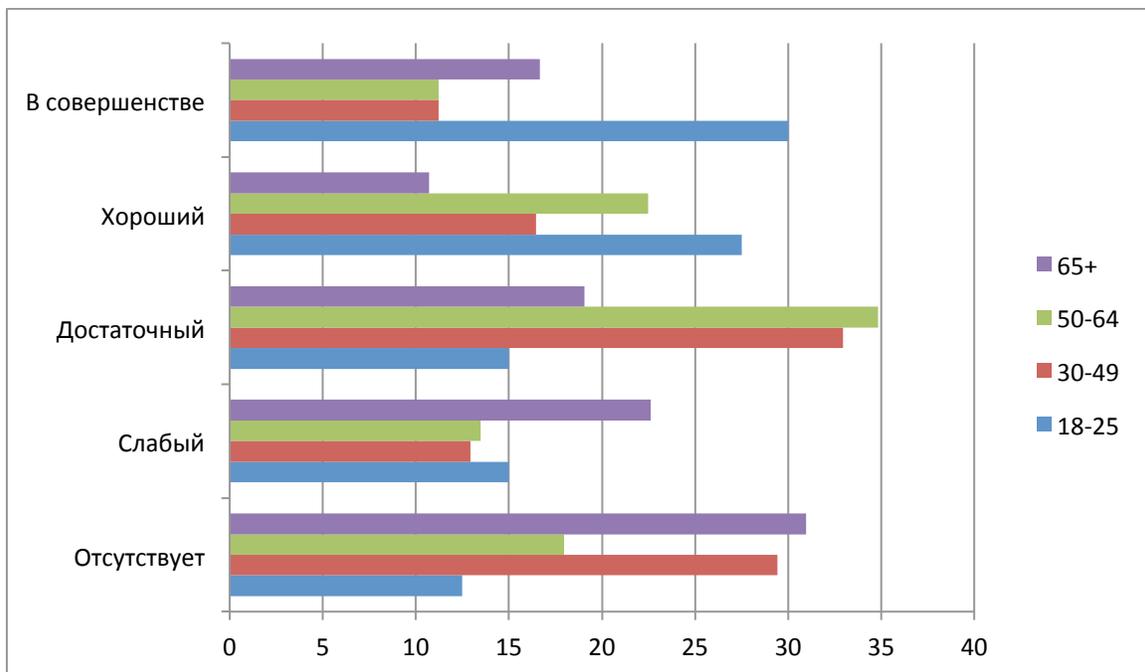

Рис. 10: Уровень владения вепским языком (чтение) в соответствии с возрастом

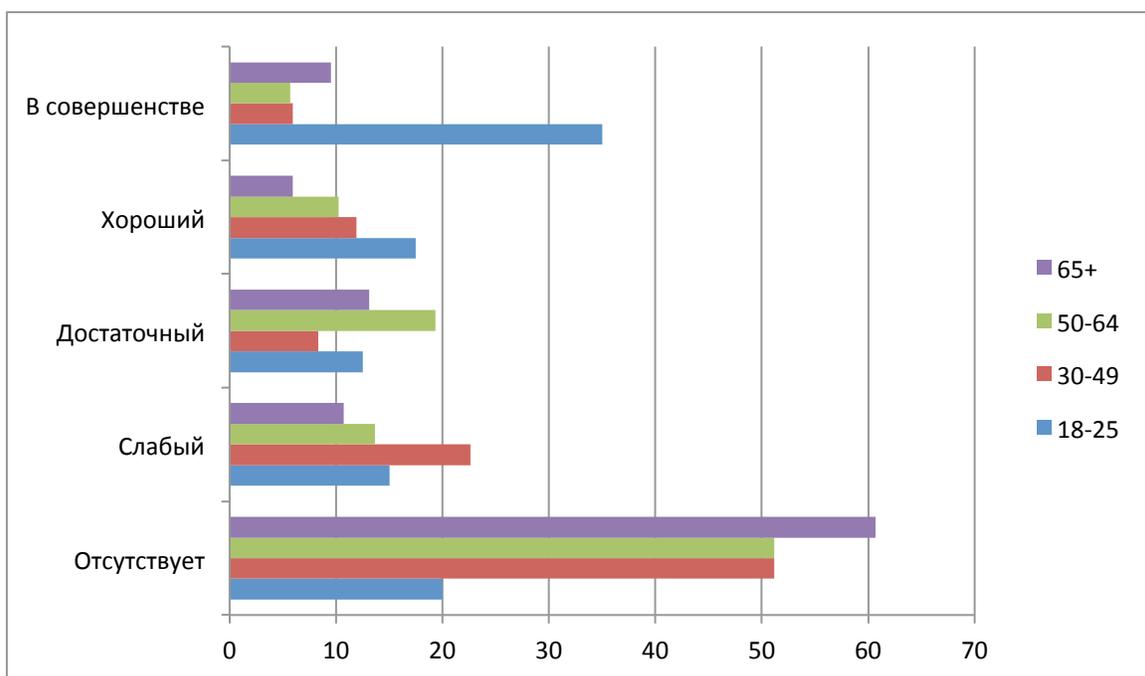

Рис. 11: Уровень владения вепским языком (письмо) в соответствии с возрастом

На основании приведенных выше цифр, можно сказать, что уровень владения языком более неоднороден внутри групп разных возрастов. Необходимо заметить, что большой процент людей старшего поколения совсем не умеет говорить по-вепски. В самой

старшей возрастной группе почти все свободно владеют вепским языком, но более 60% респондентов не умеют писать по-вепски. Вообще, если не считать самую молодую группу, более половины респондентов совсем не умеют писать по-вепски.

Самая молодая возрастная группа в целом оценивает себя как наиболее компетентную в письменном вепском языке. Это может быть следствием выборочного отбора, о чем уже было сказано, но также может быть и отражением процесса возрождения вепского языка, преподавания языка и публикации материалов в последние три десятилетия. Стоит обратить внимание на то, что в среднем самые молодые респонденты считают, что их навыки чтения лучше, чем понимания, и написание лучше устной речи. Это заставляет задать вопрос, каким образом респонденты понимают хорошее или совершенное владение навыком чтения и письма. Можно даже предположить, что, возможно, представители молодого поколения считают, что они могут хорошо читать и писать по-вепски, так как они знают латинский алфавит и могут создавать (воспроизводить) и читать простой или знакомый текст по-вепски.

Русский язык является основным языком среди респондентов-вепсов. В вопросах Q28В–Q31В респондентов-вепсов просили оценить свой уровень владения русским языком (понимание, устная речь, чтение и письмо). Девять из десяти респондентов ответили, что они в совершенстве владеют русским языком на всех уровнях. Только 3 респондента средне оценили свою устную речь в русском языке. Все в какой-то мере владели русским языком. Один респондент, однако, был полностью неграмотным в русском языке, еще один не умел писать по-русски. Эти данные должны быть соотнесены с данными по возрастам респондентов: по-видимому, чем младше респондент, тем лучше его уровень владения русским языком.

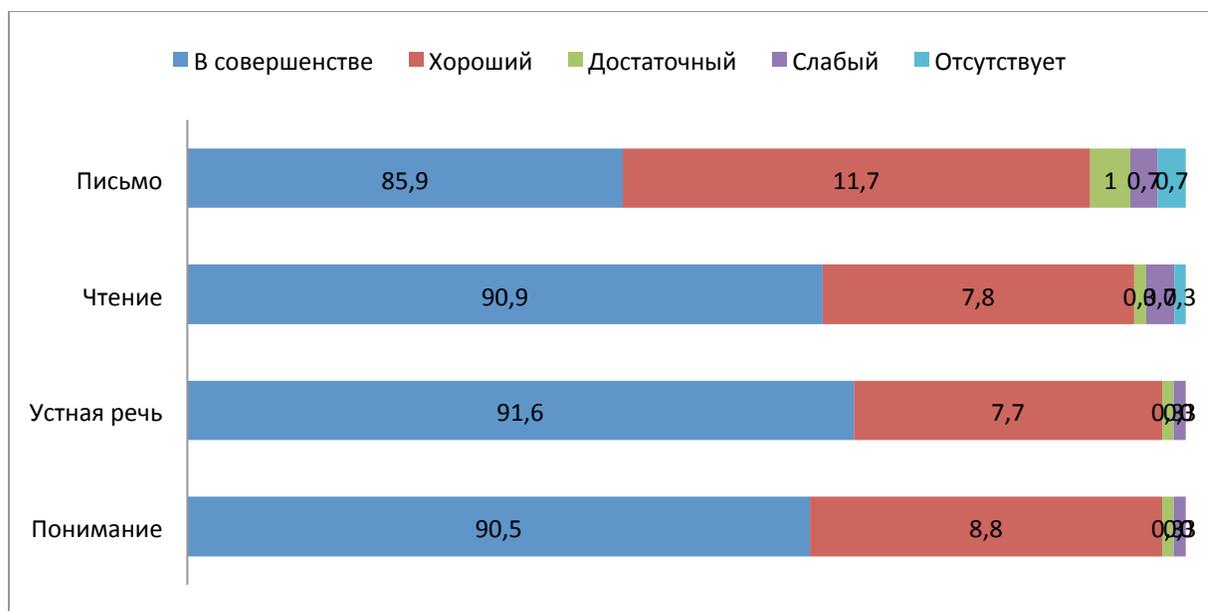

Рис. 12: Уровни владения русским языком, %

Большинство респондентов, отвечавших на вопросы вепсской анкеты, не владеют английским языком. В основном, респонденты не владеют английским языком: только 13.2% респондентов сообщили, что они хорошо понимают по-английски, и 2.9% – понимают в совершенстве. Большинство респондентов ответили, что их знание английского языка удовлетворительное (31.0%) или плохое (22.8%). Почти третья часть респондентов (30.3%) совсем не понимает по-английски.

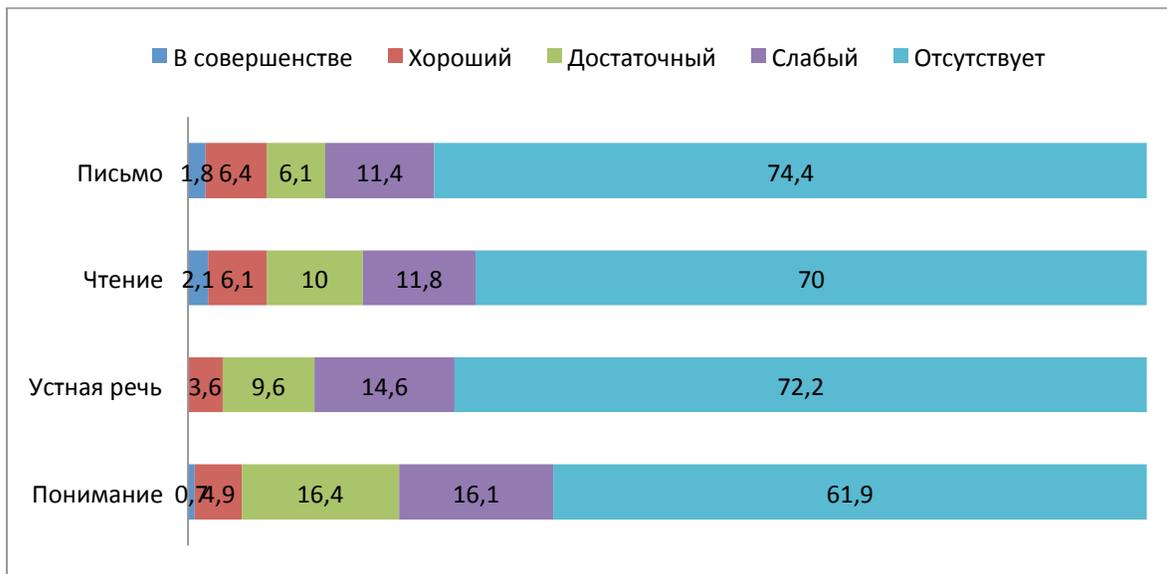

Рис. 13: Уровни владения языком (английский язык), %

Респонденты-вепсы также ответили на вопросы (вопросы Q28–Q31D-G) о возможном владении финским, немецким, французским или другими языками. Один из четырех респондентов-представителей малочисленных народов, понимает финский язык в какой-то степени, каждый пятый может говорить по-фински. Несколько десятков человек в какой-то степени владеют немецким языком, но в основном общее владение языками помимо русского и вепсского крайне скудное. Однако при оценке уровня владения иностранными языками среди вепсов необходимо учитывать относительно низкий уровень образования респондентов, отвечавших на вопросы вепсской анкеты (у большинства респондентов 58.8% было только среднее образование).

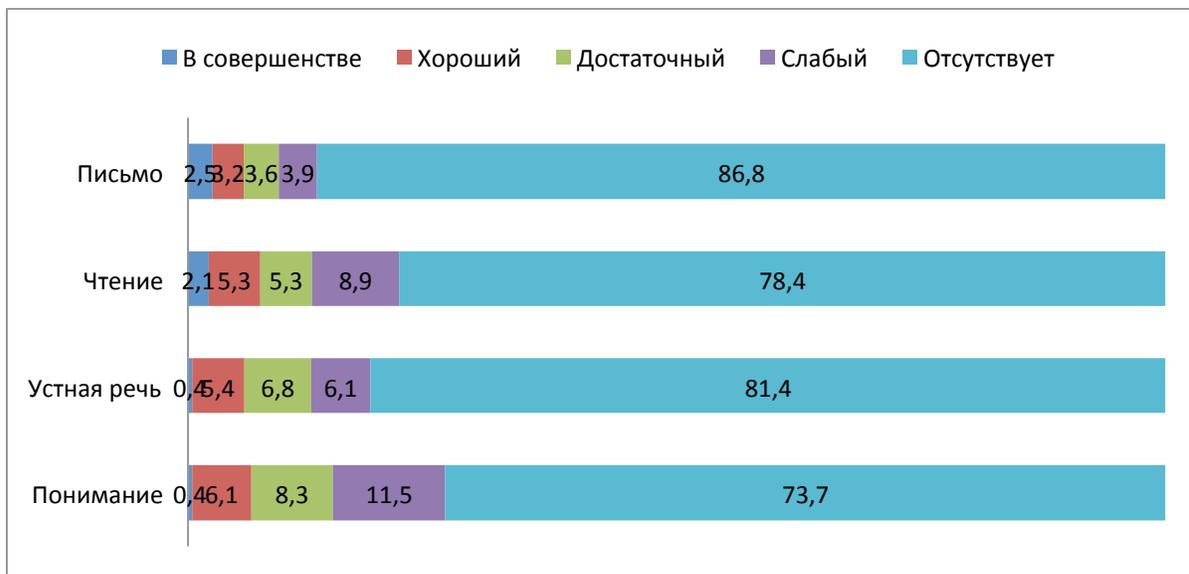

Рис. 14: Уровни владения финским языком, %

Данные по владению финским языком респондентами-вепсами в основном представлены здесь из-за сопоставимости с данными по владению финским языком респондентами-карелами. В результате национальной политики Карелии в ранние годы советской власти финский язык играл важную роль для карелов, но не для вепсов.

Представители контрольной группы хорошо владеют русским языком. Вопросы Q14–Q17 касались самостоятельной оценки уровня владения респондентами русским, английским, карельским, вепским, финским, немецким и другими языками. Как указано в главе 4.3.1.1, 293 респондента из 305 представителей контрольной группы сообщили, что русский язык является их родным языком. Соответственно, менее десяти респондентов отметили свой письменный и устный уровень владения русским языком как хороший, а не в совершенстве. К тому же, два респондента оценили свой уровень владения письменными навыками как удовлетворительный.

К сожалению, были некоторые проблемы в переводе некоторых вопросов анкеты для русской контрольной группы. Поэтому у нас нет всей информации по владению английским языком, кроме информации, касающейся понимания. Полученные цифры говорят, что уровень владения английским языком чуть выше среди представителей контрольной группы вепсов, что, скорее всего, является результатом разницы в возрасте групп.

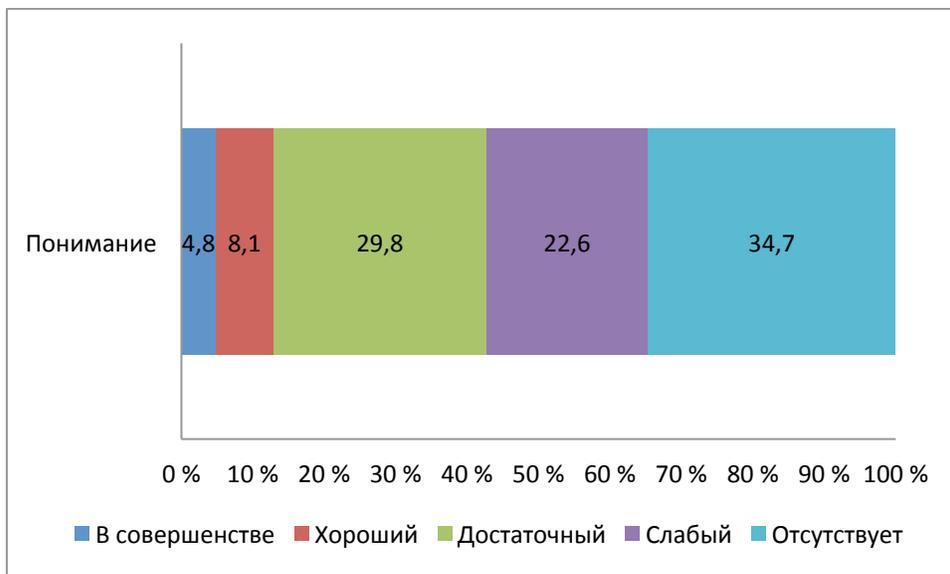

Рис. 15: Уровень владения английским языком (понимание), контрольная группа, %

К тому же, некоторые трудности в обработке данных результатов контрольной группы привели к неопределенности по вопросу, к тем ли языкам относятся представленные ниже цифры. Однако, обобщая информацию, можно сказать, что полученные данные по владению языком явно коррелируют с соответствующими навыками носителей вепского языка, представленных в таблицах выше, и поэтому выглядят достаточно достоверными.

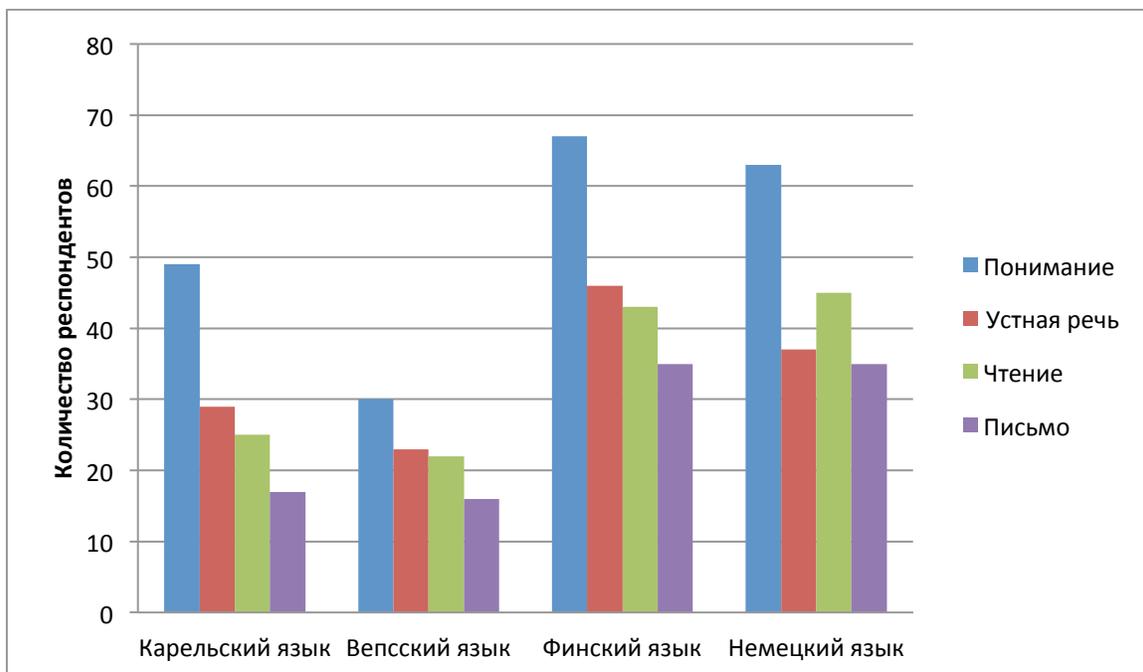

Рис. 16: Уровни владения языками, контрольная группа, количество респондентов

Данные анализа интервью контрольной группы показывают, что вепсский язык присутствует и в жизни некоторых представителей доминирующего русскоговорящего общества в республике Карелия. 14.4% респондентов контрольной группы понимали вепсский язык (30 человек). Вепсский язык также был отмечен как родной язык двумя респондентами контрольной группы (см. 4.3.1.1). Финский язык, наиболее известный из трех финно-угорских языков Республики Карелия, занимает второе место после английского языка в ответах на вопрос о владении иностранными языками. Им владеет на уровне понимания примерно третья часть респондентов контрольной группы (30.6%).

4.3.1.4 Использование языка в разных сферах жизни

Самостоятельная оценка использования языка.

Вепсский язык используется в основном в простой (неофициальной) жизни. В вопросе Q32A респондентов просили указать те сферы жизни, где они используют вепсский язык. Как можно увидеть ниже, в таблице 22, вепсским языком в основном пользуются в неофициальной домашней сфере жизни: с родственниками (40.9% часто или всегда), дома (38.4% часто или всегда), с друзьями (30.3% часто или всегда) и с соседями (30.2% часто или всегда). Примерно половина респондентов указала работу, магазины, общественные события и улицу как места, где также хотя бы изредка пользуются вепсским языком. Предположительно, это самые распространенные места, где можно легко встретить вепсов.

Официальная сфера жизни не поддерживает использование вепсского языка. Большинство (примерно 90%) респондентов никогда не использует вепсский язык в церкви, библиотеке и в общении с представителями власти. Трудно сказать, как вепсы понимают использование вепсского языка в школе, потому что очевидно, что многие из них не соприкасаются со школой в повседневной жизни. Стоит, впрочем, отметить, что 40.7% респондентов сообщили об использовании вепсского языка в школе хотя бы в редких случаях.

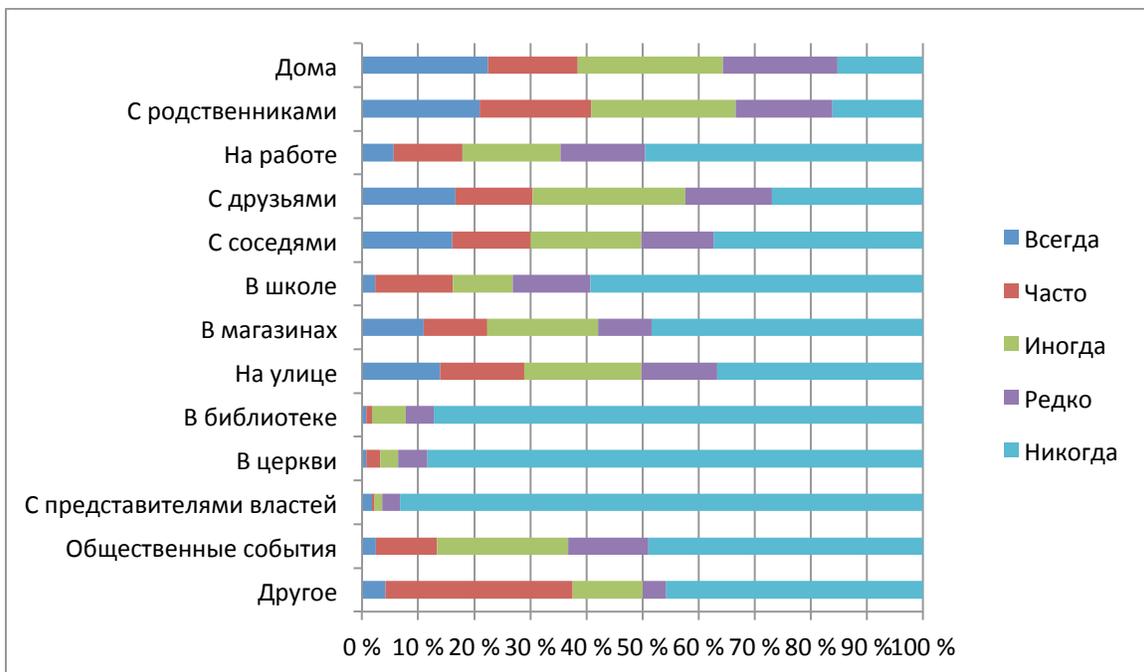

Рис. 17: Использование вепсского языка в разных сферах жизни, % (Q32A)

В интервью тоже можно заметить подобные тенденции. Как показал разговор с респонденткой из возрастной группы старше 65 лет, в детстве в ее деревне дома говорили по-вепски, даже несмотря на то, что вепсы были и тогда двуязычными. Ситуация в ее родной деревне стала меняться примерно пятьдесят лет назад.

(16) RU-VEP-IIAG5f:

no elos om ezisjal om venäkel', vól vižkümne vot tagaze vepsän kel' oli ezisjal, kaiktäna pagišiba vaiše, pagišihte vaiše ičemoi kelel

'Но в жизни на первом месте русский язык. Еще пятьдесят лет назад вепсский язык был на первом месте, везде говорили на родном языке'.

Как можно увидеть во многих интервью, вепсский язык использовался как кодовый язык между представителями малочисленных народов в русском окружении. В соответствии с данными следующего интервью, особенно молодежь ценит этот аспект.

(17) RU-VEP-IIAG3:

venäks pagišeba kaik ümbri, kaik, televizoras radios kaik ümbri pagištas, a konz sinä pagišed vepsäks, ka nece jo kuti om azj, kahten mehen keskes, necen el'gendan vaiše minä i sinä, toižed ii el'gekoi, -- sikš ku nece linneb vaiše, kuti en teda, miiden azj, miiden paginad, sindai niken ei el'genda, vot nece norištole om melentartuine vepsän kel', sikš ku om kuti peituzkel', -- heid niken ei el'genda, hö kirjutaba Internetas, sikš ku nece om kel' vot vähemišton, -- vot neciš polespäi om melentartuine norištole

'Все вокруг говорят по-русски, все, по телевизору, по радио вокруг говорят, а когда ты говоришь по-вепски, так это как дело, только между двумя людьми, другие не понимают, -- потому что это только, как, не знаю, наше дело, наш разговор, тебя никто не понимает, вот это для молодежи интересно, вепсский язык, потому что он как тайный язык – поэтому с этой точки зрения это интересно молодежи'.

Русский язык имеет тенденцию к доминированию во всех сферах жизни респондентов группы малочисленных языков. Вопрос Q32B касается использования русского языка в разных сферах жизни. Как можно видеть в таблице 23 ниже, преобладающее количество респондентов (примерно 90%) всегда используют русский язык в перечисленных сферах жизни. Например, 88.1% респондентов-вепсов всегда используют русский язык дома.

Типичная стратегия – переключение на язык большинства в присутствии носителя доминирующего языка.

(18) RU-VEP-IIAG2m:

nu konz ken jo om adivoiš venäkeline, ken ii el'genda, minä hä-, nu igän pagižemoi, nu sikš ku miše ii abitta adivod

'Ну, когда кто русскоязычный в гостях, кто не понимает, я ... ну мы всегда говорим [по-русски], чтобы не обидеть гостя'.

Как можно увидеть ниже, в таблице 23, многие респонденты сообщили об использовании русского языка в школе. В соответствии с данными следующего интервью, русский язык считается языком культуры и языков преподавателей.

(19) RU-VEP-IIAG3f:

enamban vot mamoi pagiži venekelel sikš ku hän radol pagiži venekelel i kanzas mugažo, - - hän pagiži venäks, sikš ku hän om opendai, školan opendai, i venäkel' om kuti kul'turine kel'

'Больше вот мама говорила по-русски, потому что она на работе говорила по-русски и также в семье - - Она говорила по-русски, потому что она учитель, школьный учитель, и русский язык как культурный язык'.

87.9% респондентов сообщили о постоянном использовании русского языка с соседями. Обычно все соседи – русскоговорящие, по словам следующего интервьюируемого.

(20) RU-VEP-IIAG1f:

vaiše venenikad rindal eläba, kaik venenikad

'Только русские живут по соседству, все русские'.

Церковь также является местом, где большинство респондентов используют русский язык. Это довольно очевидно, так как в православной церкви нет официальных церковных богослужений на вепском языке (см. 2.2.3). Однако, как говорит собеседник, вепский язык использовался в языческих фольклорных народных ритуалах деревенских общин.

(21) RU-VEP-IIAG5f:

kaik vepsläižed meiden tahol kuspäi minä olen - - sündunu, sigau kaik usktihe vól emagaižihe, ižandaižihe, vedehižihe, mecižandoihe muga edemba, sikš necen pol'he pagištihe vaiše vepsän kelel, ičemoi kelel, a vot uskondas, pühäkodin pol'he pagištihe enamban venäks

'Все вепсы той территории, откуда я родом - - там все верили еще в домовых, хозяинов, водяных, леших и так далее, поэтому об этом говорили только на вепском языке, на родном языке. А вот о религии, о церкви говорили больше по-русски'.

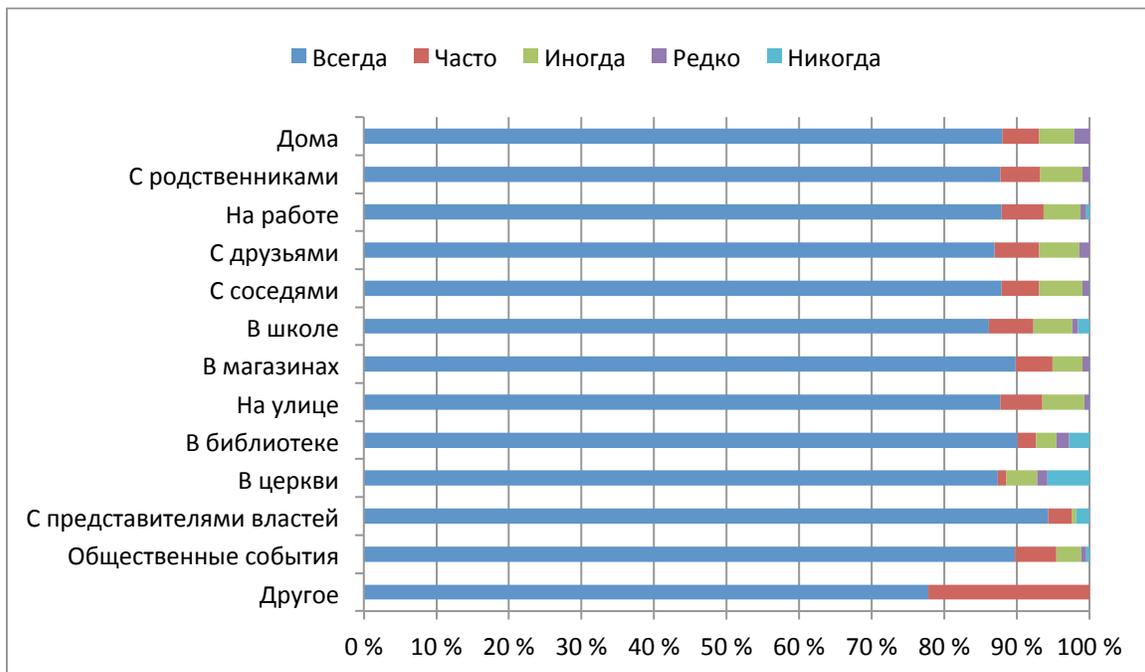

Рис. 18: Использование русского языка в зависимости от сферы деятельности, изучение ситуации у вепсов, % (Q32В)

Английский язык не играет важной роли в жизни респондентов-представителей малочисленных народов. Также респонденты-представители малочисленных народов отвечали на вопрос (Q32С) об использовании английского языка в разных сферах жизни. Количество ответов было очень низким: примерно 75% человек вообще не отвечали на вопросы, касающиеся знания английского языка. Из тех, кто ответил, более чем четверо из пяти человек никогда не использовали английский язык ни в какой сфере жизни. Возможности использовать английский язык в деревне, поселке или городе Петрозаводске ограничены, если человек сам не учится или не занимает на работе должность, связанную с международной деятельностью. В отличие от многих европейских стран, где английский язык служит лингва франка, на территории всей России у представителей разных этнических групп лингва франка – русский язык.

Русский язык доминирует во всех сферах жизни респондентов контрольной группы. Подобный вопрос об использовании русского языка в разных сферах жизни был адресован и респондентам контрольной группы (вопрос Q18А). Разница между ответами двух групп – контрольной группы и группы представителей малочисленных народов – была не очень большой. Большинство представителей обеих групп всегда используют русский язык в разных сферах жизни. Количество представителей группы малочисленных народов, постоянно использующих русский язык, колеблется от 79.0% (с родственниками) до 92.7% (в библиотеке). Количество респондентов контрольной группы составляет от 93.4% (в церкви) до 99.0% (на улице).

Английский язык не играет важной роли в жизни респондентов контрольной группы. В вопросе Q18B респондентов контрольной группы спросили о разных сферах жизни, где они используют английский язык. Как и у респондентов группы малочисленных народов, количество самих ответов было небольшим: более 60% респондентов контрольной группы не отвечали на вопросы относительно владения английским языком. Большинство ответивших никогда не используют английский язык в своей жизни. Однако все же похоже на то, что количество респондентов контрольной группы, использующих английский язык, было несколько больше, чем количество респондентов группы малочисленных языков.

Мнения и информация об использовании языка в разных сферах жизни

В соответствии с мнением респондентов, вепсский язык должен использоваться на телевидении и в системе образования, а также в интернете и в больницах. Некоторые респонденты считали, что вепсский язык нужно использовать даже в парламенте, суде и полиции. В вопросе (Q39) респондентов и информантов попросили указать, насколько они согласны с утверждениями относительно использования вепсского языка в публичной сфере в России. Респонденты были чаще всего единодушны в отношении использования вепсского языка в системе образования и на телевидении. Большинство респондентов полностью или частично были согласны с необходимостью использования вепсского языка в системе образования (90.1%) и на телевидении (88.9%). Интернет (52.2%) и больницы (45.1%) также были теми сферами жизни, где большая часть респондентов полностью или частично поддерживала бы использование вепсского языка.

Использование вепсского языка в официальных и государственных учреждениях вызвало больше сомнений. 62.3% респондентов не смогли ответить, нужно ли использовать вепсский язык в парламенте. Также стоит заметить, что количество представителей группы малочисленных народов, которые не согласились или частично не согласились с необходимостью использования вепсского языка в официальных учреждениях, было достаточно большим. 42.1% респондентов группы малочисленных народов полностью или частично не поддержали утверждение, что вепсский язык стоит использовать в суде, в то время как только 27.3% были с ним полностью или частично согласны. 40.3% респондентов считали, что вепсский язык не нужно использовать в полиции, в то время как только 28.5% посчитали бы это важным. Следовательно, респондентов, выступающих против использования вепсского языка в данных сферах, было больше. Количество респондентов, выступающих против использования вепсского языка в парламенте (37.7%), в больницах (32.5%) и в интернете (26.3%), также было большим.

Следующая интервьюируемая рассказывает о том, как на этапе проведения выборочного исследования в средневепсских деревнях людям задавали эти вопросы. По мнению интервьюируемой, респонденты относятся к идее использования вепсского языка в сфере политики как к вызывающей смех.

(22) RU-VEP-интервьюер:

konz mö küzuim nene anketad sigä keskvepsän mal, no oliži hüvä, sigä oli, ku kävutaižiba vepsän kel't tam sudas bolnicas parlamentas, i babad, ei parlamentas nece kus, ka vot televidenias sinei, meide ka politikad sanuiži midä-ni sinei vepsäks, ka oliži hüvä meide kelel, ka kut, a ka kirjuta, ka ka ka, okha pagižeb, ka, i i nagroiba
 'когда мы спрашивали об этих анкетах там у средних вепсов, но было бы хорошо, там было, если бы использовали вепсский язык в суде, больнице, парламенте, и бабушки, не в парламенте это, а вот на телевидении тебе наши политики сказали бы что-то тебе по-вепски, там было бы хорошо на нашем языке, как когда, а как писать, да, да, да, пусть пишет, да, и смеялись'.

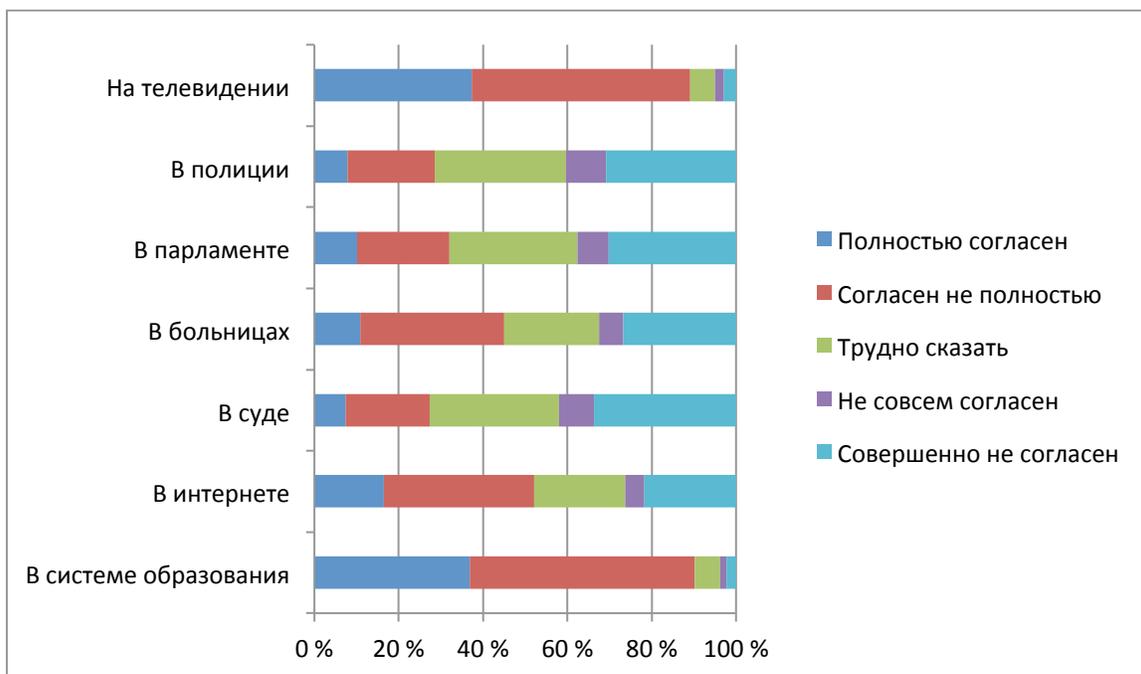

Рис. 19: 'Вепсский нужно использовать в', исследование ситуации у вепсов, % (Q39)

Респонденты контрольной группы не считают использование вепсского языка во всех сферах жизни необходимым. Важным считается только использование языка на телевидении и в системе образования. Также респонденты контрольной группы должны были указать (вопрос Q23B), насколько они согласны с утверждениями относительно использования вепсского языка в публичных сферах жизни в России. Большинство респондентов контрольной группы полностью или частично согласились с использованием вепсского языка только в двух сферах: телевидение (74.0% респондентов) и система образования (64.1%). 33.2% респондентов посчитали сферу интернета важной. Использование вепсского языка в официальных и правительственных учреждениях подверглось сомнению или даже посчиталось ненужным. Большинство респондентов затруднилось ответить на такие вопросы. Также они чаще были против использования вепсского языка в этих сферах, чем за. Например, 39.6% респондентов частично или

полностью не согласились и только 14.2% частично или полностью поддержали утверждения, что вепсский язык нужно использовать в больницах.

Ответы респондентов контрольной группы соответствовали общим тенденциям в ответах представителей группы малочисленных народов: телевидение, интернет и система образования считались важными сферами, остальные – не столь важными. Однако естественным образом количество респондентов контрольной группы, согласившихся с утверждениями, было в каждом случае ниже, а количество респондентов, не согласившихся с утверждениями, было выше. Например, 90.1% респондентов группы малочисленных народов считали, что карельский язык должен использоваться в системе образования, в то время как только 64.1% респондентов контрольной группы согласились с этим.

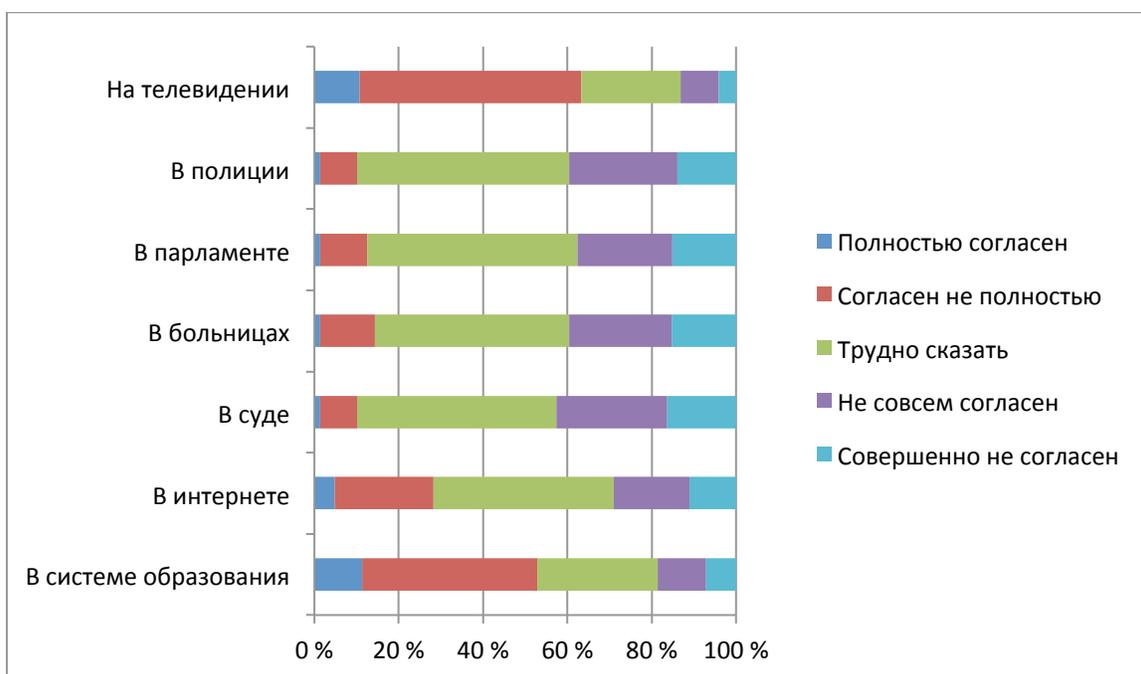

Рис. 20: 'Вепсский язык должен использоваться в', контрольная группа, % (Q23B)

Большинство респондентов признали, что они до сих пор пользуются вепсским языком во многих ситуациях в жизни. Однако не все респонденты считают, что вепсский язык должен использоваться в этих ситуациях. Респондентам задали вопрос (вопрос Q59) о том, легко ли пользоваться вепсским языком в большинстве ситуаций в повседневной жизни в России. Большое количество респондентов (75.2%) ответили, что вепсский язык не очень легко употреблять в большинстве жизненных ситуаций. Следовательно, количество респондентов, считающих использование вепсского языка легким, составило всего 24.8%. В основном, ситуации, в которых используется вепсский язык и в которых, по мнению респондентов, должен использоваться вепсский язык (вопрос Q39), больше относятся к сферам, предполагающим личное использование, таким как телевидение, интернет, образование.

Респондентам также была дана возможность прокомментировать, когда и в какой ситуации им было трудно использовать вепсский язык. Следующая цитата – типичный комментарий респондента:

(23) RU-VEP-64310022:

Om jüged sanuda politikas, ekonomižiš azjoiš da erasiš officializes azjoiš.

'Трудно говорить о политике, экономических вопросах и некоторых официальных вопросах'.

(Респондент: женщина, возрастная группа 30-49 лет)

Как видно из следующего интервью, трудно говорить о нововведениях в современном обществе, так как в вепсском языке не хватает слов. Слова обычно заимствуются из русского языка, добавляются только вепсские окончания.

(24) RU-VEP-IIAG1f:

om jüged' sanuda uziš azjoiš vaiše vepsäks, mö vaiše ližam ližadam lo- kak eto končaniija, - - lopud, vepsläižed lopud, i sanum vepsän kelel nece

'Трудно говорить о новых вещах только по-вепски. Мы только добавляем окончания, - - окончания, вепсские окончания, ну и говорим это по-вепски'.

Наконец, респондентам группы малочисленных языков задали вопрос о том, знают ли они об использовании вепсского языка в публичных сферах жизни (Q61). Большое количество респондентов ответили, что вепсский язык используется в образовании, в печатных СМИ, на радио и телевидении. По их мнению, использование вепсского языка в публичной сфере, больницах, рекламе, суде или в сфере политики очень редко. В вопросе (Q61) респондентов спросили, используется ли вепсский язык в таких публичных сферах, как СМИ, образование, работа в офисе и т.д. Преобладающее количество респондентов имели представление об использовании вепсского языка в печатных СМИ (92.9%), в образовании (81.9%), на радио (78.9%) и телевидении (78.0%). Большинство респондентов сообщили, что в остальных одиннадцати публичных сферах вепсским языком не пользуются. Количество респондентов, ответивших отрицательно на эти одиннадцать вопросов, колеблется от 85.4% (реклама в СМИ) до 96.3% (полиция, налоговые органы, биржа труда, суд). Также не было респондентов, которые могли бы ответить положительно на вопрос о том, используется ли вепсский язык в четырех следующих сферах: налоговые органы, парламент, полиция и биржа труда. В некоторых сферах количество респондентов, ответивших положительно, было очень низким: страховая компания (0.3%), суд (0.3%), больницы (0.7%), министерство (1.4%) и региональные и муниципальные учреждения (1.4%).

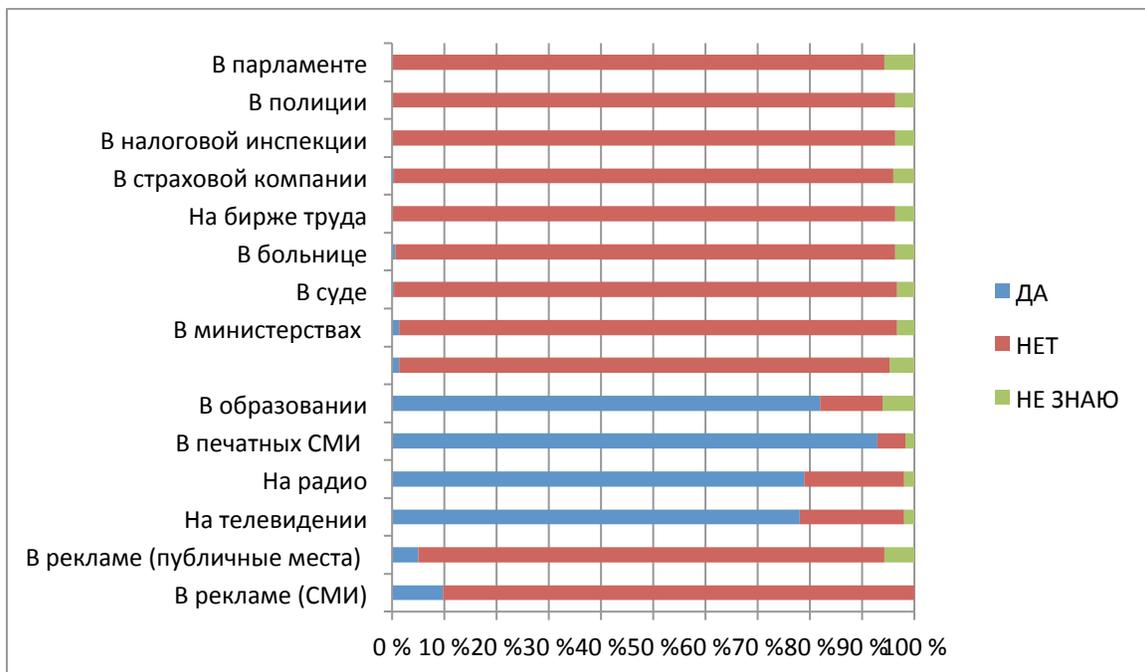

Рис. 21: Сведения об использовании вепсов в России, % (Q61)

Противопоставляя результаты ответов на эти два вопроса, а именно на вопрос о сферах, где следует использовать вепсский язык (Q39) и где он используется (Q61), мы можем увидеть определенную тенденцию. По словам респондентов, вепсский язык используется в таких сферах, как телевидение, радио, печатные СМИ и образование (Q61), и он также должен использоваться в этих сферах (Q39). Похоже на то, что вообще респонденты считали важным использование вепсского языка в тех сферах, где он уже используется. Предположительно, респондентам трудно представить ситуацию, когда официальные лица в полиции или суде могут говорить по-вепски. Однако, например, в одной важной сфере, а именно «в больнице», почти половина респондентов (45.1%) считали, что вепсский язык должен использоваться, но только крайне малое количество (0.7%, 2 респондента) сообщило о реальном использовании языка. Особенно пожилые люди могут считать важным использование родного языка в ситуациях, когда они беззащитны, больны. Следующий информант так и говорит, что легче о своей боли говорить по-вепски.

(25) RU-VEP-IIAG3f:

bol'nicas, sanuiba, oliži hüvä, mö ičeze kibuiš om kebnemb sanuda vepsäks, - - konz tuleba miččed-se babad, vanhad babad mamšid külišpäi, derunoišpäi i ei mahtkoi

'В больнице, говорят, было бы хорошо, о своих болячках по-вепски легче говорить - - когда приходят какие-то женщины, старые женщины из деревни и не могут [говорить по-русски]'

4.3.1.5 Языки и рынок труда

По мнению респондентов, знание вепского языка на рынке труда обычно не считается преимуществом среди представителей малочисленных народов. В вопросе Q52 у представителей группы малочисленных народов спрашивали, способствует ли знание вепского языка поиску работы, получению более высокой зарплаты, продвижению в карьере или смене работы. Большинство респондентов считают, что знание языка не приносит никакой выгоды на рынке труда. 185 респондентов (62.7%) не согласились с утверждением, что знание вепского языка помогает в получении более высокой заработной платы. Только 19 человек (6.4%) согласились с этим заявлением. Наиболее выгодным владение вепским языком считалось в области продвижения по карьерной лестнице, но все равно только 13.8% респондентов согласились с этим утверждением. Более чем один из трех респондентов посчитал, что на этот вопрос трудно ответить. Можно предположить, что достаточно большая группа респондентов не совсем уверена в возможности использования вепского языка на работе.

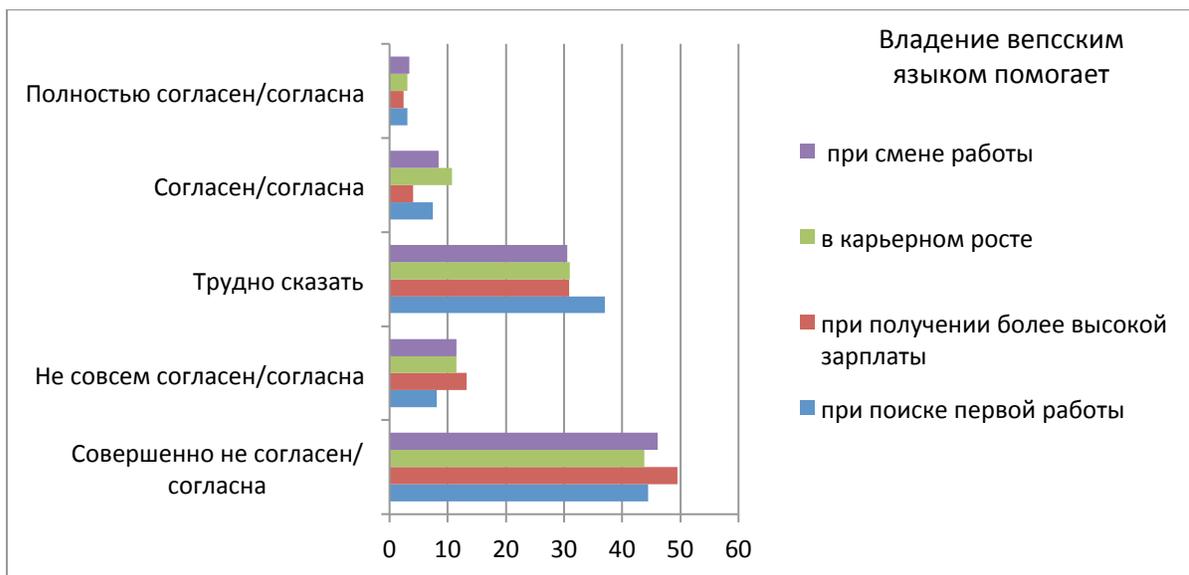

Рис. 22: Важность владения вепским языком на рынке труда (Q52)

Некоторые информанты поделились мнением о важности вепского языка на рынке труда. Они представляют собой вепскую интеллигенцию, которая естественным образом получает выгоду от своего знания вепского языка, работая с вепским языком и культурой в университете или в СМИ на языках малочисленных народов, как и говорит следующий интервьюируемый.

(26) RU-VEP-FG-AG1-01:

i meiden rad om sidotud kel'he, ka ka, löuta om kebnemb
'И наша работа связана с языком, да, да, легче найти'.

Интервьюер 2:

rad, heile oli kebnemb löuta radod ezmešt kerdad, sikš ku hö

'Работа, им было легче найти работу в первый раз, потому что они'.

RU-VEP-FG-AG1-02:

vaiše sikš ku mõ pagižim vepsäks meid otihe sinnä

'Только потому что мы говорили по-вепски, нас туда взяли'.

Однако проблема остается: недостаток рабочих мест для выпускников может привести к сокращению количества студентов, изучающих вепсский язык. Изучение языка не является ценностью само по себе, оно должно означать и возможность трудоустроиться. Если нет работы, никто не придет в университет учить вепсский язык только по причине патриотических чувств.

(27) RU-VEP-IIAG3f:

ku ei linne radod vepsän kelenke, niken ei tule opendamha kel't, ku hän tedab miše sidä ei tari rados, mikš opeta, ühtes patriotižes vot tundos, miše minä olen vepsläine

'когда не будет работы с вепским языком, никто не будет учить язык, потому что он знает, что он не нужен на работе, зачем учить, только из-за патриотического чувства, что я вепс'.

Знание русского языка считается обязательным на русском рынке труда. В вопросе Q53 респондентов группы малочисленных народов спрашивали, помогает ли русский язык в поиске работы в первый раз, получении более высокой заработной платы, продвижении по карьерной лестнице и при смене работы. Например, большое количество респондентов (273 челвоека, 91.9%) частично или полностью согласились с тем, что знание русского языка способствует поиску первой работы. Также при смене работы знание русского языка очень ценно. Большинство респондентов (215 человек, 72.3%) считают, что знание русского языка помогает при смене работы.

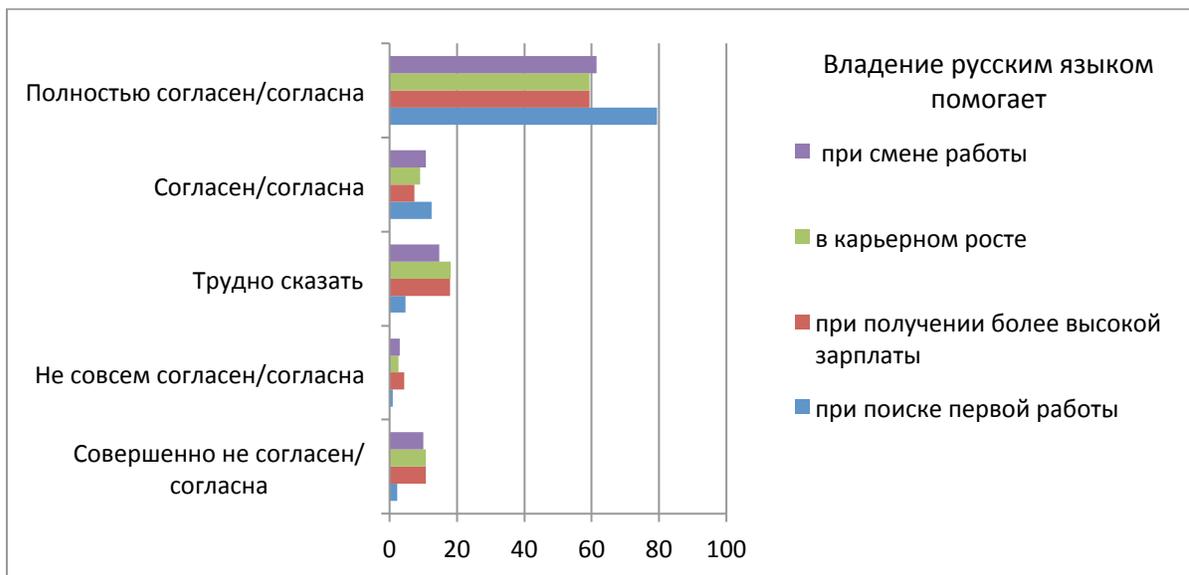

Рис. 23: Важность знания русского языка на рынке труда (Q53)

Ответы 127 респондентов о значении владения английским языком на рынке труда отсутствовали, скорее всего из-за того, что многие респонденты не знакомы с английским

языком и поэтому им трудно ответить на эти вопросы. Вопрос Q54 касался важности знания английского языка при поиске работы в первый раз, получении более высокой заработной платы, продвижении по карьерной лестнице или при смене работы. Из 172 ответов три респондента из четырех согласились с тем, что знание английского языка при поиске работы в первый раз (76% согласились), получении более высокой заработной платы (74% согласились), продвижении по карьерной лестнице (75% согласились) или при смене работы (74% согласились). Только от 10 до 14 человек имели на этот счет другое мнение.

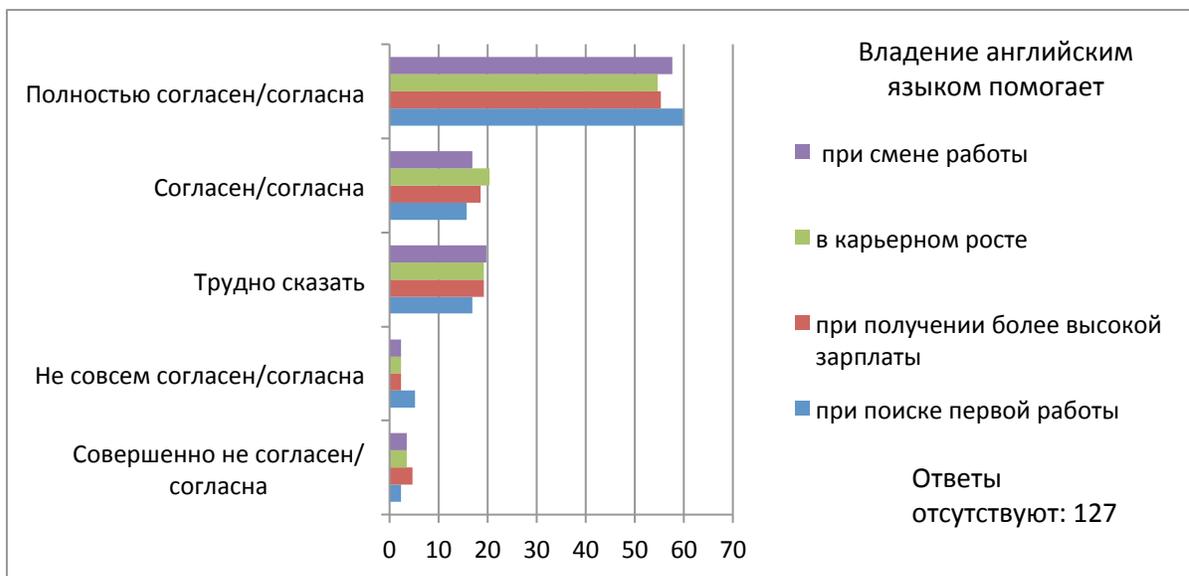

Рис. 24: Важность знания английским языком на рынке труда

Обычно молодые люди предпочитают изучать английский язык и другие предметы, такие как экономика и юриспруденция, чтобы улучшить свои шансы при поиске работы.

(28) RU-VEP-IIAG3f:

nügüdläižed norišt- lujas hüvin tedaba, miše miide elos vot oma tärktad azjad, tariš teta tam anglian kel't, tariš olda tam juristan ekonomistan miše hüvin eläda, - - i toižespäi polespäi, hö ei voigoi sada mugomid korktoid paukoid ratas kelenke.

’Нынешняя молодежь хорошо знает, какие вопросы важны в нашей жизни. Нужно знать английский язык, нужно быть юристом, экономистом, чтобы хорошо жить. - - И, с другой стороны, они не могут получить такие высокие зарплаты, работая с языком’.

На основании слов следующего интервьюируемого можно сказать, что хорошо знать много языков, тогда жить будет легче, например, можно найти работу даже в городе.

(29) RU-VEP-IIAG5-01f:

lujas hüvä, lujas om hüvä mise teta i äi kelid, - - abutab heile ken teddab i äi kelid ka d'o kebnemb om eläda, - - void rado- löuta, jesli tedad i äi kelid, - - lidnha ajetase voib rad mitte-se löuta, ühtel kelel ili toižel kelel

‘Очень хорошо, очень хорошо знать много языков - - это помогает тем, кто знает и много языков, так легче жить - - Можно работу найти, если знаешь много языков - - В город поедешь, можешь работу какую-то найти, на одном языке или на другом’.

У респондентов контрольной группы было примерно такое же мнение относительно преимуществ от владения разными языками на рынке труда, как и у респондентов-вепсов. В вопросе Q38 респондентов контрольной группы спрашивали о том, помогает ли знание русского языка как родного при поиске работы в первый раз, получении более высокой заработной платы, продвижении по карьерной лестнице или при смене работы. Как показывают следующие цифры, респонденты контрольной группы были достаточно единодушны в том, что знание русского языка как родного является преимуществом на рынке труда. Однако 40.8% затруднилось ответить на вопрос, может ли знание русского языка повлиять на размер заработной платы. Сомнения могли быть вызваны опытом самих респондентов, полученным в рабочей жизни. Знание русского языка не является гарантом более высокой заработной платы или более широких возможностей в поиске работы. Если у человека нет опыта того, что может значить при поиске работы умение или неумение говорить по-русски в совершенстве или как на родном языке, то ему может быть трудно понять, насколько важно знание русского языка.

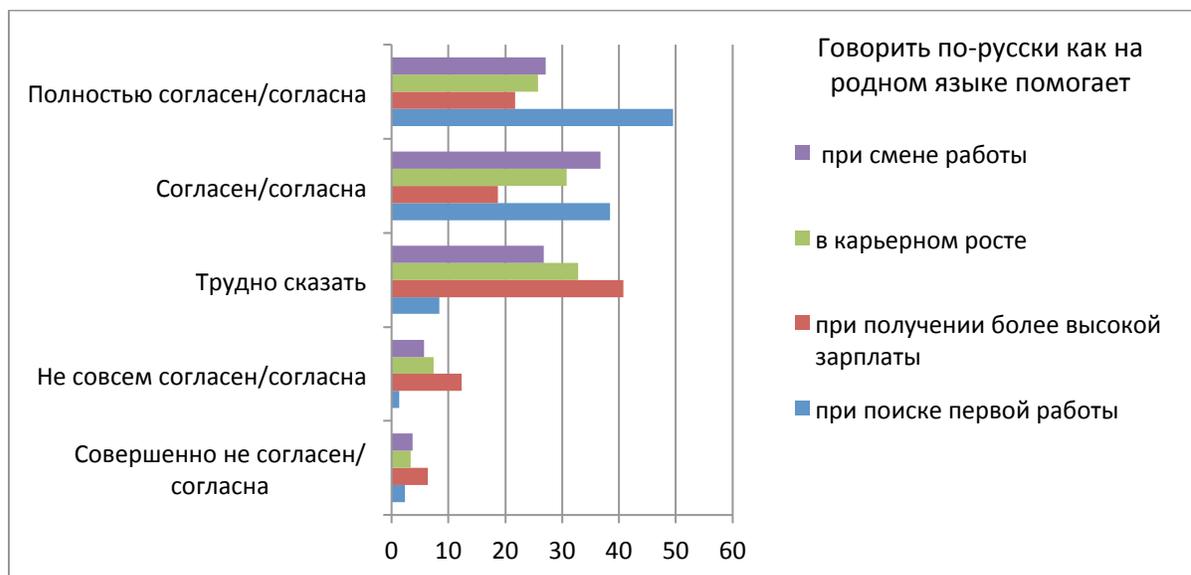

Рис. 25: Важность владения русским языком на рынке труда, контрольная группа (Q38)

Как и респонденты группы малочисленных народов, большинство представителей контрольной группы согласились, что знание английского языка помогает при поиске работы в первый раз, получении более высокой заработной платы, продвижении по карьерной лестнице или при смене работы. Вопрос Q39 касался ценности владения английским языком на рынке труда. Только 5 процентов не согласились с преимуществом владения английским языком. По сравнению с респондентами-вепсами, представители контрольной группы были осведомлены о статусе английского языка гораздо лучше, все могли предоставить свои ответы на вопросы.

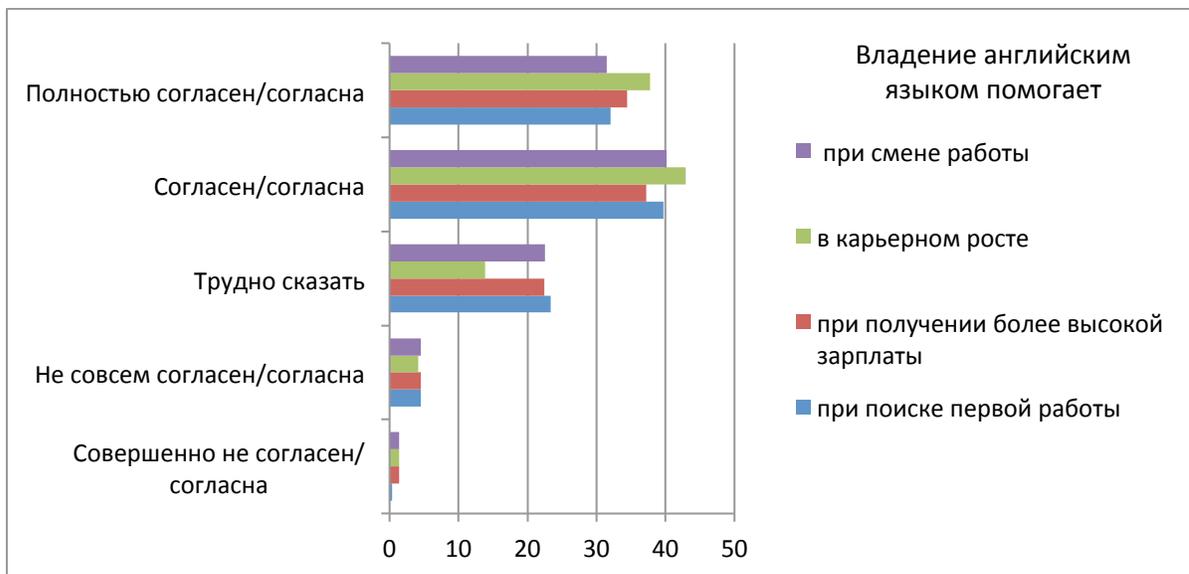

Рис. 26: Важность знания английского языка на рынке труда, контрольная группа (Q39)

Вопрос Q41 касался знания вепского языка на рынке труда. Как можно видеть в таблице ниже, свыше 60% респондентов затруднились ответить, является ли владение вепского языка на рынке труда преимуществом. Респонденты, которые смогли дать ответ, чаще всего считали, что знание вепского языка не приносит выгоду на рынке труда.

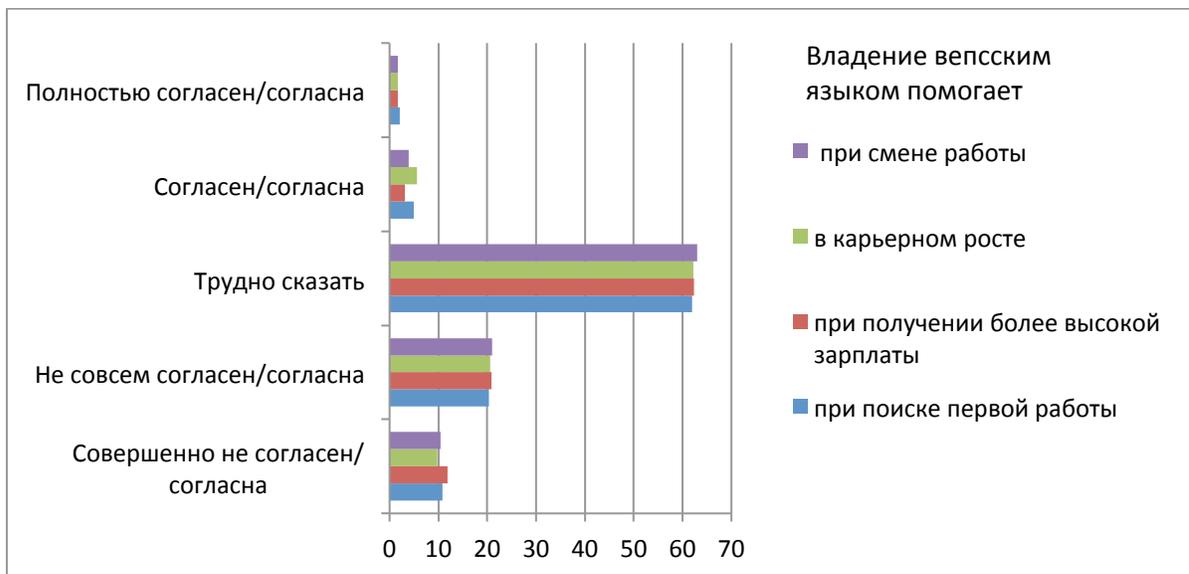

Рис. 27: Важность знания вепского языка на рынке труда, контрольная группа (Q41)

4.3.1.6 Сохранение языка

Респонденты-представители малочисленных народов были хорошо осведомлены об институтах и отдельных лицах, которые занимаются сохранением вепского языка. В

вопросе Q55 респондентов группы малочисленных народов спрашивали о том, есть ли в России организации или отдельные лица, которые занимаются вепским языком. Большинство респондентов группы малочисленных народов (77.9%) хорошо знали о таких организациях и отдельных лицах. Пятая часть респондентов (20.7%) не была уверена и не знала, есть ли такие организации и люди. Только самая малая часть респондентов (1.3%) ответила, что таких организаций и людей нет.

Роль исследователей-специалистов по планированию языка осознается лучше всего. В общей сложности 44.1% респондентов сообщили в комментариях к ответам и назвали поименно людей и организации, участвующие в языковом планировании у вепсов. Респонденты очень хорошо знали имена исследователей, учителей, активистов, интеллигенции и патриотов, участвующих в языковом планировании. По словам респондентов, работники культуры, сотрудники клубов, писатели, поэты, работники музеев и также люди пожилого возраста принимают участие в сохранении вепского языка. Из всех упомянутых имен наиболее известными были имена Нины Зайцевой и Зинаиды Строгальщиковой. Другими людьми, которых тоже назвали, были Мария Муллонен, Ольга Жукова, Светлана Пасюкова, В. В. Лодыгина, В. П. Ершов, С. Ершова и Николай Абрамов.

Самыми известными городскими организациями по языковому планированию были названы школы и университеты. Наиболее известными организациями оказались разные университеты и институты в Петрозаводске: Карельский научный центр Российской академии наук, Карельская государственная педагогическая академия и Петрозаводский государственный университет. Несколько респондентов отметили, что существуют некоторые комитеты и министерства по языковому планированию, например, комитет по вопросам национальной политики, термино-орфографическая комиссия и министерство образования. Роль печатных обучающих материалов, словарей, телевидения, радио и печатных изданий была высоко оценена. Некоторые респонденты также отметили вепскую газету *Kodima*, упомянули вепский хор и праздники (*praznikad*) и организации *Vepsän kul'tursebr* и *Vepsän vezad*. Респонденты указали также некоторые культурные учреждения, например Центр национальных культур в Петрозаводске, библиотеки и особенно музеи. Некоторые респонденты смогли назвать только города и районы, где занимаются сохранением языка: Петрозаводск, Карелия и Санкт-Петербург.

Респонденты группы малочисленных народов были хорошо осведомлены об учреждениях, которые занимаются русским языком. В вопросе Q56 респондентов группы малочисленных народов спрашивали о том, если ли какие-то учреждения, которые занимаются русским языком в России. Большое количество респондентов (84.6%) знали о таких организациях и отдельных лицах. Только 14.7% респондентов не были уверены в существовании таких организаций и отдельных лиц, и небольшое количество (0.7%) респондентов считали, что таких учреждений и людей, занимающихся планированием русского языка, не существует.

По словам респондентов группы малочисленных народов, русским языком в основном занимается государство и системы образования. Только 0.8 % респондентов оставили комментарии к своим ответам и назвали организации и отдельных лиц, участвующих в языковом планировании в отношении русского языка. На основании мнения респондентов, отдельные лица, занимающиеся развитием русского языка, – это исследователи, работники культуры и учителя. Респонденты, например, указали государство, министерство образования, комитет по вопросам национальной политики и законы и постановления о языке. Также была признана роль образования, школ и университетов и названы два определенных учебных заведения: Петрозаводский государственный университет и Карельская государственная педагогическая академия. Только несколько респондентов назвали телевидение и радио.

Многие респонденты группы малочисленных народов знали о попытках сохранить вепсский язык. В вопросе Q60 респондентов группы малочисленных народов спрашивали о том, предпринимались ли попытки по сохранению вепсского языка в последние годы. Большинство респондентов (83.8%) ответили, что такие попытки предпринимались и только 13.5% из них не были уверены в этом. Только 2.7% респондентов сообщили, что таких попыток не было. Примерно половина респондентов оставили к вопросам свои комментарии. Например, респонденты указали, что были опубликованы или публикуются книги на вепсском языке, словари, учебники, Библия, газета *Kodima* и журнал *Kipinä*, компакт-диски, фильмы, выпускались и выпускаются телевизионные и радиопрограммы, создаются и сочиняются стихи и песни. Роль разных праздников (напр., *Elon Pu*), конкурсов (например, олимпиады по языку и конкурсы красоты *Vepsän čomuz*), хоров и других фольклорных ансамблей и культурных центров была высоко оценена. Респонденты также упоминали о преподавании вепсского языка в детских садах, школах и университетах, оценили работу, проведенную работниками культуры и исследователями, такими как Нина Зайцева. В интервью обсуждались те же вопросы. Следующие молодые информанты рассказывают о некоторых попытках по сохранению вепсского языка.

(30) RU-VEP-IIAG1f:

kel' zavodib eläda, sen täht tehtas lujas äjan radiopaginoi, teleozutesed lähtebe, nu kaikuččen nedalin lähteb Kodima-lugendlehtez, kirjutadas kirjoid, valdmehed abutaba kaita necida kel't i nu abutad-, midä-se tegeba sen täht, i praznikoid tam, kel'pezoid i nu erazvuiččid azjtegoid tegeba miše nu abutada i miše vepsän kel' eläiži, - - rahvahaline komitet hän mugažo abutab

'Язык начал жить, для этого делают очень много радиопередач, телевизионных программ, каждую неделю выходит газета Kodima. Выпускаются книги.

Государственные деятели помогают сохранить этот язык и помогают, что-то делают для этого, и там праздники, языковые гнезда и ну разные дела делают, чтобы помогать и чтобы вепсский язык жил - - Национальный Комитет тоже помогает'.

Обычно органы власти считаются ответственными за сохранение языка. Сами люди часто чувствуют себя бессильными перед ситуацией, как рассказывает и следующий информант среднего возраста.

(31) Интервьюер 2:

kenele pidäiži abutada meiden kelele

'Кто должен помогать [сохранять] наш язык?'

RU-VEP-IIAG4-01f:

mö emboigoi nimidä sid' tehta, midä vot abutadaze ülemba, voib olda, a sid' mö iče em voigoi nimidä tehta, vaise mi om miiden väges, kut sanuda

'Мы не можем ничего сделать, что вот помогают сверху. Можно сказать, а мы сами не можем ничего сделать, только что в наших силах, как сказать'.

Кроме того, возможность зарабатывать на жизнь, экономическая ситуация и ситуация с поиском работы считаются более важными, чем сохранение языка.

(32) RU-VEP-IIAG2m:

ii kaikile ližadub, suomeks se oma identiteettia, miše - - hiile ii nece se ole miše ajatelda vepsän kel' koleb, hö, heil tari leib supal, i ninga-žo kut minei-ki

'Не каждый поднимает, у финнов свое самосознание, чтобы они об этом не будут думать, что вепсский язык умрет, они, им нужен хлеб с супом, и у меня так же'.

Противоположностью является следующее интервью, где респондентка считает, что будущее языка зависит от каждого вепса. Необходимо передавать язык, который предки сохранили, как дар. Нельзя полагаться на власти, потому что в России от них помощи не бывает.

(33) Интервьюер:

kenele tarbiš oliž abutada, miše vägevamb oliž vepsän kelen tulei aig, kenespäi ripub

'Кому нужно было бы помогать, чтобы будущее вепсского языка было лучше, от кого зависит?'

RU-VEP-IIAG3f:

kaikuččespäi vepsläižespäi ezmei kaiked, sikš ku vot tariš miše sinä tedaižid, ku minei anttihe necida kel't, mamoi andoi baboi andoi, kut minä tegen, miše edemba kel' ei mäne, - - ku sinei anttihe necida kel't, sinun ezitatad, ka i sinä tege muga miše kel' edemba eläiži, hot' kelle-ni anda, no valdmehištospäi meil varastada, Venämal om jüged varastada abud, lujas jüged midä-se varastada

'От каждого вепса, в первую очередь, так как вот нужно, чтобы ты знала, как мне передали этот язык, мама передала, бабушка передала, как я сделаю, чтобы дальше не передавался - - Когда тебе передали этот язык, твои прадеды, так и ты сделай, чтобы язык жил дальше, хоть кому-то передать, но от власти у нас ждать, в России трудно ждать помощи, очень трудно что-то ждать'.

Та же интервьюируемая считает, что на настоящем вепском языке говорят в деревнях, и поэтому вера в деревни в отношении будущего вепсского языка является ключевой. Она верит, что не только литературный язык надо сохранять, но нужно сохранять и деревни, живые вепсский общины. На данный момент жизнь в деревне очень сложная, школы закрываются, несмотря на то, что власти знают о проживающих на этих территориях вепсах.

(34) RU-VEP-IIAG3f:

nu oliži hüvä miše vepsläižed küläd, todesižed vepsläižed küläd eläižiba edemba, - - todesine no eläb kel', eläb kel' om sigä, Vepsän mal, i ku hätkemba eläižiba küläd, derunad meide, vot

nece oliži hüvä, no tariš i kaita külid, sikš ku küliš om nügüd' lujas jüged elo, ani jüged elo, diki jüged elo, -- no ühtespäi polespäi ved' tedaba Piterin agjan valdmehištod ka, hö tedaba, miše oma vepsläižed i ne oma vepsän küläd

'Ну, было бы хорошо, чтобы вепские деревни, настоящие вепские деревни жили бы и дальше -- Настоящий живет язык, живет язык там, на вепской земле, но если бы подольше наши деревни жили, вот было бы хорошо, но нужно сохранять деревни, так как в деревнях сейчас очень трудная жизнь, очень трудная жизнь. -- но, с другой стороны, ведь знают же власти Ленинградской области, да, они знают, что есть вепсы и это вепские деревни'.

У респондентов можно заметить достаточно устоявшееся мнение о том, что существует чистая или правильная версия вепского языка. Также респондентов (в вопросе Q57) спросили, существует ли правильная версия вепского языка. Большинство респондентов (59.8%) считают, что есть чистый, или правильный, вепский язык. Примерно одна треть респондентов (29.7%) не смогла высказаться по этому поводу, только 10.5% респондентов ответили отрицательно. Большинство респондентов считают, что на правильном вепском языке говорят пожилые люди, другими словами, это варианты языка, на которых говорят в вепских деревнях. Некоторые уточнили, что особенно хорошо говорят на правильном языке пожилые женщины, некоторые считают, что чистокровные вепсы в прошлом говорили на правильном языке. Другими словами, чистая версия языка, по мнению респондентов, связана с вепской территорией и деревнями. Однако некоторые респонденты считают, что чистая и правильная версия – это литературный язык, на котором пишут и говорят, например, исследователи, поэты, писатели, журналисты и учителя.

(35) RU-VEP-64310022:

Ku voib lugeda "puhthaks versijaks" kirjkel't, pagišt as openus mehed. Čomin pagižeba vepsäks i vanhad ristitud.

'Если «правильной версией» считать литературный язык, как говорят образованные люди. Красиво говорят по-вепски пожилые люди'.

(Респондент: женщина, 30-49 лет)

Одна треть респондентов контрольной группы знакома с учреждениями, организациями или отдельными лицами в России, которые занимаются сохранением вепского языка. Респондентов контрольной группы (в вопросе Q46) также спрашивали о том, есть ли организации или отдельные лица, занимающиеся вопросами сохранения вепского языка. Как и ожидалось, большинство респондентов контрольной группы (61.7%) ответили, что не знают о таких организациях или отдельных лицах, занимающихся вопросами сохранения вепского языка. Однако примерно одна треть из них (31.5%) знали о таких учреждениях, только 6.7% заявили, что таких организаций нет.

Респонденты контрольной группы были неплохо осведомлены об отдельных лицах и организациях, принимающих участие в сохранении вепского языка. 20.1% респондентов контрольной группы также оставили комментарии к своим ответам по вопросам языкового планирования в вепском языке. Респонденты обозначили трех людей, которые принимали или принимают участие в сохранении вепского языка: Зинаиду

Строгальщикову, Нину Зайцеву и Марию Муллонен. Несколько респондентов упомянули министерство образования, министерство по национальной политике и комитет по вопросам национальной политики. Несколько респондентов ответили, что в языковом планировании принимают участие университеты и школы. Были названы два высших учебных заведения и одна школа: Карельский научный центр Российской академии наук, Петрозаводский государственный университет и финно-угорская школа в Петрозаводске. Респонденты контрольной группы также указали Центр национальных культур и фольклорный ансамбль *Kantele*. Также признавалась роль СМИ, таких как телевидение, радио и газета *Kodima*.

4.3.1.7 Поддержка и запрет использования языка

В вопросах Q22-Q24 и Q34-Q36 респондентов группы малочисленных языков попросили вспомнить, с каким отношением или действиями они встречались в отношении поддержки или запрета использования разных языков. Респондентов также спросили о поддержке собственных детей в отношении использования языка малочисленного народа. В следующей главе эта информация сопоставляется с отношением окружающего общества, отражаясь во мнениях респондентов контрольной группы, которым в вопросах Q12-Q13 и Q19 адресовали вопрос о важности преподавания языков малочисленных народов.

Только одна десятая часть респондентов группы малочисленных языков вспомнили о ситуациях, когда их родителям старались помешать говорить с детьми по-вепски. Чаще всего такое происходило в школах. В вопросе Q22 респонденты отвечали, были ли какие-то попытки, направленные на то, чтобы помешать их родителям говорить по-вепски со своими детьми. Большое количество (228 человека, 89.1%) респондентов сообщили, что в детстве попыток помешать родителям говорить с ними по-вепски не было. Только 28 человек (10.9%) сказали, что помнят о попытках помешать говорить на вепском языке.

В этой части анкеты ответы были несколько непоследовательными. Так, только 28 респондентов сообщили о том, что слышали комментарии, запрещающие использовать вепский язык, в то время как 40 респондентов в вопросе Q23 указали, в каких ситуациях они слышали такие комментарии. В ответах респондентов самым популярным местом, где родителям не советовали разговаривать с детьми по-вепски, была школа. 22 респондента сказали, что такие ситуации случались исключительно в школе, 8 респондентов сообщили, что они случались в школе и в других местах, 1 респондент сказал, что это происходило в школе и дома. 5 человек сообщили, что родителям запрещали говорить по-вепски дома, четверо – везде.

При изучении индивидуальных ответов видно, что попытки помешать использовать респондентам вепский язык предпринимались в основном в школе. Об этом заявляли респонденты возрастных групп 50-64 и 65 и старше. Никто из самых молодых респондентов не сообщал о таких действиях. Но все равно количество респондентов, рассказавших о запрете использования вепского языка, выглядит достаточно небольшим

в свете общих сведений по запрету использования вепсского языка (по сравнению с другими финно-угорскими языками и другими малочисленными народами) в советских школах (см., напр., Grünthal 2007: 90). Скорее всего, причиной этому является формулировка вопроса. Во-первых, по всей видимости, детям о трудностях родителей не рассказывают. Во-вторых, возможно, нам следовало задавать вопрос о запрете самим респондентам говорить по-вепски в разных ситуациях. Следующая история показывает типичную ситуацию запрета вепсского языка в школах. Это воспоминание одной молодой (AG1) интервьюируемой, чьей бабушке в школе сказали, что ей лучше не говорить по-вепски.

(36) RU-VEP-IIAG1f:

ved' oli mugoine aig konz ei sanu pagišta, i minun baboi minei starinoiči miše nu oli aig i heile sanutihe miše školas hõ ei pagžižiba vepsän kelel. - - i ku hõ pagžižiba vepsän kelel ka nu venäks hõ vähän el'gendaba i pahoin opendasoiš.

'Было такое время, когда нельзя было говорить, и моя бабушка мне рассказывала, что было время, и им сказали, чтобы в школе они не говорили по-вепски. А так как они говорили и по-вепски, они бы по-русски мало понимали и плохо учились'.

Следующая информантка старше 65 лет, в ее жизни случалось подобное.

(37) RU- VEP-IIAG5f:

i vöi školis-ki sanutihe miše ei pidä ei tariš pagišta školas vepsän kelel, minä äi kerdoid olin saumas čogas, sikš ku peremenoil - - lebukeskustal pagžižin ičemoi kartte, i siloi sanutihe miše tule čogaha sikš ku školas ei tari pagišta ičemoi kartte

'И еще в школе-то сказали, что не нужно, не стоит в школе говорить на вепском языке. Меня много раз в угол ставили, потому что на перемене мы говорили на родном языке, и тогда говорили идти в угол, потому что в школе нельзя было говорить на родном языке'.

Информант среднего возраста вспоминает, что другие ученики звали его обидным именем *čuhar'*, но, по его мнению, это больше было похоже на привычку.

(38) RU-VEP-IIAG2m:

i minä tedan miše minä iče školas openzimoi, - - mindai kucuiba mugažno čuhar', - - kucuiba no ii ninga miše abitt-a nu, kut sanudas paremba, venäks se om po privyčke

'И я знаю, потому что я сам в школе учился - - они звали меня чухарь, - - звали меня, но не чтобы обидеть, а по привычке.'

У следующего информанта есть дочь, с которой она говорила по-вепски, пока девочка не пошла в детский сад и не сообщила, что никто в садике не говорит так, как ее мать. Мать перестала говорить по-вепски.

(39) RU- VEP-IIAG5f:

konz hän tuli sinna, hän sanui miše niken lapsidenkodiš ei pagiže muga kut sinä pagižed minei, i hän heiti pagižendan, hän ei tahtond pagišta ičemoi kartte, - - hän vaiše sanui muga nenakahašti - - miše - - niken ei pagiže sigau lapsidenkodiš, i minä tahtoizhin pagišta kut sigau pagištas

'Когда они пришла туда, она сказала, что никто из детей не говорит так, как ты говоришь мне, и она перестала говорить, она не хотела говорить по-нашему. - - Она так

гордо только сказала - - что - - никто не говорит [по-вепски] в садике, и я хочу говорить там, как там говорят'.

Почти половина респондентов (48%) сообщили, что не слышали в настоящее время мнений о том, должны или не должны люди говорить по-вепски с детьми. В вопросе Q24 респондентов просили сообщить, встречаются ли подобные точки зрения и сегодня относительно того, должны ли родители говорить по-вепски с детьми. Почти половина (48.0%) респондентов сказали, что не слышали о таких попытках. Треть (30.3%) респондентов ответили, что не знают. Остальные (21.8%) сообщили, что слышали такие высказывания. 56 респондентов оставили комментарии к вопросам, среди которых были и положительные, и отрицательные мнения. Отрицательные комментарии заключались в том, что респонденты слышали следующее: «Зачем тебе нужен такой язык, когда сфера использования его такая узкая?», «Нашим детям не нужен будет вепский язык», «Некоторые родители считают, что тебе не стоит учить детей вепскому языку, потому что и тебе он не нужен нигде», «Молодые люди считают, что вепский язык не нужен», «Нет места, где на нем нужно говорить», «В современной жизни вепский язык нигде не нужен», «Иногда люди стыдятся говорить по-вепски в автобусе», «Некоторые люди говорят, что у вепского языка нет будущего», «Некоторые люди считают, что тебе не стоит говорить по-вепски, так как этот язык умрет», «В школе преподавание не ведется на местном диалекте, поэтому бабушки и дедушки не понимают своих внуков и внучек», «Не так много вепсов осталось».

Положительные комментарии были такие: «Нужно говорить на языке с внуками», «Мне нравится говорить по-вепски, я хочу, чтобы мои внуки тоже говорили по-вепски», «Моя мама и учителя в университете говорят, что мне нужно говорить по-вепски», «В наше время считается, что нужно говорить по-вепски и заботиться о языке», «Есть некоторые патриоты языка, которые пытаются говорить на нем везде, где можно», «Нужно говорить по-вепски, заботиться о языке, чтобы он не исчез. Так считают везде: на собраниях, на семинарах, в телевизионных программах, по радио, в школе, в университете, во всех вепских книгах», «Хорошо знать язык своих предков», «Нужно знать и использовать родной язык, так вепсы будут существовать и знать о своих корнях».

Некоторые респонденты прокомментировали, что есть мнения за и против использования вепского языка. Один респондент ответил: «Люди, которые знают вепский язык, говорят, что тебе нужно на нем говорить, но те, кто не знает вепский, говорят, что не стоит говорить».

Три четверти всех родителей респондентов-вепсов поддерживали их в использовании вепского языка. Однако использование русского языка поддерживалось почти 90% родителей респондентов. В вопросе Q34 респондентов спросили о том, поддерживали ли их родители в использовании вепского языка. Большинство респондентов (225 человек, 75%) считали, что родители поддерживали их. Вопрос Q35 касался поддержки родителей в отношении использования русского языка.

Очень большой процент респондентов (89%) сообщили, что родители поддерживали их в использовании русского языка. Чаще всего комментарии о поддержке или отсутствии поддержки в отношении использования вепсского или русского языков сводились к языковому выбору родителей со своими детьми (респондентами). Двое респондентов написали, что их родители не поддерживали их в использовании русского языка, так как они дома говорили только по-вепски. Также, по словам некоторых респондентов, некоторые родители поддерживали использование вепсского языка, говоря с детьми по-вепски. В случае с вепским языком одним из поддерживающих факторов было официальное образование, о котором тоже упоминали несколько раз:

(40) RU-VEP-64315829:

Mam kaiken aigan sanui, miše pidab opeta vepsän kel't, miše vepsän kel' om tarbhaine kel'.

Hän-ki oigenzi mindai opendamha vepsän kel't kursoile, a jäl'ges universitetha.

‘Мама все время говорила, что нужно учить вепсский язык, что вепсский язык – полезный язык. Она также отправила меня на курсы изучать язык, а оттуда в университет’

(женщина, 18–29 лет)

В отношении русского языка об официальном образовании не упоминалось. Это естественно по причине системы образования на русском языке, когда всем приходится выучить русский язык не позднее начала обучения в школе.

Несмотря на то, что родители поддерживали респондентов в изучении вепсского языка, большинство респондентов не говорили своим детям учить или использовать вепсский язык. В вопросе Q36 респондентов спрашивали о том, говорили ли они своим детям, что им следует учить вепсский язык и говорить на нем. Большинство из них (59.5%) сообщили, что они не поддерживали своих детей, хотя некоторые из респондентов оставили комментарий, что в этом не было необходимости, так как дети сами хотели учить язык. Комментарии показывают некоторую тенденцию в направлении поддержки изучения вепсского языка в настоящее время, которая чаще всего связана с официальным образованием в области языка:

(41) RU-VEP-64310015:

Oigenzin kel'školha i vepsän i karjalan kelen kafedrale opendamha.

‘Я послала учиться [моих детей] в языковую школу и на кафедру вепсского и карельского языков’.

(женщина, 50–64 лет)

Однако есть респонденты, которые используют свой собственный пример и говорят по-вепски с детьми дома.

(42) RU-VEP-64315829:

minun tüttele om 1,5 vot, lujas tahtoin, miše hän mahtaiži vepsäks. Nügüd minä pagižen hänenke vepsäks, lügen hänele kirjoid vepsän kelel (sarnoid, runoid), pajatan hänele pajoid vepsän kelel, ozutan kuvid, sanun vepsäks mi kuval om.

*'Моей дочери 1,5 года, я очень хочу, чтобы она знала вепсский язык. Сейчас я говорю с ней по-вепски, читаю ей книги на вепском языке (сказки, стихи), пою ей песни на вепском языке, показываю картинки, говорю по-вепски, что на картинке'.
(женщина, 18–29 лет)*

Недостаток поддержки детей в отношении изучения и использования вепсского языка кажется очевидным в интервью, которые показывают, что даже активисты вепсского языка могут предпочесть говорить по-русски со своими детьми. Причиной этого является их озабоченность перспективами в жизни. Если жить в России, крайне важно знать русский язык (в России говорят по-русски). Родители боятся, что, если они начнут говорить с детьми по-вепски, те не смогут хорошо выучить русский. Это старое традиционное отношение, которому было научено пожилое поколение.

(43) RU-VEP-IIAG3f:

nu lujas äi nenid patriotoišpäi, lapsed ei tekoi kel't, - - hän sanub, minä tahtoizhin miše laps' minun hüvin tetaizi venekel't, hän eläb Venemas, i hän varaidab, miše ku minä zavodin pagišta vepsän kelel hän hubin pagižeškandeb venäks, - - hänele eläda Venemal, tariš hüvin pagišta venäks

'Но очень много из таких патриотов, чьи дети не знают языка. Он говорит, я хочу, чтобы мой ребенок хорошо знал русский язык, он живет в России, и он боится, что если я начну говорить по-вепски, он будет говорить по-русски плохо. Он чувствует, что если жить в России, нужно хорошо говорить по-русски'.

В свете данных интервью с русской контрольной группой можно сказать, что отношение к преподаванию языков малочисленных народов, таких как вепсский, либеральное. Большое количество респондентов контрольной группы считают, что преподавание родных языков в школе важно. Чуть меньшее количество респондентов ответило, что особенно вепсский язык важно преподавать в школе. В вопросе Q19 респонденты контрольной группы должны были сказать, важно ли для детей учить свой родной язык в образовательных учреждениях. 268 респондентов (89.3%) ответили, что важно преподавать родной язык в школе. Только девять респондентов (3.0%) ответили, что это не так важно, и 23 респондентов (7.7%) сообщили, что они не знают, важно это или нет. Один респондент не ответил на этот вопрос. Также в вопросе (Q12) о том, важно ли преподавать вепсский язык детям, чьи родители – носители карельского языка, свыше 70% респондентов контрольной группы хотя бы в какой-то степени согласились с важностью преподавания языка. Преподавание вепсского языка, однако, кажется респондентам менее важным, чем преподавание карельского языка, которое поддержало почти 80% респондентов контрольной группы.

Пятая часть респондентов контрольной группы выразила мнение в отношении выбора языка, на котором общались с детьми. В вопросе Q13 респондентов контрольной группы спрашивали, слышали ли они когда-нибудь комментарии о том, следует или не следует родителям использовать определенный язык с детьми. 20.8% респондентов сообщили о том, что слышали. 45.6% сказали, что не встречали такого отношения. Хотя и не ставилось отдельного вопроса о том, были ли комментарии положительными или отрицательными

по отношению к использованию разных языков с детьми, все 24 комментария респондентов по этому вопросу были за использование языка. Некоторые упомянули учителей иностранных языков, которые выражали свою поддержку. К тому же, у некоторых в семьях или среди друзей были носители разных языков, которым оказывали поддержку в использовании разных языков.

4.3.1.8 Языковые установки

Смешивание языков выглядит очень типичным для носителей вепсского языка, но для общины не является идеальным. Респонденты считают, что пожилые люди говорят на правильной версии вепсского языка и что молодое поколение смешивает языки. В вопросе Q33 респонденты группы малочисленных народов прочитали шесть разных утверждений относительно смешивания языков и должны были выразить свое согласие/несогласие с данными утверждениями. 42.8% респондентов частично или полностью согласились с мнением о том, что смешивание языков типично для тех, кто друг с другом говорит по-вепски. Многие респонденты (46.9%) частично или полностью не согласились с утверждением, что смешивание языков допустимо, и 49.0% из них – с утверждением, что смешивание языков показывает высокий уровень владения языками.

Следующая семья информантов двуязычная. Интервьюируемая говорит, что переключение кодов в ее семье – обычное дело.

(44) RU-VEP-FGAG2AG3-04F:

no pagižeba muga, üks' ((laughing)) sana vepsän kelel, toine sana venäkelel
'Ну, они говорят так, одно (смеется) слово по-вепски, другое – по-русски'.

Смешивание языков не связано с уровнем образования, но в какой-то степени зависит от возраста носителя языка: 44.8% респондентов полностью или частично не согласились с утверждением, что только имеющие низкий уровень образования вепсы смешивают языки, и 41.6% из них полностью или частично согласились с утверждением, что молодое поколение часто смешивает языки. Такое же мнение представлено в интервью.

(45) RU-VEP-IIAG4-01f:

ka pagišťaze hüvin, minä meletan miše rouhad da vanhembad, a norid d'o kut kut putub, venä sanoi i vepsän sanoi, vot en teda mikš om, ii tekoi, ii opekoi, ninga jo om, no a babad, rouhad babad, kuled ka, sanutaze midä-se starinoitaze starinoitaze da i, hop, venä sana, ka mikš panid sanan se venäd tänna, ved' tedad miše om veza, en teda mikš, nece d'o, nu jümbri kaik pagišťaze venäkelel, voib olda i muga, mise kuldaze enamba venäkel't, i, kak skat' ne osmyslenno uzhe prosto glotaet slova,

'Они хорошо говорят, я думаю, что пожилые и старые, а молодежь как получится, по-русски да по-вепски говорит, не знаю, почему так, не знает, не учил, так вот, ну и бабушки, старые, слышишь, говорит, говорит, рассказывает да и хоп - русское слово, а почему сказала слово-то русское здесь, ведь знаешь, что это veza, не знаю, почему так, ну все вокруг по-русски говорят, может, и оттуда, что слушаю больше русскую речь, и, как сказать, неосмысленно, уже просто глотает слова.'

Респонденты были единодушны в своем мнении о том, что пожилые люди говорят на правильном вепском языке: 88.7% полностью или частично согласились с этим утверждением. Поэтому видна тенденция к формированию понятия «чистый» вепский язык, которое существует среди пожилых носителей вепского языка, и это не всегда вдохновляет молодежь использовать вепский язык.

Также язык (в основном литературный язык, выученный в процессе образования) на котором говорит молодое поколение, очень отличается от диалектов, на которых говорит старшее поколение. Например, существует разница в лексике. Следующий респондент говорит, что используемый литературный язык отличается от местного диалекта, на котором говорят в семье.

(46) RU-VEP-FGAG2AG3-03f:

minun tatam sanub kaiken aigan sinä pagized verhal kelel, sikš ku minä sindai en el'genda, en tea miččel kelel sinä pagized, no ed vepsän kelel, - - erased sanad potomu što hii ii tekoj, neglik da sebranik da, ken om sebranik, a podrušk a no podrušk

‘Мой отец говорит все время, что ты говоришь на чужом языке, потому что я тебя не понимаю, не знаю, на каком языке ты говоришь, но не по-вепски - - другие слова, потому что не знают, *neglik* [ежик] и *sebranik* [друг]. Кто такой *sebranik*? А, *podrušk* [друг, подруга], ну, подруга..’

Использование вепского языка не привязано к определенной возрастной группе. В вопросе Q37 респондентов спросили о том, должны ли по-вепски говорить мальчики или девочки или взрослые женщины или мужчины. Большинство респондентов частично или полностью согласились с утверждением, что все эти группы должны говорить по-вепски. Большой разницы между четырьмя группами не было, количество респондентов, поддержавших утверждение, колебалось от 65.4% относительно мальчиков и юношей и до 74.8% относительно пожилых женщин.

В основном респонденты придерживались мнения, что среди носителей вепского языка легче найти друзей, с ними легче знакомиться, сотрудничать и проводить время. Однако они не смогли сказать ничего определенного в этом отношении по поводу брака с вепсом. В оригинальной анкете ELDIA для вепсов вопрос Q38 был сформулирован следующим образом: легко ли общаться с носителями языка X. Однако в вепской анкете была использована сравнительная степень. Поэтому утверждения звучали так: легче ли общаться с носителями вепского языка. Утверждения включали в себя сравнение, причем основания для сравнения указано не было. Обычно в сравнении указывается «легче, чем с носителями русского или других языков». Однако здесь этого указано не было.

Большинство респондентов посчитало, что общаться с вепсами проще в принципе. Найти друзей среди вепсов было проще для 54.2% респондентов, знакомиться с носителями языка – для 66.4% из них. Сотрудничество с носителями этого языка было легче по мнению 63.8% респондентов и совместное времяпровождение – по мнению 64.3%. 40.6% респондентов не смогли высказать мнения, легче ли быть в браке с носителем вепского

языка. Это достаточно большое количество респондентов может быть результатом того, что носителей вепсского языка, находящихся в возрасте создания семей, не так много.

По мнению респондентов, вепсский язык необходимо использовать в системе образования, на телевидении, в интернете и больницах, в то время как использование языка в парламенте, суде и полиции не считается необходимым. Как можно видеть в главе 4.3.1.4 (Использование языка в разных сферах жизни), большое количество респондентов считали (вопрос Q39), что вепсский язык должен использоваться в системе образования (90.1% согласившихся с этим мнением) и на телевидении (88.9% поддержавших). Это подтвердилось и в ходе интервью.

(47) RU-VEP-IIAG1f:

škol konečno, miše školas oliži vepsän kelen opendamine, i ku lapsed kundleba sigä vepsän kel't i nu nägištaba miše sigä vepsän kelel pagištās, ka hō zavodiba enamba opeta vepsän kel't

'Школа, конечно, чтобы в школе было преподавание вепсского языка. И когда дети услышат там вепсский язык и увидят, что там говорят по-вепски, так они начнут больше учить вепсский язык'.

Также респонденты придерживались единого мнения о том, что вепсский язык нужно использовать в интернете (52.2% поддержавших это мнение) и в больницах (45%). Вопрос об использовании вепсского языка в более официальных и правительственных учреждениях породил разные мнения: большинство респондентов были против использования вепсского языка в таком окружении. 42,1% респондентов не согласились с утверждением, что вепским языком нужно пользоваться в суде, 40.3% – что его нужно использовать в полиции и 37.7% – в парламенте.

Респонденты группы малочисленных языков с сомнением говорили о перспективах вепсского языка. Большинство их них считают, что русский и английский языки будут наиболее используемыми языками в ближайшие десять лет. В вопросе Q40 респондентов группы малочисленных народов спрашивали о перспективах разных языков в будущем. Респонденты не были уверены в будущем вепсского языка: большинство из них (47.3%) посчитали трудным выразить свое мнение, будет ли вепсский язык широко использоваться в течение следующих десяти лет. 36.9% респондентов частично или полностью не согласились с утверждением, что вепсский язык будет более широко использоваться в следующие десять лет. Следующий респондент высказывает свое опасение за будущее вепсского языка.

(48) RU-VEP-IIAG5f:

nu minä olen mugošt mel't miše kelen sijad tai kelen olo ei ole vajehtanus hüvähä pol'he, - - kaks'kümne vot tagaze siloi Venämal oli lujas jüged eläda, silou ei makstud paukad, ei lend rahad - - nu kaiken-se siloi minai oli mugoine toiv - - miše tuleb paremb aig i vepsläižile-ki mugažo i vepsän kel'he muga kelele, a nügüd' erašti minä dumain miše en teda midä tuleb kümnes vodes päliči, - - a vepsän kelen sija, kümnes vodes päliči, en teda, minei om kibed sanuda, minä no minä dumain miše se väheneb

'Я считаю, что ситуация с языком не стала лучше. Двадцать лет назад было очень трудно жить. Зарплаты не платили, не было денег. Однако в те дни была надежда, что и для вепсов настанет лучшее время, и для вепсского языка. А сейчас я думаю, что я не знаю, что будет через десять лет. – Но ситуация с вепским языком через десять лет, не знаю, больно говорить, но я думаю, что станет хуже'.

С другой стороны, некоторые интервьюируемые, в основном, молодые активисты, смотрят очень оптимистично на будущее вепсского языка:

(49) RU-VEP-IIAG1f:

vägev kel' konečno om, -- kel' zavodib eläda, -- meletan miše vepsän kel' eläb i kümnes vodes päliči, i -- linneba vepsän kelen urokad i školas, -- meletan miše universitetas vepsän kelen opendamine linneb kut edel-ki, -- meletan miše i radios i televizoras mö pagižem enamba, miše meile anttas enamba časuid, -- i lugendlehtez Kodima-lugendlehtez zavodib lähtta ni üks' kerd kus a kaikuččen hot'a by nedalin, kel' kazvab, mö em astkoi sijal a astum edehpäi, i kaikuččel päiväl midä-se ližam vepsän kel'he, i meletan miše eläškandeb
'Конечно, это сильный язык. -- Язык будет продолжать жить. -- Я думаю, что вепсский язык будет живой через 10 лет и -- будут уроки вепсского языка в школе. -- Я думаю, что в университете вепсский язык будет преподаваться, как и раньше. -- Считаю, что по радио и ТВ мы будем говорить больше, что нам дадут больше времени. -- И газета Kodima будет выходить не один раз в месяц, а раз в неделю. Язык будет развиваться, мы не будем стоять на месте, а будет идти вперед. Каждый день мы будет что-то добавлять. Я думаю, он будет жить'.

Будущее русского и английского языков считается намного более позитивным. По мнению 79.3% респондентов группы малочисленных народов, русский язык будет широко использоваться на протяжении следующих десяти лет. Использование английского язык будет увеличиваться в следующие десять лет, по мнению 68.1% респондентов.

(50) RU-VEP-II-AG5F:

minä dumain miše -- hüvä oliž ku mir oliži äikeline, no minä varaidan miše se tegeze vaiše angliankeližeks miruks, minä necida en tahtoi
'Я думаю, что -- было бы хорошо, если мир был многоязычным. Но я боюсь, что мир станет только англоязычным. Я бы не хотела этого'.

Мнение респондентов контрольной группы относительно перспектив совпадает с мнением респондентов группы малочисленных языков. В вопросе Q24 респондентам контрольной группы задали вопрос о перспективах разных языков. Ответы респондентов контрольной группы сильно не отличались от ответов респондентов группы малочисленных народов. Большинство респондентов контрольной группы (61.0%) затруднились сказать, будет ли вепсский язык больше использоваться в следующие десять лет, в то время как использование русского языка, по мнению 76.7% респондентов, и английского языка, по мнению 84.3%, увеличится. Другими словами, большинство респондентов контрольной группы посчитали роль английского языка в будущем более важной, чем респонденты группы малочисленных народов.

Респонденты группы малочисленных народов считают звучание русского языка более красивым, чем вепсского. По их мнению, русский язык более динамичный и сильный

язык. Вепский язык воспринимается как пример более мягкого, нежного и традиционного языка, чем русский. В вопросах Q41-43 респонденты группам малочисленных языков представили три языка: вепский, русский и английский, и попросили оценить языки с помощью 18 пар прилагательных. Было интересно видеть, как респонденты группы малочисленных народов оценили вепский язык как малочисленный язык и русский язык как доминирующий язык. Вепский язык воспринимается по звучанию как более мягкий, нежный, древний и традиционный, доставляющий больше радости, более женственный, чем русский язык, который представляется другим: более смелым и убедительным, с большей надеждой, более сильным, мужским, богатым, успешным, интеллигентным, серьезным, образованным и активным по сравнению с вепским. Процент респондентов группы малочисленных народов, назвавших русский язык очень близким (76.5%) несколько выше по сравнению с процентом тех, кто назвал очень близким вепский (70.1%).

Такие бинарные противопоставления демонстрируют скрытое отношение носителей языков малочисленных народов. Однако скрытое и явное отношение представителей малочисленных народов обычно сильно отличаются друг от друга. Явное отношение выявляется обычно в разговорах лицом к лицу с представителями малочисленного народа, в которых вепский язык всегда описывается как самый милый, близкий и позитивный язык.

(51) RU-VEP-IIAG3f:

nu vot ku anketas oliba mugomad kuzundad mitte om vepsän kel', ka kaik vepsläižed kaik babad mamšid vanhad, kaik sanuiba vepsän kel' om lujas čoma, hūvā, pehmed, nu kaik positivīžed kaik karakteristikad kaik, -- no sikš ku vōl om-ki rodni kel'

'Ну, вот когда в анкете были такие вопросы, какой вепский язык, так все вепсы, все бабушки, пожилые женщины, все сказали, что вепский язык очень красивый, хороший, мягкий, но все позитивные характеристики. -- Ну потому что это родной язык'.

Только незначительная часть респондентов группы малочисленных народов ответили на вопросы относительно английского языка, так как они не очень знакомы с английским языком. Поэтому только процентное соотношение касательно английского языка может сравниваться с процентным соотношением относительно вепского и русского языков. Очевидно, что английский язык не был для респондентов таким близким, как вепский или русский. Его рассматривали как динамический и сильный язык, однако не настолько, как русский. Похожее мнение демонстрировали и интервьюируемые.

(52) RU-VEP-IIAG2m:

no venäkel' om paremb mi anglian kel', hän om bohatamb ili kut hän sanuda

'Ну, русский язык лучше, чем английский. Он богаче или как сказать'.

Респонденты контрольной группы считали звучание русского языка самым позитивным из всех перечисленных в вопросе языков. В вопросах Q25-28 респондентам контрольной группы были представлены те же 18 пар прилагательных. Респондентов попросили оценить звучание четырех разных языков: карельского и вепского языков как языков

малочисленных народов, русского языка как доминирующего языка и, наконец, английского языка. Респонденты контрольной группы оценили русский язык как единственный позитивный, сильный и динамический язык. По их мнению, звучание русского языка мягче, более безопасное, более близкое, доставляющее больше радости, красивее, добрее, богаче, более древнее, более надежное, решительнее, успешнее, более мужское, сильнее, интеллигентнее, серьезнее, образованнее и активнее, чем звучание любого другого языка.

Респонденты группы малочисленных народов посчитали звучание русского языка даже более позитивным, чем респонденты контрольной группы. Из-за разницы в переводах в анкетах группы малочисленных народов и контрольной группы нельзя сравнить все характеристики, например пары прилагательных «опасный-безопасный» и «беспомощный-смелый», «надежный-ненадежный» и «полный надежды и безнадежный». Однако важным является тот факт, что респонденты группы малочисленных народов охарактеризовали русский язык более позитивно, чем сами представители контрольной группы. Количество ответов с указанием характеристики русского языка как близкого (76.5%) было равным у респондентов обеих групп. Также по сравнению с контрольной группой значительно большее количество респондентов посчитали русский язык очень решительным, современным, сильным, успешным, интеллигентным, серьезным, образованным и активным. Например, по мнению 74.8% респондентов группы малочисленных языков и только 47.4% респондентов контрольной группы, звучание русского языка очень решительное. Можно сделать вывод, что русский язык является действительно престижным языком в обществе.

Характеристика	Респонденты, группа малочисленных народов, %	Респонденты, контрольная группа,%
Решительный	74.8	47.4
Современный	61.2	42.2
Сильный	75.9	62.3
Успешный	71.0	56.0
Интеллигентный	75.1	54.2
Серьезный	70.3	36.6
Образованный	78.2	59.5
Активный	85.3	63.9

Таблица 4: 'Звучание русского языка...', респонденты группы малочисленных народов и контрольной группы

Респондентов контрольной группы попросили оценить звучание двух языков малочисленных народов, при этом количество нейтральных ответов было самым высоким. Большинство характеристик, которые респонденты контрольной группы дали

вепсскому языку, были нейтральными. Однако пара прилагательных *современный-традиционный* стала исключением: по мнению 47.7% респондентов контрольной группы звучание вепсского языка было традиционным. Например, звучание вепсского языка не считалось ни бессильным, ни сильным, ни доставляющим радость, ни скучным. Если по отношению к вепсскому языку выказывали какое-то отношение, то оно было скорее позитивным, чем негативным. Например, 40.5% считают, что вепсский язык звучит красиво, только 11.2% респондентов контрольной группы считают его звучание некрасивым.

В соответствии с ответами респондентов контрольной группы, звучание английского языка считается достаточно позитивным, но не таким, как русского. Звучание английского языка считается современным, сильным, богатым, успешным, интеллигентным, образованным и активным, по мнению большинства респондентов контрольной группы. Однако в каждом случае русский язык оценивался более позитивно, чем английский. Респонденты контрольной группы, по всей видимости, гораздо лучше знакомы с английским языком, чем респонденты вепсской группы: частота ответов респондентов контрольной группы была в пять раз выше, чем респондентов группы малочисленных языков. К тому же, респонденты контрольной группы были лучше знакомы с английским языком, чем с местными языками малочисленных народов: карельским и вепским.

Респонденты контрольной группы оценили русский и английский языки вместе более позитивно, чем языки малочисленных народов карельский и вепский. При сравнении ответов относительно двух языков малочисленных народов и ответов относительно английского и особенно русского языков, можно выявить разное отношение к языкам малочисленных народов и доминирующим языкам. Языки малочисленных народов не считаются такими позитивными, как русский или английский. По мнению респондентов контрольной группы, звучание вепсского языка не является таким же безопасным, надежным, решительным, современным, сильным, доставляющим радость, красивым, добрым, богатым, успешным, интеллигентным, серьезным, образованным и активным, как звучание русского.

4.3.1.9 Вопросы многоязычия

Самостоятельная оценка уровня владения языком и использование языков

Почти все респонденты-вепсы могут рассматриваться как многоязычные. Большинство из них в совершенстве владеет русским языком, в то время как их уровень владения вепским языком ниже. В результате нашего метода отбора почти все респонденты-вепсы (представители группы малочисленных народов) и интервьюируемые, на основании наших данных, могут считаться многоязычными. Наряду с русским языком каждый из них на каком-то уровне владеет вепским языком. Респонденты группы малочисленных народов оценили свои устные навыки в вепском языке как достаточно хорошие, в то

время как письменные навыки в вепском языке не были очень хорошими (вопросы Q28-Q31). Чем старше были респонденты, тем лучше они оценивали свое владение вепским языком (устное). С другой стороны, самая молодая группа оценила свое знание литературного языка как самое лучшее среди всех возрастных групп. В этом также было видно сильное различие в уровне грамотности между респондентами в русском и вепском языках, что является результатом официального образования на русском языке. В целом, русский язык был явно самым сильным языком среди респондентов-вепсов: преобладающее большинство ответило, что они как письменно, так и устно владеют им в совершенстве. Совсем небольшое количество респондентов контрольной группы хорошо владеет английским языком (см.4.3.1.4).

Однако то, что с точки зрения стороннего наблюдателя выглядит двуязычием, не так легко определяется как двуязычие с точки зрения самих носителей языка. При указании родного языка довольно малый процент (16.4%) носителей отметил владение двумя языками как родными. Следовательно, большинство респондентов старались внести ясность о своем первом родном языке: 44.0% назвали только вепский язык как родной язык, 39.6% – только русский. Большинство респондентов контрольной группы были одноязычными (см. 4.3.1.1).

В личных сферах жизни респонденты могут пользоваться двумя языками, в то время как в официальных сферах жизни – только одним языком. Русский язык используется в каждой сфере жизни респондентов группы малочисленных народов. Использование вепского языка ограничивается неформальными личными сферами жизни: он в основном используется в общении с родственниками, дома или с друзьями и соседями. Однако даже в этих случаях используются часто два языка. Для официальных сфер жизни не характерно использование вепского языка. Английский язык не играет важную роль в жизни ни респондентов группы малочисленных народов, ни представителей контрольной группы (см. 4.3.1.4).

Использование языков в разных сферах жизни

Наше исследование показывает, что ситуация с использованием вепского языка в общинах сильно изменилась буквально в период жизни нескольких поколений. Меж- и внутр поколенное использование вепского языка сильно сократилось, в то время как роль русского языка значительно выросла. Существенное количество одноязычных вепских или двуязычных семей стали одноязычными со знанием русского языка. В вопросах Q10-Q11 и Q14-Q21 респондентов группы малочисленных языков попросили рассказать о меж- и внутр поколенном использовании языка в их собственных семьях. Большое количество респондентов сообщили, что в общении с ними их дедушки и бабушки использовали вепский язык. Обычно русским языком не пользовались. С бабушками и дедушками говорили на одном языке. Также вепский язык был в основном языком, на котором говорили и говорят родители респондентов между собой. При сравнении с ситуацией на данный момент можно отметить, что родители респондентов до сих пор говорят по-вепски со своими детьми, другими словами, с респондентами. В

настоящее время преобладающее большинство респондентов сообщают об использовании русского языка с родителями, особенно со своими отцами. Также роль русского языка как языка общения с братьями и сестрами значительно усилилась. На сегодня большое количество респондентов используют русский язык со своими братьями и сестрами. Также язык, которым обычно пользуются респонденты с супругами и детьми, снова русский. Даже большинство респондентов, указавшие единственным родным языком вепсский язык и имеющие детей, сообщили об использовании русского языка с ними (см. 4.3.1.2).

Респонденты-вепсы группы малочисленных языков предпочитают использование русского языка на всех медиаплатформах и во всех культурных мероприятиях. Как можно увидеть в разделе о СМИ (см. 4.3.3, вопрос Q62), респонденты группы малочисленных народов в основном используют вепсский язык только в рамках взаимодействия с традиционными СМИ: для просмотра телевизионных программ, прослушивания радиопрограмм, чтения газеты. Вепсский язык также может использоваться в песнях или чтении стихов, но не для создания текстов (Q63). Электронные СМИ на вепском языке используются очень редко. Однако респонденты группы малочисленных народов все же предпочитают использовать русский язык на всех представленных медиаплатформах для написания текстов, исполнения песен или чтения стихов. В русском обществе такой языковой выбор естественен: доступность русской платформы преобладает по сравнению с вепсской. Ответы респондентов контрольной группы относительно использования русского языка на разных медиаплатформах (в вопросе Q37) не отличались от ответов представителей группы малочисленных народов. Совсем незначительное отличие может объясняться разницей в методах отбора по возрасту и месту проживания (см. 4.3.3).

Отношение и восприятие языков и многоязычия

Представители группы малочисленных народов считают носителей вепского языка теми, кто обычно смешивает языки, считая, что существует чистая и правильная версия вепского языка, на которой обычно говорят пожилые люди. Большинство представителей группы малочисленных народов высказали мнение (в вопросе Q33) о том, что носители вепского языка обычно смешивают языки. Однако смешивание не оценивается положительно для общения в общине. Также оно зависит больше не от уровня образования, а от возраста носителя языка. Респонденты ответили, что пожилые люди – носители вепского языка – реже смешивают язык, чем молодые. Диалекты, на которых говорят пожилые люди, считаются чистой и правильной версией вепского языка, по мнению большинства респондентов (см. 4.3.1.8).

Отношение респондентов контрольной группы к языковому многообразию и вепскому и карельскому малочисленным народам в большой степени имело либеральный характер. В вопросе Q44 респондентов контрольной группы попросили высказать мнение о разнообразии языков в обществе. Многие респонденты при ответе на все вопросы были довольно толерантными по отношению к разнообразию и многоязычию. Однако в

большинстве случаев многие респонденты затруднились с ответом. 59.5% респондентов частично или полностью согласились с утверждением о том, что было бы хорошо, если бы русское общество было более разнообразным. Только 9.5% респондентов частично или полностью не согласились с этим утверждением. Большинство респондентов (57.6%) также посчитали приятным звучание разных языков в месте своего проживания. Опять же только 9.5% респондентов выразили мнение, что идея многоязычного соседства им неприятна. Большинство респондентов контрольной группы приветствуют идею проживания карелов и вепсов по соседству. 55.4% хотели бы иметь соседями носителей карельского языка и 51.2% – носителей вепского языка. Совсем незначительная часть (менее 7%) имела противоположное мнение, и многие (примерно 40%) не смогли ответить на этот вопрос. Большинство респондентов (примерно 50%) не согласились с утверждением, что Россия тратит слишком много денег налогоплательщиков на поддержку карельского или вепского языков. Достаточно многие (42.1% в обеих группах) не смогли ответить на этот вопрос. Интересно, что только примерно 7% посчитали государственную поддержку слишком щедрой.

Также восприятие интервьюируемых представителей малочисленных народов относительно многоязычия было позитивным.

(53) RU-VEP-IIAG3f:

no äi kelid om hüvä, nikelle ei telustand mitte-ni kel' ka, äikeline ozutab kuti mehen korktaha openduzehe

'Ну, много языков – это хорошо. Никому ведь язык не мешает, да, многоязычный выглядит как человек с высшим образованием'.

(54) Интервьюер 1:

a tarbiž-ik Venäman olda äikeline ili om-ik paremb olda üks'keline

'Должна Россия быть многоязычной, или лучше одноязычной?'

RU-VEP-IIAG3f:

okha linneb äikeline, mikš üks'keline, okha linneb äikeline, nece om

'Пусть будет многоязычной. Почему одноязычной? Пусть будет многоязычной,

Интервьюер 1:

a mikš äikeline

'А почему многоязычной'

RU-VEP-IIAG3f:

no nece om, Venäma om sur' i erazvuiččed palad oma erazvuiččed oblastid kuti eriži, okha

linneb nece erazvuittušt, nece om kuti kaikiden - - rahvhiden bohatuz, ei vaiše Venäman kaiken mirun bohatuz, okha linneba kaik keled

'Ну, это же Россия, есть разные части, области, как отдельно, пусть будет разница, это как богатство всех народов. Не только богатство России, а всего мира богатства, пусть будут все языки'.

(55) RU- VEP-IIAG5f:

nügüd' mö kaik olem korktad mel't, - - sikš ku tö olet kaks'keližed, tö voit olda korktad mel't

siš, sikš ku nügüd' mir om äikeline a tö olet ved' kaks'keližed, i nece om hüvä azj, a konz ristit vöi pagižeb äjil kelil ka minä dumain miše nece om lujas hüvä, - - minai mugoižed sebranikad

vai minun elos kaik nece kedä minä tunden, -- kaikuti heišäi sanub miše kut nece om hüvä miše sinä pagižed kahtel kelel, nece om hüvä

'Сегодня мы все гордимся. -- Потому что вы двуязычные, вы можете гордиться этим, так как в нынешнее время, когда мир многоязычен, и вы двуязычны. Это хорошо.

Когда человек говорит на многих языках, я думаю, что это очень хорошо. -- У меня есть такие друзья или в моей жизни все, кого я знаю, -- все они говорят, что хорошо, что ты говоришь на двух языках, это хорошо'.

Респонденты обеих групп – группы малочисленных народов и контрольной группы – высказывали сомнения относительно перспектив вепского языка. С другой стороны, высказывалось мнение, что русский и английский языки будут использоваться еще больше в следующие десять лет. Перспективы вепского языка считались очень неопределенными (в вопросах Q40 и Q24) респондентами обеих групп (как группы малочисленных народов, так и контрольной группы), в то время как большинство респондентов верит в увеличивающееся использование английского и русского языков (см. 4.3.1.8). В соответствии с данными следующих интервью, многоязычие в мире набирает силу. Сегодня английский язык играет очень важную роль, большое количество заимствований пришло из английского языка в русский и далее в вепский. Языки смешиваются, и этот процесс не остановить. Как говорится в следующих интервью, в этом процессе нет ничего негативного, если только вепский язык останется на своих позициях.

(56) Интервьюер 1:

no om-ik hüvä miše om ningoine tendencia, ili midä-ni hubad linneb neced

'Но есть ли что-то хорошее в том, что такая тенденция, или это принесет что-то плохое?'

Интервьюер 2:

necišpäi ku om äi kelid meiden elos

'Отсюда много языков в нашей жизни'

RU-VEP-FGAG2AG3-01F:

minä meletan nimidä hubad neciš ole, okha kaik bohatoitab meiden elod kaik keled, nu tariš tuga miše oliži tuga i vepsän kelel oliži ičeze sija neciš tulebas aigas

'Я думаю, в этом нет ничего плохого. Пусть это обогащает нашу жизнь, наши языки. Только так нужно, что и у вепского языка было свое место в будущем'.

RU-VEP-FGAG2AG3-03F:

ka minä meletan, nece om čoma, no pidäb muštta, miše ei kadoiži vepsän kel', ii segoiš -- nenihe surihe kelihe

'Я тоже думаю, что это хорошо, но нужно помнить, чтобы вепский язык не пропал, не смешался с этими большими языками'.

Респонденты обеих группы – группы малочисленных народов и контрольной группы – считают русский язык наиболее позитивным из всех сравниваемых языков, что доказывает престижность русского языка в обществе. В вопросах Q41-43 респондентам группы малочисленных языков и в вопросах Q25-28 респондентам контрольной группы были представлены некоторые языки с предложением оценить их с помощью 18 разных пар прилагательных. Эти двойные пары-противопоставления оценивали скрытое

отношение респондентов. Они показали, что респонденты группы малочисленных народов считают звучание русского языка в целом более позитивным, чем звучание вепсского языка. Как и ожидалось, респонденты контрольной группы оценили звучание русского языка как наиболее позитивного из всех представленных в вопросе языков (русского, английского, карельского и вепсского). Однако респонденты группы малочисленных народов охарактеризовали звучание русского языка даже более позитивным, чем сами респонденты контрольной группы, что показывает престижность русского языка в обществе. Английский язык считается динамическим и сильным языком представителями обеих групп, хотя он не получил такую высокую оценку, как русский язык (см. 4.3.1.8).

Восприятие многоязычия с официальной поддержкой

Респонденты обеих групп – группы малочисленных народов и контрольной группы – считают, что российское законодательство в какой-то степени поддерживает использование некоторых языков. Отношение представителей двух групп к языкам и носителям языков несколько отличалось. Как указано выше, респондентами обеих групп высказывалось мнение (в вопросах Q46 и Q33), что российское законодательство частично или полностью поддерживает использование многих языков, даже если общая идея законодательной поддержки языков была не совсем знакома респондентам. Большое количество респондентов не смогли высказать мнения по этому вопросу. Респонденты группы малочисленных народов (в вопросе Q50) видят отношение к языкам и носителям языков несколько по-другому, чем представители контрольной группы (в вопросе Q36). В то время как только 17.9% респондентов контрольной группы считали отношение неодинаковым, в группе малочисленных народов неодинаковым посчитали отношение 27.6% респондентов (см. 4.3.1.7.).

Как респонденты группы малочисленных народов, так и респонденты контрольной группы не были твердо уверены в том, существует ли законодательство, поддерживающее использование разных языков на рынке труда. Однако 40% респондентов группы малочисленных языков ответило, что такого законодательства нет. Респонденты контрольной группы считают преподавание национальных языков в школе важным. В вопросе Q51 респондентов группы малочисленных языков спросили о существовании законодательства, поддерживающего использование разных языков на рынке труда. Похожий вопрос (Q37) был адресован и респондентам контрольной группы. Большинство представителей группы малочисленных народов и контрольной группы не определились с мнением. Значительная часть респондентов группы малочисленных народов (40%) ответили, что в России такого законодательства нет. В свете данных русской контрольной группы, отношение к преподаванию языков малочисленных народов, таких как вепсский, оказалось либеральным (вопрос Q19). Большое количество респондентов контрольной группы считают, что преподавание национальных языков в школе важно. Несколько меньшее количество респондентов посчитали, что важно преподавать вепсский язык в школе (см. 4.3.1.7.).

4.3.2 Законодательство

Учитывая сложный и отчасти противоречивый характер языкового законодательства России (см. 4.1), нет ничего удивительного в том, что общие знания участвовавших в анкетировании представителей малочисленного вепского народа и доминирующего русскоговорящего населения о законодательстве или других нормативных актах кажутся довольно неопределенными (см. также 2.4.1). Вопросы (Q44–Q51) относительно законов были нацелены на определение отношения к языковому законодательству и осведомленности о нем. В случае с респондентами-вепсами мы не смогли в полной мере достичь нужной цели: комментарии респондентов показали, что обычно они не разделяют само законодательство и установленные структуры, политику и практические действия (такие как издание вепскоязычной газеты, преподавание в школе, СМИ на вепском языке). Однако необходимо принимать во внимание общий уровень осведомленности обычного человека о законодательстве в целом в любом обществе или языковой общине. По данным анкеты, большинство представителей-вепсов считают, что в какой-то степени их язык защищен законодательством. Однако те, кто действительно знаком с действующим законодательством, придерживаются того мнения, что на самом деле законодательство не имеет никакого влияния.

4.3.2.1 Поддержка или запрет использования языка

Большинство респондентов-вепсов знали или были уверены в том, что законодательство в какой-то степени поддерживает использование вепского языка. Респонденты контрольной группы не смогли сказать, оказывается ли вепскому языку поддержка со стороны законодательства или нет. 62% представителей группы малочисленных народов посчитали, что законодательство в какой-то мере поддерживает использование вепского языка. Однако большинство из них (40.1%) сообщили, что поддержка совсем небольшая (*vaiše vähäst* 'совсем чуть-чуть'). Только 8.6% придерживались того мнения, что законодательство совершенно не способствует использованию вепского языка (Q44).

Однако комментарии по данному вопросу показали, что действующее законодательство (не говоря уже об определенных законах) не так широко известно среди наших вепсов-респондентов. Большинство респондентов указали в качестве поддержки следующие сферы использования вепского языка в обществе: образование, СМИ. Такие комментарии выявляют определенное предположение о том, что норма использования вепского языка должна быть прописана и в законе. Напротив, некоторые респонденты, комментируя действующее законодательство, постоянно выражали свое разочарование относительно противоречий закона на бумаге и реального положения вещей: эти законы в принципе поддерживают использование вепского языка, но на практике делается очень мало для улучшения положения вепского языка.

(57) RU-VEP-II-AG5F:

täl aigal vepsän kel' om vähäluguižen rahvahan kel', muga meile sanutas, mijou om mugoine zakon Venänmal, vähäluguižiden rahvahiden kuti täht, i vepsläižed sinnä müluba, i vepsläižil völ oma mugoine pohjoizman rahvaz tägou mugažo Venämas, i sikš mijau pidäiži miše oliži mugoine eriline kaičend, no sidä ei le ((смеется))

'В наши дни вепсский язык – язык малочисленного народа, как у нас говорят, у нас есть такой закон в России, для малочисленных народов, куда относятся и вепсы. И у вепсов есть такой [статус] северных народов здесь в России. Поэтому мы должны быть под защитой, но ее нет'.

Еще один респондент говорит, что законы, которые должны поддерживать использование вепсского языка, очень мало значат, в то время как на практике инфраструктура вепсских деревень уничтожается.

(58) RU-VEP-64310657:

Zakonad om vepsän kelel polel, no kaiken soubatas (školad, medpunktad, bibliotekad i t.e.)

'Законы на стороне вепсского языка, но все закрывается (школы, медпункты, библиотеки и т.д.)'.

Только три человека назвали конкретные законы. Один раз был упомянут закон «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков республике Карелия» и два раза – закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Несмотря на то, что все респонденты-вепсы считали, что законодательство поддерживает их родной язык, они выразили меньше уверенности в том, запрещает ли законодательство использовать вепсский язык. Респонденты группы малочисленных народов отвечали на вопрос (Q45) о том, препятствует ли законодательство использованию вепсского языка. 39.8% респондентов не знали, как ответить на этот вопрос. Однако почти половина респондентов (48.5%) знали, что законы не препятствуют использованию вепсского языка. В основном, комментарии по данному вопросу сводились к общему утверждению о том, что вепсов и вепсский язык не поддерживают.

Большинство респондентов контрольной группы не могли дать точный ответ о том, поддерживает ли российское законодательство вепсский язык или нет. Также они не смогли сказать, препятствует ли законодательство использованию вепсского языка или нет. 54.8% респондентов контрольной группы не знали, поддерживает ли законодательство использование вепсского языка. Большинство тех, кто знал, считали, что поддержка оказывается: 11.2% ответили, что вепсский язык поддерживается полностью и 21.4% респондентов ответили, что он поддерживается частично. Как и респонденты группы малочисленных народов, большинство представителей контрольной группы не верили (вопрос Q32) в то, что российское законодательство препятствует использованию вепсского языка. 47.3% ответили, что законодательство не препятствует использованию языка. Другая часть респондентов в основном не знала, препятствует ли законодательство использованию вепсского языка или нет (46.3%).

Вопросы о поддержке или запрете использования языка были прокомментированы респондентами контрольной группы примерно так же, как и респондентами группы малочисленных народов. Многие перечислили сферы использования вепского языка (СМИ, издательства, школы) таким образом, как будто это доказывает, что язык поддерживается законодательством. Однако некоторые респонденты были знакомы с программами, направленными на поддержку языков малочисленных народов:

(59) RU-VEP-64351124:

На уровне правительства Карелии есть программа по поддержке и развитию карельского и вепского языков.

Половина респондентов-вепсов ответили, что законодательство поддерживает использование многих языков. Четверть респондентов (24.8%) считают, что законодательство поддерживает использование многих языков. Еще четверть респондентов (24.8%) сообщили, что законы на их территории поддерживают разные языки. Более одной трети респондентов не смогли точно ответить на этот вопрос (35.9%). Комментарии, оставленные респондентами к этим вопросам, опять показывают, что большинство на самом деле даже не думает о законодательстве. В комментариях были перечислены разные сферы, где используется язык (школа, библиотека, праздники). Следующий комментарий заставляет поднять вопрос о том, не является ли сама поддержка законодательством языка достаточно странной идеей для большинства респондентов:

(60) RU-VEP-64310862:

oma sekiad kus voib opeta erasid kelid. Festivalid, konkursad, kus voib tundistadas vepsidenke ked oleme.

'Есть разные секции, где можно учить разные языки. Праздники, конкурсы, где можно познакомиться с вепсами, кто мы есть'.

(Респондент: женщина 30-49 лет)

Учреждениями, которые респонденты назвали оказывающими содействие, являются региональные законодательные органы и комитеты по национальной политике.

Также респонденты контрольной группы считают, что российское законодательство в той или иной степени поддерживает использование нескольких языков. 43.5% ответили, что законодательство поддерживает владение и использование нескольких языков на территории их проживания. Только 13.0% ответили, что законодательство не оказывает содействия использованию нескольких языков. Однако среди представителей доминирующего народа количество неопределенных ответов было гораздо выше (43.5%) (Q33).

Больше половины респондентов-вепсов считали, что отношение к разным языкам и носителям этих языков одинаковое. Однако почти 30% респондентов высказали противоположное мнение. Более половины респондентов (55.8%) в вопросе Q50 сообщили, что в России отношение к разным языкам одинаковое. Однако почти треть представителей малочисленных народов (27.6%) ответила, что отношение неодинаковое.

Респонденты оставили комментарии по поводу отношения вепсов к представителям других национальностей и наоборот. Многие считают, что вепсы – очень дружелюбный народ по отношению к другим народам. Отношение к вепсам в комментариях было описано достаточно интересным образом. В некоторых комментариях было описано неодинаковое отношение:

- (61) RU-VEP-64315836:
kaikjal pagištäs vaise venäks
'везде говорят только по-русски'.
 (Респондент: женщина 18-29 лет)

Многие респонденты контрольной группы не могли оценить, одинаково ли относятся к разным языкам. 43.9% ответили, что они не знают, одинаково ли относятся к языкам и носителям языков. Остальная часть больше склонялась к тому мнению, что к разным языкам относятся одинаково: 30.2% считают, что отношение к языкам и их носителями не различается от языка к языку, 8.0% частично согласны с мнением, что отношение одинаковое. 17.9% ответили, что отношение к разным языкам и их носителям различно.

Респонденты-вепсы не считают, что законодательство России поддерживает использование разных языков на рынке труда. 40% респондентов ответили, что таких законов нет. Более половины респондентов (57.6%) не знали, есть ли такие законы. Следующий комментарий показывает, что в рабочей жизни от владения вепским языком очень мало пользы или нет совсем никакой:

- (62) RU-VEP -64324012:
om lujas jüged löüta radon ezmäižen kerdan. Tahtoizän rata vepsän kelenke, no om lujas žal, miše nügüd' om väha sijoid, kus pidaiži vepsän kelen tedo.
'Очень трудно в первый раз найти работу. Я бы хотела работать с вепским языком, но очень жаль, что сейчас очень мало мест, где нужно знание вепского языка'.

Чаще всего представители русской контрольной группы не имели четкого мнения о том, существует ли законодательство, способствующее использованию разных языков на рынке труда в России. Достаточно большое количество респондентов – 71.2% – сказали, что не знают, существует ли такое законодательство. 15.1% считают, что таких законов нет. Некоторые респонденты контрольной группы (13.7%) полагают, что такое законодательство существует.

4.3.2.2 Официальные тексты

Почти половина респондентов-вепсов не могли ответить на вопрос о том, есть ли законы на вепском языке. В вопросе Q47 респондентов группы малочисленных народов спросили о том, переведены ли законы (которые содействуют использованию вепского языка) на вепский язык.

Чуть более половины респондентов (53.4%) были осведомлены о том, что такие законы не переводились на вепсский язык. 43.2% респондентов не знали, существуют ли законы на вепском языке или нет. Некоторые респонденты (3.4%) заявили, что такие переводы существуют.

4.3.2.3 Образование и закон

Почти половина респондентов-вепсов не знали, существует ли законодательство, поддерживающее использование вепсского языка в процессе преподавания. Однако свыше половины респондентов знали о законах, говорящих о вепском языке в школе. Почти половина респондентов (46.5%) не смогли ответить на вопрос о том, существуют ли законы, поддерживающие вепсский язык как язык преподавания (Q48). 41.5% респондентов считали, что какие-то законы приняты. 12.0% респондентов придерживались мнения, что такого законодательства нет.

В вопросе Q49 респондентов спросили о существовании законов о вепском языке в школе. Более половины респондентов знали о таком законодательстве. Достаточно большое количество респондентов (34.1%) знали о законодательстве, регулирующем вопрос преподавания вепсского языка в школе. 22.4% респондентов считали, что есть какие-то законы.

Респонденты группы доминирующего языка тоже отвечали на вопрос (Q35) о том, существуют ли законы о преподавании вепсского языка в школе. Большинство респондентов контрольной группы (66%) не знали, есть ли такое законодательство. 20.5% считали, что есть какие-то акты. Некоторые комментарии показали, что респонденты осведомлены о существовании закона об образовании, так как они знают, что вепсский язык преподается в некоторых школах и университете. Другие респонденты придерживались мнения, что в законе прописан региональный компонент (этнокультурный компонент).

4.3.3 Медиа

Существование СМИ

Вепсский язык чаще всего используется в традиционных СМИ: на телевидении, радио и в газетах. Использование электронных СМИ на вепском языке очень редко. В вопросе Q62A респондентов спрашивали об использовании вепсского языка в разных СМИ. На вепском языке пишут в традиционных СМИ, и все равно количество респондентов, использующих его каждый месяц или чаще, составляет менее 40%. Телевидение является наиболее популярным СМИ на вепском языке, почти треть респондентов (33.5%)

заявили¹⁹, что смотрят программы на вепском языке каждую неделю. Примерно одна треть респондентов (32.9%) сказали, что читают газету на вепском языке раз в месяц. Это естественно, так как Kodima издается один раз в месяц, это единственная вепскоязычная газета. Немногим менее четверти респондентов ответили, что они слушают радио (23.8%) на вепском языке как минимум раз в неделю. По словам следующего информанта, пожилые люди в деревнях были бы рады слушать радио, но только у единиц есть радио.

(63) RU-VEP-IIAG4-01f:

vepsäks pidäb midä-se hot', da vot radio om vähil, vähil ristituil, -- nu vot rouhad-se navetaze radio i kuleba i otaze mel'he, no äjil ei ole

‘Что-то должно быть по-вепски, да вот радио есть очень у немногих людей. Ну вот пожилые-то любят радио и слушают и запоминают, но не у многих есть’.

Чтение книг однозначно является не самой популярной деятельностью среди респондентов, потому что на вепском языке опубликовано не так много книг: 38.8% респондентов могут читать книги на вепском языке, и 61.2% сообщили, что никогда не делают этого. Также 26.2% ответили, что читают реже, чем раз в месяц. Респонденты сообщили, что электронные СМИ на вепском языке используют очень редко. Нужно, конечно, заметить, что вепскоязычного интернета или интерактивных игр и т.д. почти нет.

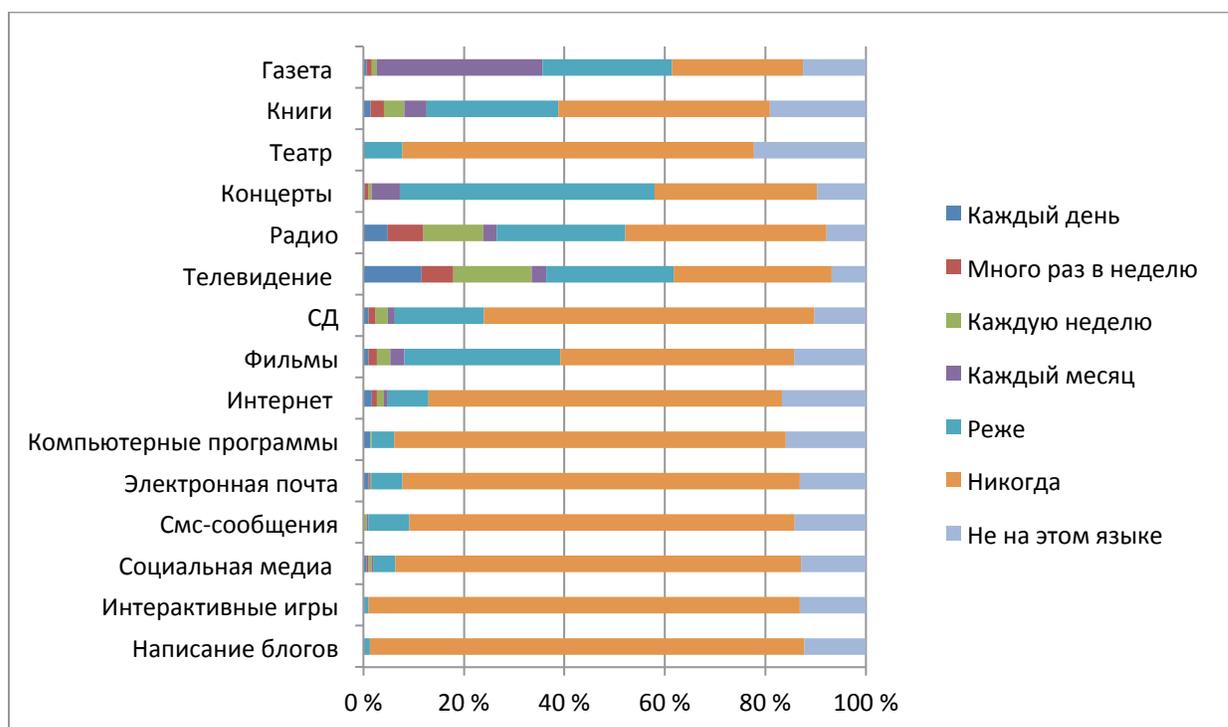

Рис. 28: Использование вепского языка в разных СМИ, (Q62A)

¹⁹ Однако в этом вопросе, должно быть, было какое-то недопонимание: 25% респондентов группы 65+ сообщили, что они смотрят по телевизору программы на вепском языке каждый день. Это невозможно, так как программы на вепском языке выходят один раз в неделю (см. 4.2)

На частоту использования вепскоязычных телевидения, радио и газет однозначно влияет разница в возрасте. Чем старше респонденты, тем больше они пользуются такими изданиями. Однако самая младшая группа (18-29) сообщила об использовании таких изданий чаще, чем возрастная группа 30-49.

Респонденты группы малочисленных народов предпочитают использовать русский язык на всех медиаплатформах. Контраст между использованием вепского и русского языков четко прослеживается при сравнении диаграмм 28 и 29. 61.8% респондентов сообщили о чтении газет на русском языке каждый день. Это очевидно, так как все издания, выходящие каждый день, русскоязычные. Также подавляющее большинство респондентов группы малочисленных языков (93.8%) сообщили о просмотре русскоязычных телевизионных программ каждый день. В обществе, в котором живут респонденты, такой языковой выбор очень естественен: русскоязычных книг, газет, телевизионных и радиопрограмм, интернета, компакт-дисков и т.д. намного больше, чем вепскоязычных продуктов.

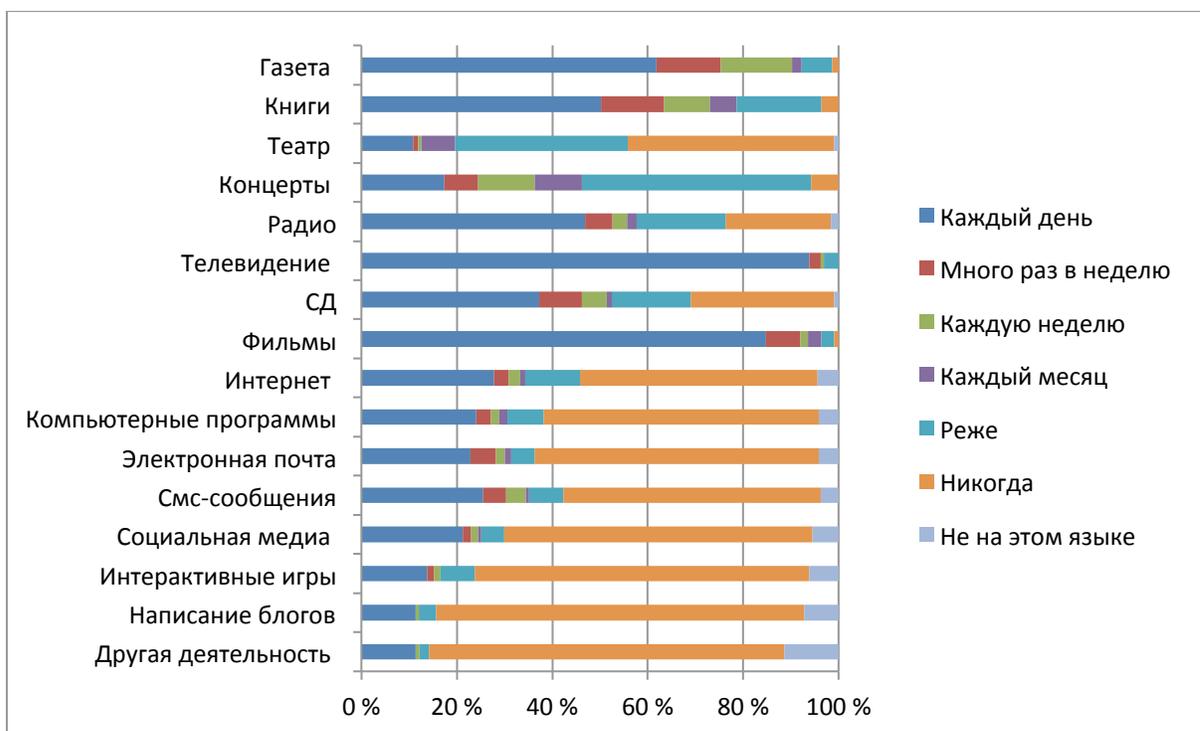

Рис. 29: Использование русского языка в разных СМИ, изучение ситуации у вепсов, Q62B

Данные об использовании русского языка на разных медиаплатформах среди представителей контрольной группы не сильно отличается от данных группы малочисленных языков. Значительной разницы в использовании русского языка на различных медиаплатформах между вепским меньшинством и представителями контрольной группы не наблюдается. Фактически такого рода вопросы обычно говорят

нам не о языковом выборе респондентов, а чаще об использовании определенных изданий. Однако респонденты контрольной группы сообщали об использовании новых источников, таких как интернет-издания, программы и компакт-диски, несколько чаще, чем респонденты-вепсы. Но снова необходимо принять во внимание разницу в распределении возраста и места проживания респондента-вепса. Также это различие частично объясняется социодемографическим распределением.

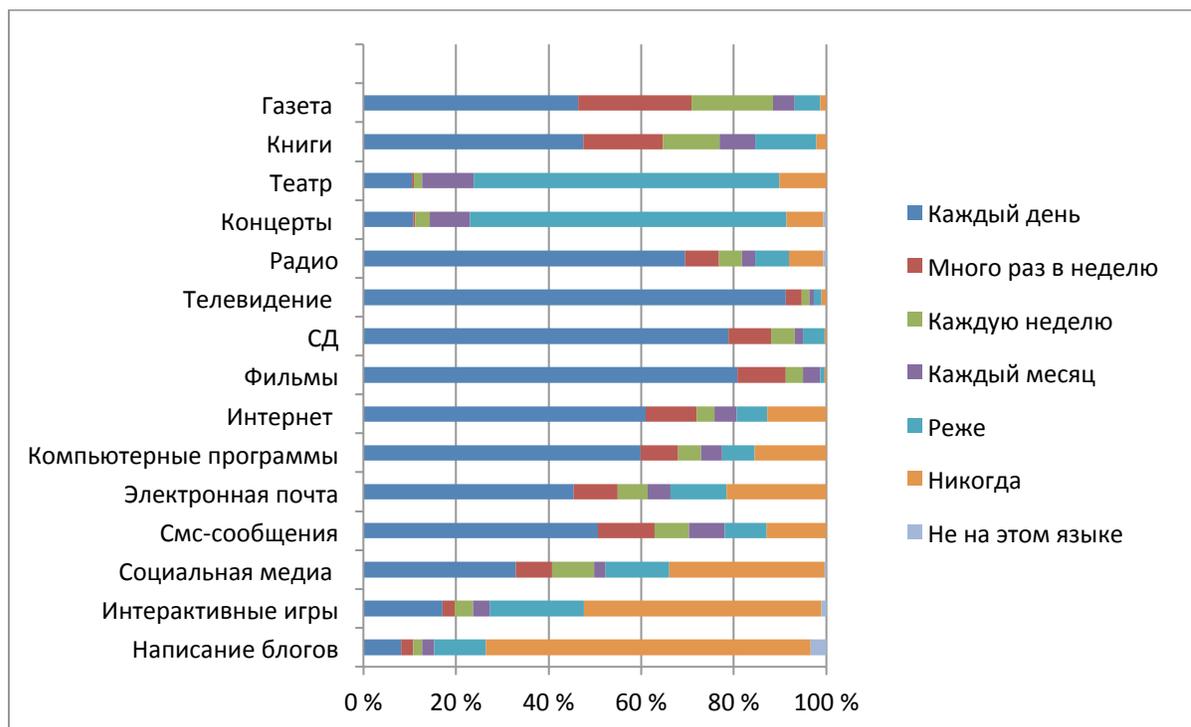

Рис. 30: Использование русского языка в разных СМИ, контрольная группа (Q47)

Активное использование языков (написание текстов) и продуктов культуры

Вепсский язык может использоваться в песнях или стихах, но обычно на нем не пишут тексты. Респондентам был задан вопрос об активном использовании вепсского языка для написания текстов и создания продуктов культуры (Q63A). Как выясняется, вепсский язык очень редко используется для написания текстов. Как можно увидеть в таблице 31, только небольшая часть респондентов использует вепсский язык для написания писем (2.7%), дневников (3.1%), текстов (5.1%), сочинения песен (1.7%) или выступления в театре (5.5%) как минимум раз в месяц. Количество респондентов, использующих вепсский язык для пения песен (20.3%) или прочтения стихов (11.8%) как минимум раз в месяц, было несколько выше.

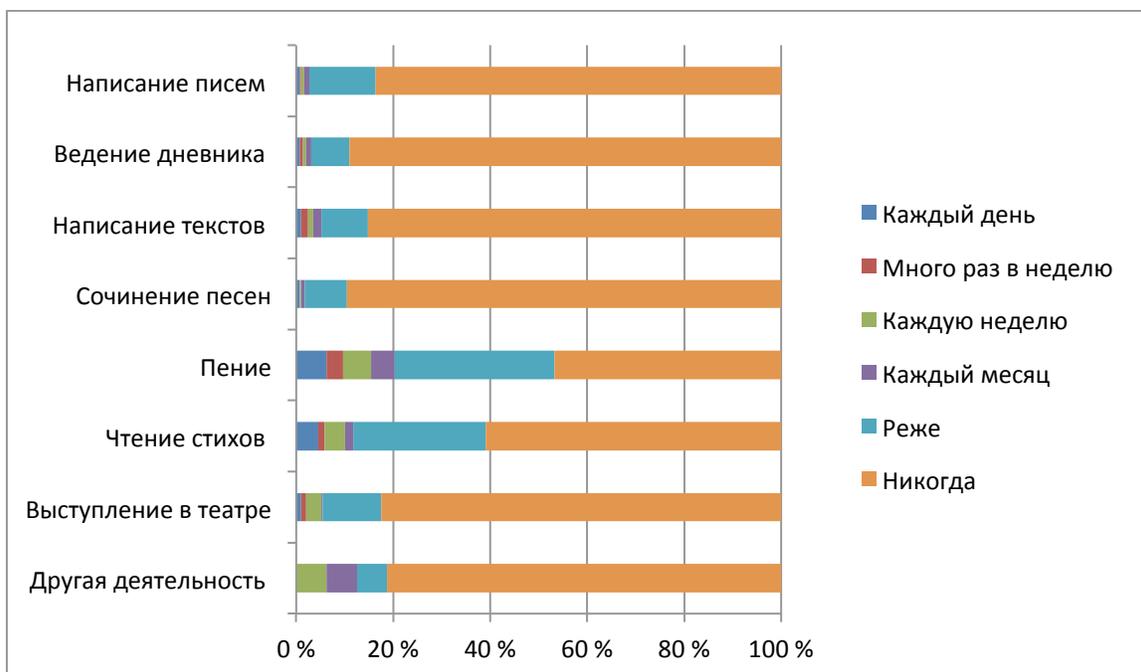

Рис. 31: Активное использование вепсского языка в сфере культуры (Q63A)

Респонденты-вепсы предпочитают использовать русский язык, когда пишут тексты, поют песни или декламируют стихи. Очевидно, что деятельность по написанию текстов и сочинению песен в принципе не является обычной. Поэтому нам необходимо провести сравнение между использованием русского и вепсского языков, чтобы отразить картину активного использования двух языков. В таблицах 31 и 32 показано количество представителей группы малочисленных народов, которые предпочитают использовать русский язык в такой же деятельности. Например, хотя только 2.7% респондентов сообщили об использовании вепсского языка как минимум каждый месяц при написании писем, количество респондентов, использующих русский язык, было в десять раз больше – 27.5%. Также только 20.3% респондентов использовали вепсский язык как минимум раз в месяц при пении, в то время как количество респондентов, использующих русский язык, было в два раза выше - 42.9%.

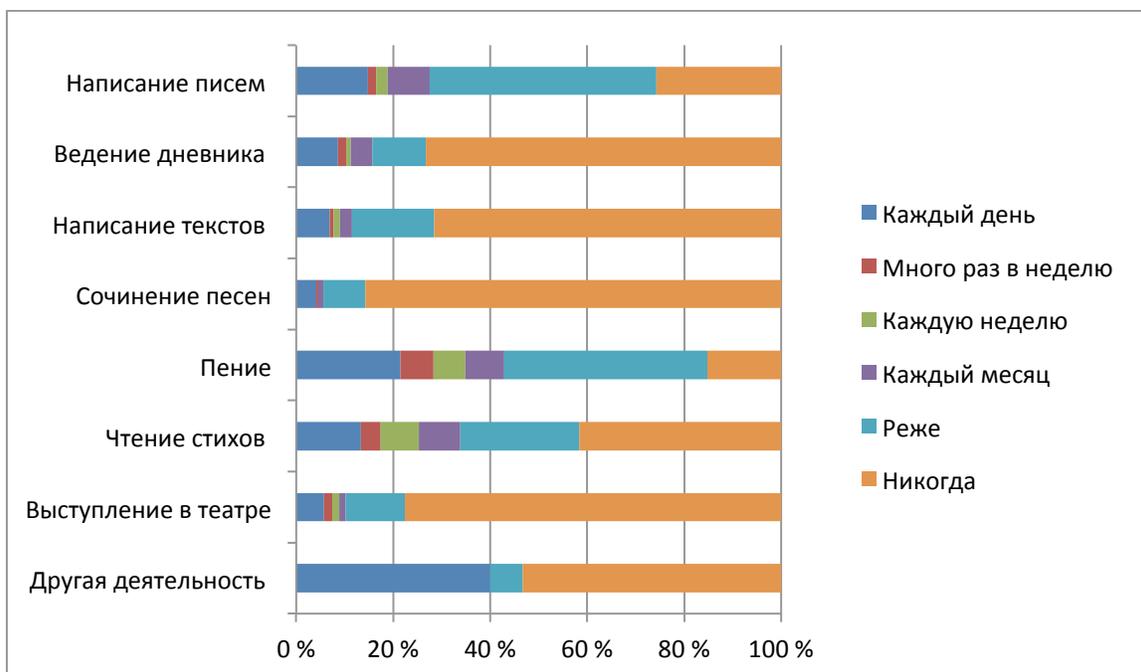

Рис. 32: Активное использование русского языка в сфере культуры, исследование ситуации у вепсов (Q63B)

4.3.4 Образование

Владение языком

Большое количество респондентов (87.5%) изучали вепсский язык только дома. Только 10.3% респондентов получили образование на вепсском языке в школе, в университете или на языковых курсах. Количество респондентов, учивших вепсский язык дома и в школе, составило всего 4.3%. Это понятно, учитывая возраст респондентов, так как вепсский язык преподавался в школе только в короткий период времени в 1930-е годы (см. 2.2.1, 2.4.3, 2.5.1).

Из следующих интервью видно, что начальный уровень владения языком студентами, изучающими вепсский в школе, год за годом становится все ниже. Вепсский язык преподается только в школе, но дома на нем не говорят и не учат ему в детских садах. Ученики не могут получить хорошие языковые навыки дома, и им приходится учить все с самых азов в школе.

(64) Интервьюер 1:

a školnikoiš om vöi ken-ni ken mahtab i el'gendab vepsäks ili pagičeb

'А есть среди школьников, кто умеет говорить и понимает по-вепски или говорит?'

RU-VEP-IIAG4-01f:

oi minä en teda, voib olda kahcendas klassas ken-se vot el'gendab, mikš mise, babad vöi ota vepsäd i erased vanhembad pagičtaze, a pened, minä en teda, vaise erased sanad voib olda el'getaze, no da kaikuččen vodenke d'ügedamba, mise laps' tezi midä-ni enamba.

‘А я не знаю. Может быть, в восьмом классе кто и понимает, почему нет, бабушки еще есть вепские и некоторые родители говорят, а молодые, я не знаю, только некоторые слова, может быть, понимают, да с каждым годом все труднее, чтобы ребенок знал что-то больше’.

RU-VEP-II Инветрюер1:

mhm, a min täht om jügedamb kaikuččen voden

‘Хм, а почему труднее с каждым годом?’

RU-VEP-IIAG4-01f:

kodiš ii pagiškoj, päivkodiš ei opekoj, vaise školas i vaise urokoil, kodiš erased nimidä ei tehkoj a pidäb kaikuččen sanan pähä otta i opeta sana

‘дома не говорят, в садике не говорят, только в школе и только на уроках, дома некоторые ничего не делают, а надо ведь каждое слово взять и запомнить’

Другая проблема состоит в том, что литературный язык, которому учат в школе, сильно отличается от диалектов, которым учат дома или в детском саду.

(65) RU-VEP-IIAG5-01f:

sadikos opetaze miide, miide kel't, ka meide pagin. a ezmeižehe klassaha tuleba, i pagin d'o literaturnova jazyka

‘В садиках учат наш, наш диалект. А в первый класс приходят, и язык уже литературный’.

Примерно одна треть респондентов (37.0%) не учили русский язык дома (Q9). Только некоторые респонденты (15.9%) сообщили, что учили русский язык дома и в учебных заведениях. Количество респондентов, сообщивших об изучении русского языка дома, составило 47.1%. Однако эти цифры не означают, что респондент учил русский язык дома и больше нигде. Когда задается такой вопрос, респонденты обычно думают о месте, где они учат язык в первую очередь. Обычный респондент не думает об изучении языка в процессе школьного образования, ведь русский язык преимущественно является языком преподавания и обучения в России, так что могут быть респонденты, которые не посчитали нужным упомянуть то, что они также обучались на русском языке.

Язык преподавания

Преподавание на вепском языке длилось всего несколько лет в 1930-х годах. Поэтому только несколько респондентов (0.7%-1.7%) сообщили о том, что они обучались в школе на вепском языке.

Следующий респондент обсуждает вепский язык как язык преподавания.

(66) RU-VEP-IIAG5-01f:

miše ope-, ka ka, pagištoiš kaiken aigan vepsän kelel i nastavnic, - - nastavnic kaiken aigan pagišiž, i kaiken aigan, miše hänel venäkel't hö ii kultaiš

‘что учи -, да, да, говорили всегда по-вепски и учитель - - учитель всегда говорил, и всегда, по-русски от нее не слышали’.

Совсем небольшая часть респондентов указала финский или английский язык как один из языков преподавания. В начальной школе упомянутыми языками преподавания были финский (на основании данных от 11 респондентов) и английский (5 респондентов). В

качестве языка преподавания в средней школе назывался также английский (4 респондента) и финский (1 респондент). Очевидно, что некоторые более старшие респонденты, получившие образование на финском языке, должны были ходить в школу во время второй мировой войны и финской оккупации в 1941-1944. В то время, а также раньше, до 1937 года, в школах в районе проживания вепсов в Шелтозере и республике Карелия языком преподавания был финский (см. 2.2.2), см. (Austin 2009: 20–60; Sarhima 1999: 35–41; Мусаев 2007: 80-83).

Девять из десяти респондентов не получали образование на вепском языке в школе.

Большинство респондентов не получали образование на вепском языке в подготовительной группе детского сада (93.8%), в начальной школе (87.8%) или средней школе (86.8%). Лишь несколько респондентов учили вепский язык в подготовительной группе детского сада (6.2%). Количество респондентов, сообщивших, что они получали образование на вепском языке в начальной школе (12.2%) или средней школе (13.2%), было несколько больше.

(67) RU-VEP-II-AG5F:

konz mö, kaks'kümne vot tagaze NN:nke olem tehnujed mugoižen programman miše udessündutada kelid, vepsän i karjalan kelt, siloi mö kirjutim miše pidäb levenzoita vepsän kelen i karjalan kelen kävutand školas, ozutesikš voiži pajočas tehta vepsän kelel, pirdandčas voiži tehta, - - fizkul'turan urok voiži tehta mugžo, vepsän kelel, no necida ei tehtud, nece jäi kuti poles, no nece toiži vepsän kel'he ut elod, ut hinged

‘Когда мы, двадцать лет назад, с NN сделали такую программу, что возродить языки, вепский и карельский, тогда мы писали, что нужно расширить использование вепского и карельского в школе, например, можно было бы сделать уроки пения на вепском, рисования можно было сделать - - уроки физкультуры можно было бы сделать на вепском языке, но этого не сделали, осталось наполовину, но это принесло бы вепскому язык новую жизнь, новый дух.’

Несколько противоречивым представляется то, что респонденты единодушны во мнении, что вепский язык должен использоваться в системе образования (см. 4.3.1.8), но в реальной жизни немногие родители выбирают для своих детей вепский язык. В следующем интервью видно, как молодые родители не всегда понимают причину изучения вепского языка в школе, так как вепский язык используется только в сельской жизни, а в других сферах им не пользуются. Если у родителей есть выбор, они предпочитают выбрать английский язык.

(68) Интервьюер:

voiži-k tehta školas vepsän grupan, kenespäi ripub miše ii tehta

‘Можно сделать в школе вепскую группу, от кого зависит, что не делать’

RU-VEP-IIAG3f:

norile mamoiile i tatoile, konz sanuba tahtod-ik sinä miše sinun laps' opendaiži kel't, hö sanuiba, ku hot' hö oma vepsläižed i babad. hö sanuba mikš, min täht nece kel'. kel' meide vepsän kel' tariš küläs, a muite nikuna ei tari. i hö ku linneb valičuz anglian kel' opendaškandeb laps' vai vepsän kel', kaik sanuba anglian kel't. mikš lapsele vepsän kel'

'для молодых мам и пап, если спросить, хотите ли вы, чтобы ваш ребенок изучал язык, они отвечают, хоть они и сами вепсы и бабушки. Они говорят: «зачем, для чего этот язык? Нам вепсский нужен в деревне, а в других местах не нужно. И когда нужно выбирать английский язык или вепсский изучает ребенок, все говорят английский. Зачем ребенку вепсский язык...»'

В настоящее время большинство молодых людей, которые изучают вепсский язык в университете, не знали языка в детстве. Хотя довольно многие из них имеют вепские корни:

(69) RU-VEP-IIAG3f:

vähä om nügüd' niid ken mahtaba pagišta, ked tuleba kelenke universitetha, enamban tuldäs, ei tekoi niüht vaihed, no äjil oma vól vot vepsläižed jured, - - nu vot mugoine melentartuz' om

'Сейчас мало тех, кто умеет говорить, кто приходит в университет, зная язык, больше приходят, не знают ни одного слова, но у многих вепские корни - - Но вот такой интерес есть'.

5 Барометр жизнеспособности конкретного языка

Конечный продукт проекта ELDIA, Барометр жизнеспособности европейского языка (EuLaViBar), будет создан на основе отчетов и анализа данной конкретной ситуации. Для этого жизнеспособность конкретного языка, являющегося предметом изучения, иллюстрируется лепестковой диаграммой. Идея и дизайн барометра и лепестковой диаграммы являются результатом длительного обсуждения и коллективной работы с участием многих членов консорциума ELDIA. (Планирование барометра было начато Ярмо Лайнио, дизайн лепестковой диаграммы впервые был предложен и в черновом варианте выполнен Сиа Спилиополу-Акермарк и далее разработан Катариной Целлер, а лепестковые диаграммы в их нынешней форме, в частности количественная оценка результатов анкетирования, в значительной степени, основаны на дизайне анализа данных, разработанном Аннели Саримаа и Евой Кюхирт.)

В следующем разделе основные выводы нашего исследования проанализированы и обобщены в рамках четырех приоритетных зон (Способность (*Capacity*), Возможность (*Opportunity*), Стремление (*Desire*), Языковые продукты (*Language products*)), принципы анализа данных ELDIA см. в главе 3.6. Сначала дается визуальное представление результатов (лепестковая диаграмма), или Барометр жизнеспособности для вепсского языка в России. Расчеты и лепестковая диаграмма были подготовлены Кари Дьерфом и Евой Кюхирт.

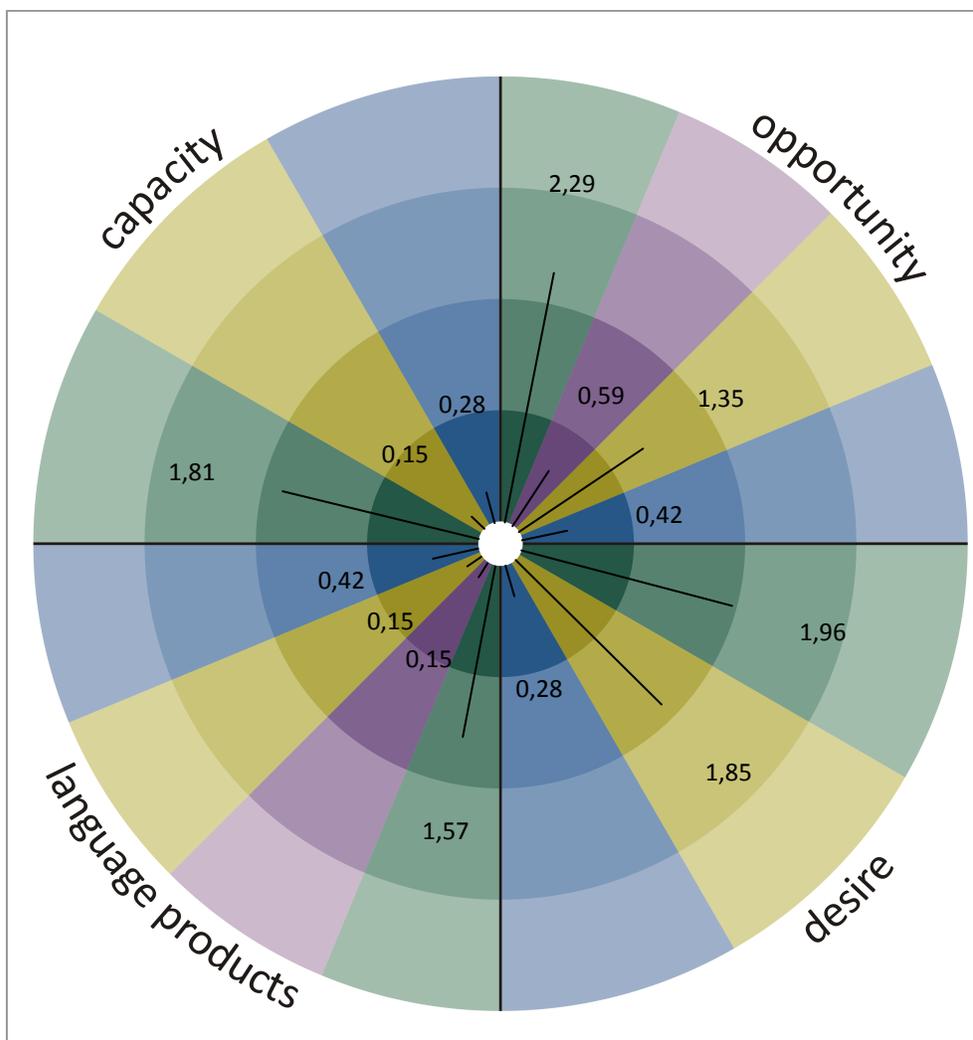

Рис. 33 Барометр жизнеспособности вепского языка в России

Четыре параметра — Использование языка и языковое взаимодействие, Образование, Законодательство, СМИ — изображены четырьмя различными цветами. Отметим, что в секторах «Возможность» и «Стремление» имеется только три области (нет Образования). Поскольку некоторые значения оказались очень низкими, было решено, что линии будут начинаться не из центра, а из внутреннего круга. Это улучшает читаемость графиков.

Ниже приведены цвета, используемые для каждого параметра, а также цвета, используемые для каждого уровня.

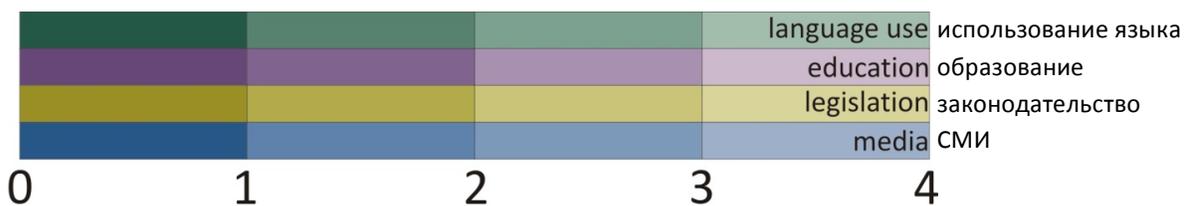

Рис. 34 Легенда для EuLaViBar

Барометр жизнеспособности европейского языка является инструментом для измерения жизнеспособности языков меньшинств. Это делается путем определения тех условий, которые угрожают сохранению изучаемого языка, тех, которые способствуют его сохранению, а также тех, которые должны быть улучшены в целях поддержки сохранения изучаемого языка. Барометр включает в себя существенные компоненты четырех различных уровней: приоритетные зоны (уровень 1), которые включают несколько измерений (уровень 2); измерения, которые были проанализированы с использованием тщательно выстроенного набора переменных (уровень 3); и значения (уровень 4) переменных, которые определялись в соответствии со следующей системой оценки: (см. 3.6 выше).

Уровень	Описание
0	Сохранность языка находится в критическом состоянии, язык под серьезной угрозой исчезновения. Язык «помнится», но не используется спонтанно в активной коммуникации. Его использование и передача следующему поколению официально не защищены и не поддерживаются. Не поощряется изучение и использование языка детьми и молодежью. → Необходимы срочные и эффективные меры по возрождению языка для предотвращения его полного исчезновения и для восстановления его использования.
1	Сохранность языка находится в ситуации острой опасности. Язык используется в активной коммуникации по крайней мере в некоторых случаях, однако проблемы с его использованием, поддержкой и / или передачей оказываются столь серьезными, что использование языка может полностью прекратиться в обозримом будущем. → Необходимы немедленные эффективные меры по поддержке и поощрению использования языка для его сохранения и активизации.
2	Сохранность языка находится под угрозой. Использование и передача языка уменьшается, даже прекращается в некоторых контекстах или у некоторых групп говорящих. Если эта тенденция сохранится, в более отдаленном будущем использование языка может полностью прекратиться. → Должны быть приняты эффективные меры для поддержки и поощрения использования и передачи языка.
3	Сохранность языка до некоторой степени достигнута. Язык официально поддерживается и используется в различных контекстах, а также выполняет ряд функций (помимо главной и последней сферы употребления, такой как

дом и семья). Язык часто передается следующему поколению, и многие носители могут и готовы развивать устойчивые модели многоязычия.

→ Принятые меры по поддержке и сохранению языка, по-видимому, оказались успешными и должны быть поддержаны и продолжены.

- 4 Сохранность языка в настоящий момент поддерживается. Язык используется, поощряется его употребление в широком диапазоне контекстов. Язык, по-видимому, не находится под угрозой: ничто не указывает на то, что (значительное количество) носителей языка откажутся его использовать и передавать следующему поколению, пока его социальная и институциональная поддержка остается на нынешнем уровне.

→ В долгосрочной перспективе необходимо контролировать языковую ситуацию и поддерживать использование языка.

5.1 Способность

В EuLaViBar приоритетная зона «Способность» соотносится с субъективной способностью использовать вепсский язык и уверенностью в себе носителей вепсского языка при его использовании. Средний балл для первого параметра *Использование языка и языковое взаимодействие* несколько выше (1,81), чем средние баллы для двух следующих параметров – *Законодательство* (0,15) и *СМИ* (0,28), но все баллы ниже отметки 2 в нашей системе масштабирования. Другими словами, в соответствии с первым средним баллом, имеются явные признаки того, что даже среди наших избранных респондентов языковой сдвиг, очевидным образом, продолжается; в соответствии с двумя последними средними баллами, вепсский язык находится под серьезной угрозой исчезновения.

Использование языка и языковое взаимодействие

Результат поддержан качественными результатами исследования. Низкий балл за *Использование языка и языковое взаимодействие* сложился из многих различных переменных. Во-первых, он является следствием нынешней ситуации меж- и внутри-поколенного использования вепсского языка. Наше исследование показало, что по-вепски говорят в основном с бабушкой и дедушкой. Раньше говорили также с родителями, но теперь ситуация изменилась: старшие поколения уходят, и поколений, способных использовать вепсский язык, стало меньше. По-вепски больше не говорят с детьми, и детей больше не поощряют его использовать. Наиболее распространенным языком в семьях является русский язык. Во-вторых, по данным исследования, оценка респондентами своих навыков в письменном языке была не очень высока. Лишь немногие респонденты были способны читать или писать по-вепски, хотя большинство из них оценили свои навыки устной речи довольно высоко. В-третьих, большинство наших респондентов призналось, что использовать вепсский язык в большинстве ситуаций

повседневной жизни непросто. В-четвертых, вепсский язык используется, в основном, в неформальных, частных сферах жизни: дома, с родственниками, с друзьями и соседями, но не в официальных ситуациях. Подавляющее большинство (около 90%) респондентов сообщили, что никогда не использовали вепсский язык в церкви, в библиотеке или при взаимодействии с органами государственной власти.

Законодательство

Средний балл по законодательству в приоритетной зоне «Способность» основывался на том, существуют ли юридические тексты, переведенные на язык меньшинства. Балл рассчитывался на основе «языковой уверенности в себе» респондентов, то есть по количеству респондентов, которые считали, что такое законодательство существует, независимо от того, основано ли это мнение на реальных фактах или нет. В нашем исследовании средний балл по законодательству был очень низким (0,15).

Однако есть несколько фактов, которые должны быть приняты во внимание. Во-первых, средний балл вообще не учитывал ответ «Не знаю», что может ввести в заблуждение, так как почти половина вепсских респондентов (43,2%) как раз затруднились ответить на этот вопрос. Во-вторых, большинство респондентов (53,4%) знали, что соответствующие законодательные акты не переводились на вепсский язык. Другими словами, большинство респондентов были осведомлены о сложившейся ситуации. Однако балл учитывал лишь тех 10 респондентов, которые (ошибочно) считали, что такое законодательство существует или частично существует на вепском языке. Расчет этого балла, по-видимому, основан на предположении, что языковая компетенция респондентов так или иначе коррелирует с их верой в наличие законов на их языке. Это предположение является проблематичным; возможно, было бы важнее отметить, что большинство респондентов были хорошо осведомлены о том, что ни один законодательный текст не доступен на вепском языке.

Средства массовой информации

Параметр СМИ был также оценен очень низко (0,28). Средний балл был основан на сообщениях респондентов об использовании ими средств массовой информации и на активном использовании вепсского языка в культурных контекстах. С одной стороны, результат достаточно хорошо поддерживается качественными результатами исследования. Лишь менее 40% респондентов используют вепсский язык по крайней мере ежемесячно даже при взаимодействии с традиционными СМИ. Электронные средства массовой информации используются значительно меньшим числом респондентов. Кроме того, респонденты не слишком активно используют вепсский язык для создания текстов и другой культурной продукции. С другой стороны, мы не должны интерпретировать результаты таким образом, будто респонденты имеют слишком низкую компетенцию или уверенность в себе для того, чтобы пользоваться вепскими СМИ. Как отмечалось в главе 4.2, доступность вепских СМИ невелика: до сих пор газета Kodima выходила только один раз в месяц, а радио и ТВ-программы транслировались лишь пару раз в неделю. Таким образом, количественные данные о потреблении СМИ отражают не непосредственно компетенцию носителей языка, а малую доступность средств массовой информации.

5.2 Возможность

«Возможность» в качестве приоритетной зоны EuLaViBar соотносится с теми институтами (законодательными, образовательными и т.д.), которые позволяют, поддерживают или запрещают использование вепсского языка. Этот термин относится к фактически существующему положению вещей и, таким образом, не учитывает желание исправить ситуацию.

Средний балл для первого параметра «Использование языка и языковое взаимодействие» оказался наибольшим (2,29) в пределах приоритетной зоны, а также на лепестковой диаграмме в целом. Средний балл параметра «Законодательство» был немного выше (1,35), чем средние баллы для параметров «Образование» (0,59) и «СМИ» (0,42). И все же это ниже уровня 2 в нашей системе масштабирования. Иными словами, в соответствии со средним баллом по использованию языка и языковому взаимодействию, имеются явные признаки того, что даже среди наших избранных респондентов языковой сдвиг, очевидно, продолжается. Три других средних балла указывают на то, что вепсский язык находится под серьезной угрозой исчезновения.

Использование языка и языковое взаимодействие

Данный результат поддерживается эмпирическими результатами исследования. Довольно низкий средний балл (2,29) по использованию языка и языковому взаимодействию объясняется взаимодействием нескольких различных переменных. Во-первых, в течение многих десятилетий вепсский язык официально отсутствовал в системе образования. Во-вторых, большинство респондентов (75,2%) сталкиваются с трудностями при использовании вепсского в своей повседневной жизни (см. 4.3.1.4.), поскольку вепсский язык может использоваться только в нескольких сферах частной жизни, а не в публичных сферах, таких как больницы, суд, официальные учреждения, политика и т.д. В-третьих, по-прежнему остается нерешенной задачей развитие вепсского языка для того, чтобы он мог соответствовать социальным и общественным потребностям общества.

Образование

Как можно видеть на лепестковой диаграмме по вепсскому языку, параметр «Образование» в рамках приоритетной зоны «Возможность» набрал лишь 0,59. Низкий средний балл был получен из-за того, что овладение вепсским языком происходит в основном в домашних условиях и не существует никакого институционального обучения вепсскому языку. Вепсский не используется в качестве языка обучения, и даже если язык преподается, то это, как правило, факультативный предмет.

Законодательство

Параметр «Законодательство» в приоритетной зоне «Возможность» получил 1,35, это довольно низкий балл. Конституционный статус вепсского языка определяется как в Конституции Российской Федерации (1993), так и в Конституции республики Карелия (2001). В республике Карелия языковые права вепсов также определены в законах об

образовании, в законах о культуре и в законе о государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков. Кроме того, права вепсского языка регулируются различными законами, которые защищают культуры, языки, традиционный образ жизни и окружающую среду коренных народов в России.

Однако в России законы, регулирующие использование языков и обучение языкам, являются сложными и отчасти противоречивыми. Например, Закон о государственном языке Российской Федерации (2005 г.) определяет сферы, где использование государственного языка, русского, является обязательным (статья 3), и подчеркивает особую роль русского языка, при этом отдельно указывается, что использование русского литературного нормированного языка находится под защитой.

Подводя итог, можно утверждать, что, даже если и существует законодательство, которое позволяет или поддерживает использование вепсского языка, то есть возможности носителей вепсского языка могут быть хотя бы частично удовлетворены законодательством, такие законы не всегда приводятся в действие.

Средства массовой информации

Параметр «СМИ» в приоритетной зоне «Возможность» получил очень низкий балл (0,42). Средняя оценка была основана на возможности опрошенных использовать различные типы СМИ. Даже традиционные средства массовой информации не имеют прочной базы на вепском языке. Продолжительность и частота выхода телевизионных и радиопрограмм не являются достаточными, печатные СМИ не публикуются ежедневно или даже еженедельно, в отличие от печатных СМИ на языке большинства. Возможности использования электронных средств массовой информации на вепском языке очень малы, эти СМИ доступны в основном образованной молодежи.

5.3 Стремление

Стремление как приоритетная зона EuLaViBar соотносится в нашем исследовании со стремлением и готовностью вепсов использовать вепский язык. Стремление также находит свое отражение в отношении к языку, а также в эмоциях, возникающих при использовании вепсского языка. В целом, приоритетная зона «Стремление» получила достаточно высокий балл. В этой приоритетной зоне средний балл по первому параметру «Использование языка и языковое взаимодействие» оказался наибольшим (1,96). Средний балл по параметру «Законодательство» также оказался достаточно высоким (1,85), тогда как средний балл по параметру СМИ снова был очень низким (0,28). Другими словами, в соответствии со средними баллами по первым двум параметрам, существуют явные признаки, указывающие на то, что даже среди наших избранных респондентов языковой сдвиг, очевидно, продолжается. В соответствии с третьим средним баллом, вепский язык подвергается серьезной опасности.

Использование языка и языковое взаимодействие

Параметр «Использование языка и языковое взаимодействие» приоритетной зоны «Стремление» получил балл 1,96, что выше, чем у некоторых других параметров, но все же ниже 2. Низкая средняя оценка возникла из многих различных переменных. Во-первых, несмотря на сильное стремление вепсов идентифицировать себя в качестве вепсов и использовать вепсский язык, язык не всегда используется при взаимодействии. Язык потерял свои позиции в семье и больше не используется между поколениями или в одном поколении. Люди сталкиваются со многими трудностями при использовании вепсского языка, даже если имеют стремление это делать. Их компетенция в вепсском языке оказывается недостаточной, особенно когда речь идет об использовании письменного языка. Областей использования вепсского языка очень мало и, как правило, они ограничены сферой частной жизни. Использование вепсского языка детьми больше не поощряется родителями. Родители, вероятно, не считают изучение вепсского важным, поскольку никто не получает непосредственных выгод от знания языка меньшинства, в особенности когда речь идет о рынке труда.

Законодательство

Параметр «Законодательство» в приоритетной зоне «Стремление» набрал балл 1,85, который, по-прежнему, не высок. Средний балл был основан на впечатлении респондентов о существующем законодательстве, касающемся вепсского языка в Российской Федерации, или на их отношении к нему. Общее знание о законодательстве и о других нормативных актах оказалось весьма расплывчатым у респондентов вепсского меньшинства. Большинство респондентов знают, что их язык так или иначе защищен законом, связывают много ожиданий и стремлений с эффективностью этого законодательства. В то же время многие из них знают, что законы не имеют никакого реального влияния на фактическую ситуацию.

СМИ

Параметр «СМИ» в приоритетной зоне «Стремление» получил очень низкий балл (0,28). Средний балл был основан на сообщениях респондентов об использовании ими СМИ. Однако следует отметить, что респондентов не спрашивали прямо об их желании или готовности использовать вепсский язык в при взаимодействии с различными СМИ. В данном случае респонденты не имеют возможности делать реальный выбор между вепскими и русскими СМИ, так как вепские СМИ вряд ли им доступны.

5.4 Языковая продукция

Языковая продукция, как приоритетная зона EuLaViBar, соотносится в нашем исследовании с наличием языковой продукции (включая печатную, электронную, а также «эмпирическую» продукцию, например, концерты, спектакли, представления) и спросом на нее, а также со стремлением иметь эту продукцию на вепсском языке. В целом, приоритетная зона «Языковая продукция» получила невысокий балл. В этой приоритетной

зоне средний балл по первому параметру «Использование языка и языковое взаимодействие» оказался наивысшим (1,57). Средние баллы по трем другим параметрам оказались очень низкими: «Образование» – 0,15, «Законодательство» – 0,15, СМИ – 0,42. Другими словами, в соответствии с первым средним баллом, существуют явные признаки того, что даже среди наших избранных респондентов языковой сдвиг, без сомнения, продолжается. Остальные три средних балла показывают, что вепсский язык подвергается серьезной опасности.

Использование языка и языковое взаимодействие

Параметр «Использование языка и языковое взаимодействие» в приоритетной зоне «Языковая продукция» набрал 1,57, что является довольно низким баллом. Средняя оценка составлена из многих различных переменных. Во-первых, по данным нашего исследования, у вепсов есть спрос на уже существующую, но еще редкую языковую продукцию, такую как телевизионные программы, интернет и обучение языку. Обслуживание в больнице на родном языке также рассматривается как важное. Однако респонденты не посчитали важным использование вепсского в более формальных ситуациях и в правительственных учреждениях. Спрос, в действительности, отражает существующую сложившуюся ситуацию использования вепсского языка в этих областях.

Образование

Как можно увидеть на лепестковой диаграмме вепсского языка, параметр «Образование» в приоритетной зоне «Языковая продукция» был оценен в 0,15 балла. Такая низкая средняя оценка возникла в основном по причине того, что преподавание вепсского языка все еще является недостаточным. Язык в основном преподается в качестве факультативного предмета, а не является языком преподавания. Однако подавляющий процент (90,1%) респондентов (см. 4.3.1.4) согласны или частично согласны с тем, что вепсский язык следует использовать в системе образования. Другими словами, имеется чрезвычайно сильное стремление ввести вепсский язык в сферу образования.

Законодательство

Средний балл по «Законодательству» в приоритетной зоне «Языковая продукция» основывался на существовании или отсутствии юридических текстов по многоязычию, переведенных на язык меньшинства. Балл рассчитывался на основе уверенности респондентов, другими словами, по количеству респондентов, которые считали, что такое законодательство существует, независимо от того, основано ли это мнение на реальности или нет. В нашем исследовании средний балл по «Законодательству» был очень низким (0,15).

Однако низкий средний балл можно интерпретировать с двух различных точек зрения. С одной стороны, респондентов прямо не спрашивали об их желании иметь законодательную продукцию или услуги на вепсском языке. Таким образом, эта оценка не должна интерпретироваться таким образом, будто респонденты не желают иметь такую продукцию или услуги. С другой стороны, этот балл демонстрирует сложившуюся

ситуацию: законодательных документов, касающихся использования языков, в переводе на вепсский язык не существует.

СМИ

Параметр «СМИ» в приоритетной зоне «Языковая продукция» также получил очень низкий балл (0,42). Средний балл основывался на наличии различных видов СМИ на вепсском языке. Даже традиционные средства массовой информации не являются широко доступными по-вепсски. Продолжительность и частота трансляции телевизионных и радиопрограмм являются недостаточными, печатные СМИ публикуются не ежедневно и даже не еженедельно, в отличие от печатных СМИ на языке большинства. Электронные средства массовой информации на вепсском языке довольно скудны и доступны в основном образованной молодежи. Эту низкую оценку не следует интерпретировать в том смысле, что респонденты не хотели бы иметь такие продукты или услуги на вепсском языке, поскольку подсчет делался только на основании наличия средств массовой информации на вепсском языке. Носители вепсского языка не имеют настоящего выбора между вепскими и русскими СМИ.

5.5 Жизнеспособность языка меньшинства

Вепсский язык, распространенный в России, без всякого сомнения, находится на грани исчезновения. Как показывает барометр, значения различных параметров четырех приоритетных зон никогда не превышают цифры 3, что означало бы более безопасную ситуацию сохранности языка меньшинства и его статуса в обществе. Напротив, почти все параметры четырех приоритетных областей оказываются ниже отметки 2.

Все четыре приоритетные зоны получили аналогичные баллы: параметр «Использование языка и языковое взаимодействие» получил более высокий балл, чем другие параметры. Если сравнивать приоритетные области между собой, окажется, что зона «Стремление» получила сравнительно неплохой балл. То, что область «Использование языка и языковое взаимодействие» является наиболее важной во всех приоритетных зонах EuLaViBar, подчеркивает тот факт, что общественная поддержка вепсского языка в форме законодательства, образования (поддерживаемого государством) и СМИ очень слаба. Если также принять во внимание избранный характер наших респондентов, ситуация, касающаяся способности и готовности использовать вепсский язык, выглядит еще хуже. Как показывают данные переписи населения 2010 г., число тех, кто идентифицирует себя как вепс, и тех, кто имеет какую-то компетенцию в вепсском языке, резко уменьшилось всего за восемь лет. В настоящее время тех, кто в графе «национальность» указал, что он вепс, стало на 28,3% меньше; 60% из этих людей указали, что владеют вепским языком.

6 Выводы

Межпоколенное использование вепсского языка, очевидно, неуклонно уменьшается. Доля родителей, говорящих по-вепски со своими детьми, резко сократилась в более молодых поколениях. В настоящее время подавляющее число родителей говорит со своими детьми по-русски. Роль вепсского как языка межпоколенного общения также уменьшилась, в то время как роль русского языка возросла. Сейчас с братьями и сестрами, а также с супругами, как правило, говорят на русском языке. Представляется, что бабушки и дедушки, в особенности со стороны матери, остаются важным звеном, передающим язык следующим поколениям.

В отличие от данных переписей и предыдущих оценок, наши вепсские респонденты оценили свою компетенцию в устной речи достаточно высоко: 60% респондентов заявили, что владеют устным вепским хорошо или свободно. Это достаточно точно соответствует числу тех, кто сообщил, что владеет вепским как первым языком. Чем старше респондент, тем выше он(а) оценивал(а) свое владение устной речью. Как и предполагалось, несмотря на хорошее владение устным языком, навыки в письме и чтении по-вепски у наиболее пожилых респондентов не были свободными. Наиболее высоко оценили свои навыки в письменном языке представители самого молодого поколения. У вепсских респондентов наиболее сильным языком является русский: девять из десяти считают, что свободно владеют русским на любом уровне. Большинство респондентов ответили, что в большинстве жизненных ситуаций вынуждены «сражаться» с вепским языком (т.е. на нем говорить трудно).

Скрытое отношение к языку значительно отличалось от того отношения, которое носители вепсского языка высказывали вслух. Звучание русского языка рассматривалось более позитивно, чем звучание вепсского. При этом по мнению наших вепсских респондентов русский язык звучал даже лучше, чем по мнению респондентов контрольной группы.

Вепсский язык используется в основном в неформальных сферах. В официальных сферах использование вепсского не поощряется, в то время как русский стремится доминировать во всех сферах жизни респондентов из группы вепсского меньшинства. Вепсский язык используется в образовании, в печатных СМИ, на радио и телевидении, однако в общественных сферах, в больницах, в рекламе, в суде и в политике он используется чрезвычайно редко. Наши вепсские респонденты предпочитают русские СМИ всех типов. Вепсский язык чаще всего используется в традиционных СМИ: в теле- и радиопрограммах, в газетах. В электронных СМИ вепсский язык используется очень редко. Владение вепским языком чаще всего не рассматривается как дополнительное преимущество на рынке труда, в то время как знание русского языка является очень важным при поиске работы.

Респонденты из вепсского меньшинства были прекрасно осведомлены об организациях и отдельных людях, которые развивают вепсский язык, как и о попытках сохранить этот язык. У респондентов имелось твердое убеждение, что существует правильный, «чистый» вариант вепсского языка, на котором, как считается, говорят пожилые вепсы. Однако некоторые респонденты связывали правильный язык с литературной нормой. Отношение группы русского большинства к преподаванию языков меньшинств, таких как вепсский, было либеральным. Большинство респондентов из группы меньшинства знали или предполагали, что существует некая законодательная поддержка использования вепсского языка. Однако комментарии, сделанные по этому поводу, показывают, что реальное законодательство — не говоря о конкретных нормативных актах — не получило широкой известности среди вепсских респондентов.

Респонденты из группы вепсского меньшинства рассматривали будущие перспективы вепсского языка с большой долей неуверенности. Напротив, большинство из них считают, что в ближайшие десять лет возрастет употребление русского и английского языков. В свете данных, полученных в нашем исследовании, а также по показаниям барометра жизнеспособности вепсского языка имеются все признаки того, что даже у наших избранных респондентов языковой сдвиг, очевидно, продолжается. Точнее, они показывают, что вепсский язык подвергается серьезной опасности исчезновения.

Источники

- АЛПАТОВ, Владимир Михайлович. (1997). *150 языков и политика: 1917–1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства*. Москва.
- Е. В. БОГДАНОВА, З. И. СТРОГАЛЬЩИКОВА. (2008). Вепсы Республики Карелия: правовой статус. In Strogaľšikova (2008d). 7–23.
- БОГДАНОВ. (1957). История развития лексики вепского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинград.
- Бойнич, В. & Е. Богданова. (2008). Республика Карелия. / *Многоязычие в России: региональные аспекты*. Москва. Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества. С. 25-32.
- БУБРИХ Д.В. (1947). *Происхождение карельского народа*. Петрозаводск, ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО КАРЕЛО—ФИНСКОЙ ССР, 1947; см. также в книге: Бубрих Д.В. *Прибалтийско-финское языкознание: избранные труды*. / Под ред. Г. М. Керта, Л. И. Сувиженко. СПб: СПбГУ, 2005. С. 345-379.
- ВИНОКУРОВА, Ирина. (2003): Календарные праздники и обряды. In Клементьев Е. И. & Шлыгина Н. В. (отв. ред.) *Прибалтийско-финские народы России*. Москва: Наука. 437–448.
- ЕРЕМЕЕВ, А.В. (2007). Еремеев А.В. Карельский язык в электронных средствах массовой информации // *Развитие карельского языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы*. Материалы Республиканской научно-практической конференции 26-27 июня 2007 года. Петрозаводск, 2007, С. 32-33.
- ЖУКОВА О. Ю. (2008). О подготовке специалистов по вепскому языку в ГОУ ВПО РФ "Петрозаводский государственный университет". In СТРОГАЛЬЩИКОВА (2008d). 170–174.
- ЗАЙЦЕВА М., Муллонен М.И. (1972). *Словарь вепского языка*. Ленинград: Наука.
- ЗАЙЦЕВА, Нина (2002) *Вепский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование*. Петрозаводск: Периодика.
- (2003а) Вепский язык. In Клементьев Е. И. & Шлыгина Н. В. (отв. ред.) *Прибалтийско-финские народы России*. Москва: Наука. 349–352.
- (2007) Опыт и проблемы языкового планирования у вепсов. In Синисало-КАТАЙСТО & Хямяляйнен 2007: 126–153.
- ЗАЙЦЕВА, Н. & Муллонен, М. (2007, 2009) *Русско-вепский словарь*.²⁰ Петрозаводск : Периодика.
- ЗАЙЦЕВА Н., ЖУКОВА О. (2009). *Русско-вепский разговорник*. Петрозаводск : Периодика.
- ЗАЙЦЕВА Н.Г., ХАРИТОНОВА Е.Е., ЖУКОВА О.Ю. (2012). *Орфографический словарь вепского языка (Vepsän kelen orfografine vajehnik)*. [науч. ред. С. А. Мызников]. Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории. Петрозаводск: Периодика.

²⁰ <http://illhportal.krc.karelia.ru/publ.php?id=4257&am>

- КЛЕМЕНТЬЕВ Е. (2003). По следам языкового законотворчества. In *Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов*. Бюллетень № 48. Март-апрель 2003. 20–23.
- (2005). Метаморфозы закона «Об образовании». In *Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов*. Бюллетень № 63, сентябрь-октябрь. М, 2005. 14–16.
- (2008). Об особенностях российской этнополитики. In *Международный семинар «Международные нормы и законодательство Российской Федерации в области сохранения языка и культуры, традиционного образа жизни, природопользования коренных народов: Норма. Теория. Практика» (25–27 ноября 2008 года)*. Петрозаводск, 2008. 111–116.
- КЛЕМЕНТЬЕВ, Е. И. (рук.), А. А. КОЖАНОВ, З. И. СТРОГАЛЬЩИКОВА (сост.) (2007). *Вепсы: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов*. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории КНЦ РАН, 2007.
- Конституция Российской Федерации (Constitution of Russian Federation) <http://www.constitution.ru/> (read 30th June 2010). *Финно-угорские и самодийские народы России. Статистический сборник*. (2006). Сыктывкар: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми.
- Красная книга языков народов России : энциклопедический словарь-справочник. (1994) [главный редактор В. П. Нерознак]. Москва: Akademia.
- ЛАПИН, ВИКТОР. (2007). Шимозеры – трагедия диалекта. In Sinisalo-Katajisto & Hämäläinen. 95–106.
- МУЛЛОНИН, ИРМА. (2007). Етнокультурный потенциал вепсской топонимии. In In Синисало-КАТАЙСТО & Хямяляйнен 2007: 3–56.
- МУЛЛОНИН М. (2007). Вепские языковые материалы в архиве Карельского научного центра. In Синисало-КАТАЙСТО & Хямяляйнен 2007: 31–38.
- МУСАЕВ, ВАДИМ. (2007). Прибалтийско-финское население Северо-Запада России и советская национальная политика в 1920–1930-гг. In Синисало-КАТАЙСТО & Хямяляйнен 2007: 76–94.
- МЫЗНИКОВ, С. (2007) Вепский язык: настоящее и будущее. In Синисало-КАТАЙСТО & Хямяляйнен 2007: 154–163.
- НОВОЖИЛОВА, Е.М. (2006). Переключение кодов в речи современных носителей вепсского языка. In Винокурова И. Ю. (отв. ред.) *Современная наука о вепсах: достижения и перспективы*. Петрозаводск. 135–163.
- ПИМЕНОВ В.В. (1965). *Вепсы*. Ленинград.
- ПИМЕНОВА, СТРОГАЛЬЩИКОВА, СУРХАСКО (1989). *Проблемы истории и культуры вепсской народности*. Петрозаводск.
- Письменные Языки. (2003). *Письменные языки мира: Языки Российской Федерации*. Социолингвистическая энциклопедия, Книга 2. Москва, Академия, 2003, р. 215-216.
- РЯМЕНЕН Л.В. (2007). Информация о состоянии национальных СМИ в Республике Карелия // *Развитие карельского языка в Республике Карелия: состояние, проблемы,*

- перспективы*. Материалы Республиканской научно-практической конференции 26-27 июня 2007 года. Петрозаводск, 2007. С. 65, р. 66.
- СИНИСАЛО-КАТАЙСТО, ПЕТРА и ЭДВАРД ХЯМЯЛЯЙНЕН (ред.) (2007). *Вепсы и этнокультурные перемены XX века*. *Studia Slavica Finlandensia*, tomus XXIV. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies.
- СТРОГАЛЬЩИКОВА, З. И. (1989). Об этнографических тенденциях социально-экономической культурной развитии вепсской народности. In ПИМЕНОВА, СТРОГАЛЬЩИКОВА, СУРХАСКО (1989). 27–42.
- (1992) Языковая политика в Карелии и судьба коренных народов. In *Материалы к серии «Народы и культуры»*. Вып. XVI. *Карелы. Финны. Проблемы этнической истории*. Москва. 4–15.
- (2005a) Päätyykö vepsäläisten historiallinen taival? In Saressalo (2005a). 211–235.
- (2005b) Vepsän kieli muutosten kynnyksellä. In Saressalo (2005). 171–180.
- (2005c) Формирование правовой базы по преподаванию прибалтийско-финских языков. In *Бубриховские чтения. Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии*. Петрозаводск. 270–288.
- (2006) Вепсы: этнодемографические процессы прошлое и настоящее. In Винокурова И. Ю. (отв. ред.) *Современная наука о вепсах: достижения и перспективы*. Петрозаводск. 378–412.
- (2008a) *Вепсы. Истрико этнографичекий очерк*. Bibliotheca Fenno-ugrica. Периодика: Петрозаводск.
- (2008b) Вепсы. На пути к правовому статусу. In Strogal'sikova (2008d). 23–49.
- (2008c) Вепсы на рубеже XX и XXI веков по данным официальной статистики и социологических исследований. In Strogal'sikova (2008d). 57–108.
- (2008d) (Научный редактор): *Вепсы: на рубеже XX и XXI веков. По материалам межрегиональной научно-практической конференции «Вепсы – коренной малочисленный народ Российской Федерации: перспективы сохранения и развития» (Петрозаводск, 24–25 апреля 2008 года)*. Петрозаводск, 2008.
- (2008e) *Vepsäläized*. Periodika: Petrozavodsk.
- (2009) Прощай, школа. In *Российские вестни*, 1–8 июля 2009.
- Финно-угорские и самодийские народы России. Статистический сборник*. (2006). Сыктывкар: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми.
- AUSTIN, PAUL (2009). *The Karelian Phoenix*. *Studies in Languages* 45. Joensuu: Joensuun yliopisto.
- BRODSKI, IGOR. (2002). *Kalarand*. Kuhmo: Juminkeko.
- BRANCH, MICHAEL. (1973). A. J. Sjögren. *Studies of the North*. Suomalais-ugrilaisen seuran toimitteita 152. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
- ETHNOLOGUE = <http://www.ethnologue.com>
- FISHMAN, JOSHUA A. (1991). *Reversing Language Shift*. Clevedon, Avon: Multilingual Matters.
- FISHMAN, J. A. (ed.) (2001). *Can threatened languages be saved? Reversing language shift, revisited: A 21st century perspective*. Clevedon: Multilingual Matters Ltd.

- FOGELKLOU, ANDERS. (Forthcoming). *Legal and Institutional Framework Analysis: Karelian, Veps and Seto in Russia*. Publications of the ELDIA-project. (WPELD)
- GAZZOLA, M. & GRIN, F. (2007). *Assessing efficiency and fairness in multilingual communication*. AILA Review 20, 87-105.
- GINIJATULLINA M., ZAJCEVA N., MULLONEN M. (2001). *Školvaihišt*. Petroskoi: Periodika.
- GINIJATULLINA M., ZAJCEVA N., MULLONEN M. (2001). *Lingvistine termišt*. Petroskoi: Periodika.
- GINIJATULLINA M., HARITONOVA J., ZAJCEVA N., MULLONEN M. (2004). *Vepsän kelen uz' vaihišt*. Petroskoi: Periodika.
- GLEBOVA, OLGA. (2001). Kertomus tutkimusmatkasta Itä-Vepsään. In *Journal of the Finno-Ugrian Society*, 89, 250–253. Helsinki: Finno-Ugrian Society.
- GRIN, F. (2006). Economic considerations in language policy. In: Ricento, T. (ed.) *An Introduction to Language Policy. Theory and Method*, 77-94. Oxford: Blackwell Publishing.
- GRÜNTAL, RIHO. (1997). *Livvistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnonyymit*. Castrenianumin toimitteita 51. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
- (2007a). Вепсский язык и первые шаги прибалтийско-финского языкознания. In Sinisalo-Katajisto & Hämäläinen. 11–30.
- (2007b). Finnic languages and Baltic Sea language area. – *Incontri linguistici*, vol. 30. Pisa Roma. 29–48.
- (2009). Kieliyhteisön rapautuminen ja kielellisen identiteetin muutos: 2000-luvun ersämordvalaiset ja vepsäläiset. In Anna Idström, Sachiko Sosa (eds.), *Kielissä kulttuurien ääni*. Tietolipas 228. Helsinki. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 265–289.
- (2011). Demographic change, the decrease of Veps language community and eroding identity. In Riho Grünthal, Magdolna Kovács (ed.), *Ethnic and Linguistic Context of Identity: Finno-Ugric Minorities*. Uralica Helsingiensia 5. Helsinki: Finno-Ugrian Society. 267–292.
- HEIKKINEN, KAIJA. (1998). Vepsäläisten etninen identiteetti ja ongelmallinen julkisuus. In Hakamies, Pekka (ed.) *Ison karhun jälkeläiset*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 697. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 141–159.
- (2006). *Metsänpelko ja tietäjänaiset. Vepsäläisnaisten uskonto Venäjällä*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 1081. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- ILLH 2006 = Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН <http://illhportal.krc.karelia.ru/section.php?plang=r&id=79> (updated 3rd August 2006, read 22nd March 2010).
- ITKONEN, TERHO. (1971). Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty. – *Virittäjä*, vol. 75. Helsinki: Kotikielen seura. 153–182.
- JOALAI, MARJE. (1998). Vepsäläisten asuma-alueet ja niiden hallinnollinen jako kautta aikojen. In Leena Nissilä (ed.) *Suomen kielen päivä 13. november 1997*. Tallinn: Tallinna pedagoogikaülikool. 10–33.
- (www) Vepslastest ja vepsa keelest. <http://www.fennougria.ee/public/joalaid-vepslastest-oige.pdf>. Read 1.2.2013.
- KAPPELER, ANDREAS. (2001). *The Russian Empire: a Multiethnic History*. Harlow, England: Pearson Education.

- KARJALAINEN, HEINI, PUURA, ULRIKKA, GRÜNTAL, RIHO & SVETLANA KOVALEVA. (Forthcoming): *Karelian language in Russia. ELDIA Case Specific Report*. Publications of the ELDIA-project. (WPELD)
- KAZAKEVITCH, OLGA. (2002). Education of indigenous minorities of Russia in the 1930s and in the 1990s: mother tongue at school. – Kazuto Matsumura (ed.) *Lectures on Language Situation – Russia, Estonia, Finland*. ICHEL Linguistic Studies Vol. 6. Tokyo: University of Tokyo. 1–34.
- KRAWCZYKIEWICZ, A. (1972). Zapożyczenia rosyjskie w języku wepskim. *Acta Philologica* 5. Warszawa. 39–129.
- KETTUNEN, LAURI. (1943). *Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus*. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia 86. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
- KOČERINA J. (2004a). *Opendam vepsän kel't*. Petroskoi: Periodika.
- (2004b). *Vepsän kelen radlehtik. 2. klass*. Petroskoi.
- KOČURKINA, SVETLANA. (2005). Ves ja vepsäläiset – huomioita muinaiskansan vaiheista. In Saressalo 2005. 25–28.
- KUKOJEVA N., GINIJATULLINA M. (2007). *Vepsän kel' 1*. Petroskoi: Periodika.
- (2007). *Radlehtik 1. klassale*. Petroskoi: Periodika.
- (2009). *Vepsän kel' 2*. Petroskoi: Periodika.
- KURS, OTT. (2001). The Vepsians. An administratively divided nationality. – *Nationalities Papers* 29, 1/2001. Routledge. 69–83.
- LAAKSO, JOHANNA. (2001). The Finnic languages. In Östen Dahl & Maria Koptevskaja-Tamm (eds.) *Circum-Baltic Languages. Volume 1: Past and Present*. Studies in language companion series 54. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins. 179–211.
- LAINEN, ANTTI. (2001). “Where East meets West: The last stand of Finns and Karelians in contemporary Karelia. – *Nationalities Papers* 1/2001. Routledge. 53–67
- LALLUKKA, SEPPO. (1990). *The East Finnic Minorities in the Soviet Union. An Appraisal of the erosive trends*. Suomalaisen tiedeakatemia toimituksia. Series B, tom. 252. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia.
- (2000). Luoteis-Venäjän etnisen kartan kehityspiirteitä vuoteen 1959. In Timo Vihavainen & Irina Takala (ed.) *Yhtä suurta perhettä. Bolševikkien kansallisuuspolitiikka Luoteis-Venäjällä 1920–1950-luvuilla*. Helsinki: Aleksanteri-instituutti. 51–76.
- (2001). Finno-ugrians of Russia: Vanishing cultural communities? - *Nationalities Papers*, Vol 29, No. 1. Routledge. 9–39.
- (2006). *Venäjän suomalais-ugrialaisten ja samojedikansojen tilastoa*. Helsinki: Venäjän ja Itä-Euroopan instituutti.
- LEHTINEN, TAPANI. (1985). Venäjän verbisemantiikkaa itämerensuomessa: karjalan ja vepsän inkoatiiviverbit.– *Sananjalka* 27 s. Turku: Suomen kielen seura. 63–84.
- (1990). Venäjän aspektien heijastumia vepsän verbijärjestelmässä. In Sari Vaula (ed.) *Läänemeresoome keelekontaktid*. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 61. Helsinki. 59–68
- MALAKHOV, VLADIMIR & OSIPOV, ALEXANDER. (2006). The Category of ‘Minorities’ in the Russian Federation: A Reflection on Uses and Misuses. In Sia Spiliopoulou Åkermark (ed.):

- International Obligations and National Debates: Minorities around the Baltic Sea.*
Mariehamn: The Åland Islands Peace Institute. 497–544.
- MIŠIN, ARMAS. (2005). Vepsäläinen kirjallisuus ammattikirjailijan silmin. In Saressalo 2005a. 194–210.
- NATIONAL COMPOSITION AND COMMAND OF LANGUAGES AND ETHNICITY IN LENINGRAD OBLAST. (2007) = *Национальный состав и владение языками, гражданство населения Ленинградской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года.* Стат. сб. Вып. 7. Санкт-Петербург.
- NATIONAL COMPOSITION OF KARELIA. (2005) = *Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения Республики Карелия.* Стат. сб. V. Петрозаводск.
- PAIN, EMIL A. (2007). Xenophobia and Ethnopolitical Extremism in Post-Soviet Russia: Dynamics and Growth Factors. In *Nationalities Papers*, Vol 35. Routledge. 895–911.
- PASANEN, ANNIKA. (2006). Karjalan kielen nykytila ja tulevaisuus. In *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja* 91. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura. 151–131.
- PAVLENKO, ANETA. (2006). Russian as lingua franca. In *Annual Review of Applied linguistics*, 26. Cambridge University Press. 78-99.
- PEKKANEN, INKA. (2005). Raamattua vepsäksi. In Saressalo, 163–170.
- PIETILÄINEN, JUUKA. (2005). Media in the life of Russians. In: Harri Melin (ed.), *Social Structure, Public Space and Civil Society in Karelia*. Helsinki: Kikumora Publications B 34, 99–100; 110.
- PIETILÄINEN, JUUKA – FOMICHEVA, IRINA – RESNIANSKAIA, LIUDMILA (2010). Changing media use in Russia. In: Arja Rosenholm, Kaarle Nordenstreng, Elena Trubina (eds.), *Russian mass media and changing values*. London: Routledge, p. 50–51.
- PEREPIS 2002 = Всероссийской переписи населения 2002 года. <http://www.perepis2002.ru>
- PEREPIS 2010 = Всероссийской переписи населения 2010 года. <http://www.perepis-2010.ru/>
- POPOV, ANTON & KUZNETSOV, IGOR. (2008). Ethnic Discrimination and the Discourse of "Indigenization": The Regional Regime, "Indigenous Majority" and Ethnic Minorities in Krasnodar Krai in Russia. In *Nationalities Papers*, Vol 36, No. 2. Routledge. 223–252.
- PUURA, ULRIKKA. (2007). Vepsän kielen momentaaniset ja frekventatiiviset verbijohdokset. Johdosten rakenteen, merkityksen ja käytön tarkastelu. Master's thesis. Helsinki: University of Helsinki. Available at <http://urn.fi/URN:NBN:fi-fe200804181247>
- (2008). Kielipesiä rakentamassa – suomalais-ugrilaisten kielten revitalisaatiotoimia vuonna 2008. – Alkukoti 10. Available at http://blogit.helsinki.fi/alkukoti/ak10s18_kielipesat.htm
- (2010). Frequentative and Momentative Verbal Derivation in Veps Language. – *Linguistica Uralica* . 261–280.
- PUURA, ULRIKKA & ZAYTSEVA, NINA (2010). *ELDIA Context Analysis Report on Veps language*. Unpublished report.
- PYYKKÖ, RIITTA. (2005). Venäjä - kieli ja valtio. In Marjut Johansson ja Riitta Pyykkö (toim.) *Monikielinen Eurooppa. Kielipolitiikkaa ja käytäntöä*. Helsinki: Gaudeamus, 215-230.
- RAIPON = <http://www.raipon.info/>
- ROGOZINA V., ZAJCEVA N. (2003). *Vepsän kelen harjoituzkogomuz üläopišton täht*. Petrozavodsk.

- ROMANOVA, EVGENIA (2007). The Process of Revitalization of Culture and Indigenous Ethnic Identity: The Case of the Vepsian People in Karelia. Master's thesis. Tromsø: University of Tromsø.
- ROSSTAT = Федеральная служба государственной статистики (Russian Federal State Statistics Service). <http://www.gks.ru/>
- SAARIKIVI, JANNE. (2006). *Substrata Uralica: studies on Finno-Ugrian substrate in Northern Russian dialects*. Helsinki: University of Helsinki.
- (2009): Itämerensuomalais-slaavilaisten kontaktien tutkimuksen nykytilasta. In Jussi Ylikoski (ed.) *The Quasquicentennial of the Finno-Ugrian Society*. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia 258. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. 109–160.
- SAKS, KATRIN. (2006). Situation of Finno-Ugric and Samoyed Peoples. A report to Committee on Culture, Science and Education of the Council of Europe. 26 October 2006. Available at <http://assembly.coe.int/main.asp?Link=/documents/workingdocs/doc06/edoc11087.htm>
- SALMINEN, TAPANI. (1998). Pohjoisten itämerensuomalaisten kielten luokittelun ongelmia. In Riho Grünthal & Johanna Laakso (ed.) *Oekeeta asijoo. Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Seppo Suhonen*. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia 228. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. 390–406.
- SALVE, KRISTI. (1998). Vepsäläisten etnisestä identiteetistä. In Hakamies, Pekka (ed.) *Ison karhun jälkeläiset*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 697. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 119-140.
- (2004). Vepsa keel, vepsa meel. In Karl Pajusalu & Jan Rahman (ed.), *Kiil' ja hindätiidmine. Keel ja identiteet*. Võro: Võro instituut. 115–132.
- SARHIMAA, ANNELI. (1999). *Syntactic transfer, contact-induced change, and the evolution of bilingual mixed codes. Focus on Karelian-Russian language alternation*. Studia Fennica Linguistica 9. Helsinki: Finnish Literature Society.
- SARESSALO, LASSI (ed.) (2005a). *Vepsä. Maa, kansa, kulttuuri*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 1005. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- (2005b): Vepsäläisestä kulttuurista, totta ja tarua. In Saressalo 2005a. 11–24.
- SCHWARTZ, CHRISTIAN. (2009). Die ostseefinnischen Minderheitssprachen in Russland seit dem Ende des 19. Jahrhunderts. Master's thesis. Wien, University of Wien. <http://othes.univie.ac.at/7764/> (read 3rd May 2010).
- SKÖN, K. & TORKKOLA, S. (1997). "Täällä Petroskoi." *Omakielisten radio- ja televisio-ohjelmien merkitys Venäjän Karjalan kansallisille vähemmistöille*. Karjalan tutkimuslaitoksen monisteita 2/1997. Joensuun yliopisto. Joensuu.
- STROGAL'ŠIKOVA, ZINAIDA & ZAJCEVA, NINA (2007). Vepsäläiset Siperiassa. – *Carelia*, 1/2007. Karjala: Petroskoi. 35–41.
- STRUBELL, MIQUEL (1996). Language planning and classroom practice in Catalonia. *Journal of Multilingual & Multicultural Development*, vol. 17, no. 24, pp. 262-275. <http://www.multilingualmatters.net/jmmd/017/0262/jmmd0170262.pdf>
- (2001). Minorities and European Language Policies. Minorités et l'aménagement linguistique. *Plurilingua XXII*: 45-58. http://www.geocities.com/m_strubell/viena.htm.

- TERÜKOV, ALEKSANDR. (2005) Vepsäläistutkimuksen historiasta Venäjällä ja entisessä Neuvostoliitossa. In Lassi Saressalo (ed.) *Vepsä. Maa, kansa, kulttuuri*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 1005. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 25–28.
- TUNKELO, E. A. 1946 *Vepsän kielen äännehistoria*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 228. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- VIINIKKA-KALLINEN, ANITTA. While the wings grow — Finnic minorities writing their existence onto the world map. In *Planning a new standard language. Finnic minority languages meet the new millennium*. Helsinki: Finnish Literature Society. 147–177.
- VIITSO, TIIT-REIN. (1998) Fennic. In Daniel Abondolo (ed.) *The Uralic Languages*. London and New York: Routledge. 96–114.
- VINOKUROVA, IRINA (2005a): Vepsäläisten vuotuisjuhlista ja rituaaleista. In Saressalo 2005. 74–85.
- (2005b): Vepsäläisten mytologis-uskonnollisista käsityksistä. In Saressalo 2005. 136–151.
- ZAJCEVA, NINA. (1995) *Vepsän kelen grammatik üläopišton täht, I*. Petrozavodsk.
- (1998) Vepsän kirjelen problemad: olem-ik surmankündusel? In *Nordlyd* № 26. Tromsø. 95–101.
- (2000) *Vepsän kelen grammatik üläopišton täht, II*. Petrozavodsk.
- (2001) *Vepsän kelen grammatik. II. Verboiden kändluz. Verboiden Nimiformad. Kändamatomad sanad. Openduzabukirj*. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета.
- (2003b) *Vepsän kelen grammatik. Teoretine openduzkirj 5-9 klassoi*. Petroskoi: Periodika.
- (2005) Vepsän kielestä ja murteista. In Saressalo 2005a. 152–162.
- (2010) *Vepsä-venälaine vajehnik*. Petroskoi: Periodika.
- ZAJCEVA N., MULLONEN M. (1991a) *Abekirj*. Petroskoi: Karjala.
- (1991b) *Lugem i pagizem vepsäks*. Petroskoi: Karjala.
- (1994) *Ičemoi lugemišt*. Petroskoi: Karjala.
- (1995) *Vepsä-venälaine, venä-vepsläine vajehnik*. Petroskoi: Karjala.
- 1-ST STATE REPORT FCPNM. (2000) First State Report of the Russian Federation on the Implementation of Provisions of the Framework Convention for the Protection of National Minorities, 08.03.2000.
- 2-ND STATE REPORT FCPNM. (2005) Second State Report of the Russian Federation on the Implementation of Provisions of the Framework Convention for the Protection of National Minorities, 26.04.2005.
- 3-RD STATE REPORT FCPNM. (2010). Third State Report of the Russian Federation on the Implementation of Provisions of the Framework Convention for the Protection of National Minorities, 09.04.2010.

Рекомендации

Следующие рекомендации основаны на результатах исследования конкретной ситуации вепсского языка (Россия), являющегося языком меньшинства. Данные и анализ текущей ситуации, которые проводились в рамках проекта Eldia, предоставили актуальную информацию о первоочередных мероприятиях, выполнение которых необходимо для поддержания и возрождения вепсского языка. Наше исследование, в котором приняли участие триста носителей вепсского языка, показало, что вепсский язык в настоящее время используется только в строго определенных контекстах и что число говорящих на нем резко сократилось в течение нескольких десятилетий.

Данные предложения имеют своей целью указание на те меры, которые могут и должны быть приняты для поддержки использования вепсского языка и его адаптации в современном мире. Учитывая, что данный список лишь призывает к осуществлению новых инициатив, а также к долгосрочной поддержке использования вепсского языка, средства финансирования предлагаемых мер не будут здесь обсуждаться. Однако для достижения успеха необходимо как государственное, так и частное финансирование.

Поддержка обучения вепсскому языку

(1)

Особое внимание должно быть уделено **обучению маленьких детей вепсскому языку**. Одна из основных проблем для вепсского языкового сообщества — то, что дети больше не овладевают вепским языком дома. Наиболее эффективный способ решить эту проблему — организация языковых гнезд, которые представляют собой небольшие группы и поддерживают интенсивные контакты между детьми и педагогами. Они могли бы быть поддержаны курсами погружения и семейными языковыми лагерями.

(2)

После успешного изучения вепсского языка в раннем возрасте **в школах должно быть введено преподавание на вепском языке**. Помимо вепсского языка как предмета, некоторые другие предметы также могут преподаваться по-вепски, в особенности те предметы, которые не требуют большого количества письменного учебного материала.

(3)

Для успешного продвижения вепсского и карельского языков при обучении детей, в принципе, должно быть два типа специализированных **детских садов** в республике Карелия: (а) двуязычные детские сады, где параллельно используются русский и карельский или русский и вепсский; (б) карельские или вепские детские сады или гнезда, где языком всех мероприятий был бы карельский или вепсский.

(4)

Преподавание **вепсского языка** постепенно началось **в школах Ленинградской области**. Многие вепские дети, которые ходят в школу в Винницах (Vidl), имели бы хорошую

возможность начать параллельное изучение вепсского языка, если бы была такая инициатива.

(5)

Изучение вепсского языка в раннем возрасте будет более успешным, если будет также открыто специализированное обучение преподавателей. Особое внимание должно быть уделено поддержке языковых навыков учителей, а также использованию ими соответствующих методов.

Поддержка использования вепсского языка

(6)

Поддержка **совместных мероприятий на вепсском языке для взрослых и детей** путем создания клубов и организации мероприятий с целью объединить людей, говорящих по-вепски. Мероприятия, которые проходят на вепсском языке, будут поощрять тех, кто слабее владеет языком, использовать свои пассивные языковые навыки на практике. Совместные мероприятия способствуют изучению языка и предоставляют участникам новые практические модели языка. Следует приглашать молодежь в группы, где до сих пор активно используется вепсский язык.

(7)

Рекомендуется принимать специальные меры, осуществлять целевые проекты для **повышения интереса к вепсскому языку у молодежи**. Элементы молодежной культуры, например музыка, игры и фильмы на вепсском языке, необходимы для поощрения расширения культурных тем вепсского языка.

(8)

Для развития **коммуникации на вепсском языке** необходимы интернет-страницы и дискуссионные форумы.

(9)

Курсы вепсского языка для взрослых в Интернете будут поддерживать языковые навыки участников.

Усиление «заметности» и укрепление позиций вепсского языка

(10)

Необходимы **новые аудиоматериалы**, чтобы сделать язык звучащим, даже если на нем никто не говорит. Рассказы, радиопередачи и музыка на вепсском языке могут воссоздать аудиопространство языка.

(11)

Рекомендуется иметь **специалиста по вепсскому и карельскому языкам в министерстве образования республики Карелия** для поддержки образования и использования вепсского и карельского языков.

(12)

Карельский и вепсский языки могли бы быть частью **бренда республики Карелия**. Эти языки могут быть более «заметными» в вывесках и общественных объявлениях. Географические названия в путеводителях можно было бы дать на карельском и вепском языках.

(13)

Компаниям рекомендуется создать бренд северо-запада России, публично рекламируя вепсский и/или карельский язык на своих сайтах и в буклетах. «Заметность» местных языков обогащает локальный профиль и может увеличить приток туристов.

(14)

Детские центры, родильные дома и детские сады должны распространять актуальную информацию о преимуществах параллельного обучения вепсскому и русскому языкам и поддерживать двуязычное воспитание детей.

(15)

Центр прибалтийско-финских языков и культур в Петрозаводске мог бы объединить разрозненные небольшие группы и отдельных людей. Он может стать главным зданием, где будут проходить соответствующие мероприятия.

(16)

Распространение книг на вепском языке и появление разнообразных изданий в книжных магазинах увеличит заметность этих изданий и их доступность.

Правовое положение вепсского языка

(17)

Общероссийский **закон о поддержке малочисленных народов и закон республики Карелия о государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков** в республике Карелия распространяется и на вепсский язык. Применение закона на практике было бы успешным, если бы существовал специальный орган контроля за соблюдением прав малочисленных народов и их правовым положением.

Рекомендации для средств массовой информации Республики Карелия по поддержке карельского и вепсского языков

(18)

Статьи единственной вепсской газеты Kodima обеспечивают хорошую основу для обсуждений **в Интернете**. Статьи онлайн могли бы поощрять читателей оставлять свои комментарии и обсуждать их.

(19)

Доступность вепсского языка **на радио и телевидении** укрепит его общественный имидж. Старые радио- и телепередачи можно повторять. Должен иметься открытый доступ к Интернет-архиву прошлых радио- и телепередач.

(20)

Как электронные, так и печатные СМИ будут способствовать **возникновению новых областей использования языка**, применимых в городском современном контексте. Многие читатели живут в городах в среде, которая отличается от традиционной. Средства массовой информации играют важную роль в создании новых платформ использования языка для языкового сообщества.

(21)

Средства массовой информации должны ввести карельский и вепсский языки в международный контекст. Как и другие прибалтийско-финские языки, карельский и вепсский имеют много общего с другими языками меньшинств России, с различными финно-угорскими языками народов Европы. С одной стороны, более широкий контекст прольет новый свет на текущее положение карельского и вепсского языков, с другой стороны, он усилит чувство этнической идентичности, поможет перенять новые идеи у других малых языковых сообществ. Кроме того, издатели могут получить новые идеи у СМИ других сообществ.

(22)

Осведомленность о **фактической социолингвистической и правовой ситуации** может передаваться средствами массовой информации в доступной форме. Изменения в законодательстве и их последствия должны быть доведены до сведения читателей. Социальная роль карельского и вепсского языков повысит уважение к этим языкам и к языковой идентичности отдельных носителей. Темы многоязычия отдельных лиц, семей и сообществ, возрождения этнического языка, языкового сдвига и овладения языком детьми имеют очень большое значение.

(23)

Главные редакторы должны поощрять журналистов думать о влиянии их статей на **восприятие текущего и будущего положения** карельского и вепсского языков.

(24)

Средства массовой информации несут большую ответственность в деле **поддержки и передачи языка и языковой идентичности**. В нынешней ситуации карельский и вепсский языки не передаются следующему поколению. Карельские и вепсские СМИ должны укреплять связи между теми, кто выучил язык в раннем детстве, и теми, кто находится лишь на стадии изучения языка. Специальные выпуски и целевые материалы могут поддержать эту связь. Например, бабушки и внуки могли бы вместе участвовать в конкурсе на лучшее сочинение.

(25)

Следует привлекать молодежь к использованию СМИ, выбирая особые темы. Содержание может меняться (адаптироваться) в соответствии с языковой компетенцией читателей.

(26)

Карельским и вепсским СМИ следует **взаимодействовать с читателями**. Читателей следует вовлекать в процесс поиска новых тем и содержания СМИ, что, в свою очередь, будет способствовать сохранности языка. Языковая вариативность, например, ареальная дивергенция, обогатит коммуникацию. В случае успеха число людей, способных использовать язык публично, будет увеличиваться.

Рекомендации Всемирного Конгресса финно-угорских народов

(27)

Всемирный Конгресс финно-угорских народов регулярно проходит с 1992 г. раз в четыре года. Рекомендации этой международной платформы должны подробно обсуждаться местными властями республики Карелия и Ленинградской области. Особое внимание следует уделить двум последним конгрессам, проходившим в Ханты-Мансийске (2008) и Шиофоке (2012).